

Игорь СМОЛИЧ

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ СТАРЦЕВ (Путь к совершенной жизни)

ОБ АВТОРЕ

Игорь Смолич (27.01.1898 — 2.11.1970) — доктор философии и доктор богословия, русский, родился в Умани (Киевская область), где окончил гимназию в 1916 г. Затем учился в Политехническом институте в Киеве. Ранен во время гражданской войны.

После трехлетнего пребывания в Константинополе продолжал свое образование с 1923 г. в Берлине. Получил диплом на историческом факультете университета. Проживал в "Русском доме" в Западном Берлине, где имел одну комнату, выходящую в широкий общий коридор.

И. Смолич — православный патриаршей юрисдикции и прихожанин Воскресенского кафедрального собора в Западном Берлине.

Я с ним был знаком в 1960—1962 гг., когда был епископом Берлинским и Среднеевропейским, Патриаршим Экзархом Средней Европы. Навещая "Русский дом", я всегда заставал И. Смолича сидящим за своим письменным столом и усердно работающим. Его перу принадлежат: солидный труд "Русское монашество" (1953, 556 страниц немецкого текста), книга "Жизнь и учение старцев (Путь к совершенной жизни)" (1936), переведенная мною и напечатанная в ФРГ (изд-во "Herder", Фрейбург) в 1988 г., множество очерков и статей.

И. Смолич похоронен на православном кладбище Тегель в Западном Берлине.

Митрополит Иоанн (Вендланд)

ПРЕДИСЛОВИЕ

"В действительности мне кажется искусством искусств и наукой наук руководить людьми, этими различными и разнообразными существами".

Эти слова святого Григория Назианзина (Григория Богослова.— *М. И.*) изображают вкратце очень часто встречающееся явление в жизни Восточной Церкви, известное под именем *с т а р ч е с т в о*. Старчество возникло и развилось в связи с аскетическим обучением молодых монахов для приобретения ими христианской деятельности. В понятии "отречься от всего земного" нет, однако, отрицания мира. Это — основной вопрос, тяжелейший во всей христианской аскетике. Все средства, которые даются в руки ученика, не должны иметь своей целью полное умерщвление плоти, но ее преодоление и преобразование. (В аскетическо-мистическом учении это названо ясно: "единение с Богом" и "обожествление".) Именно в таком состоянии должен аскет, полностью связанный с земными страданиями и уже стяжавший славу святого, снова вернуться в мир, чтобы служить своему ближнему, видя в нем тако-го же, как он сам, человека. В этом лежит конечная цель всех видов деятельного аскетизма.

Перевод с немецкого Митрополита Иоанна (Вендланда) († 1989)

Правильное обучение монаха, которое воспитывает будущего аскета, не может заключаться в полном отречении от самого себя, оно должно сохранять все связи, свойственные общественной жизни в монастыре, и в особенности личное отношение к старцу. Конечно, кто достиг высочайших ступеней аскетизма, может сам в себе воспитать отшельника. Но пройти путь полного самоотречения дано только немногим избранныкам, и если они послужат образцом для других, то это означает, что они дают пример не отшельничества, а своих в одиночестве воспитанных добродетелей.

Монастырь возник из идеи спасти себя, из желания любви к Богу и к людям, а не из самостоятельных побуждений достичь спасения. Обе цели взаимно связаны. Аскет VI столетия авва Дорофей представил эти задачи в таком сравнении. Наша жизнь, говорил он, есть не что иное, как путь к совершенству, к достижению любви, происходящей от наших отношений к Богу и к ближним. Если взять Бога как центр круга, то наш путь к Богу идет по радиусу, и в какой степени мы приближаемся к центру, т. е. к Богу, в той же степени мы приближаемся друг к другу. Любовь к Богу обусловлена нашей любовью к ближнему, и наоборот. Житие старцев, прошедших все обучение христианского аскета, есть, может быть, лучшее подтверждение этого сравнения аввы Дорофея, ибо старцы жили и действовали в духе любви к Богу и ближним. В них, и в особенности в преподобном Серафиме Саровском, христианство проявляется как религия радости и любви. Достигается это через жертву, и только через жертву.

Предлагаемая книга не является историей русского старчества, это только попытка представить сущность этой важной ветви православной аскетике и мистики в виде ряда из аскетов, наиболее выдающихся, чтобы привлечь внимание западного христианства.

Я должен выразить благодарность своим друзьям, господину Андреасу Георгиу за его советы и помощь и в особенности за его содействие в обработке немецкого текста.

Используемый нами материал по-гречески, по-церковнославянски и по-русски показывает своеобразие своих выражений, которое мы постарались по возможности сохранить.

Игорь Смолич

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСНОВА

"Ликуй, Фиваидо Русская, красуйтесь, пустыни и дебри Олонецкия, Белозерския, и Вологодския, возрадившия святое и славное отец множество, чудным житием всех наставляющее миру не прилеплятися, крест свой на рамена взяти и во вслед Христу шествовати".

"Радуясь, пустыне, прежде бесплодная и необитаемая, послепеде же, яко крин, процветшая и инок множество возрадившая!" (Из канона Всем святым, в земле Российской просиявшим).

Русская пустыня — вечнозеленые еловые и сосновые леса, серебристые, тихо текущие реки, разнообразные озера, голубая поверхность которых тиха или взволнована летним ветром или сквана льдом зимою.

Древний аскет мог видеть только полную таинственной силой бесконечную пустыню, ощущал внезапную смену пламенеющих жарких дней прохладными ночами, наблюдал внезапное наступление темноты африканской ночи со всем ее волшебством усеянного звездами неба.

Как отличается от этого тот мир, в котором жил древнерусский отшельник и аскет. Всегда перед его глазами стояла темная стена лесов, окружавшая его и оставлявшая только наверху кусочек светлого неба. Белые стволы

берез по краям леса или на полянах, а также на берегах рек только слегка смягчали угрюмый тон этого северного ландшафта. Кроме того, далеко простирались бесчисленные болота, и везде трясины и озера препятствовали проходу. Отшельник не знал тишины восточной пустыни. В продолжение длительных часов его одинокой молитвы, которые он проводил стоя или лежа ниц, его ухо улавливало разнообразные шорохи, идущие из глубины лесов, или скрип стволов во время морозной зимы, звон ручьев в весеннее время, крик ночных птиц в сумерки или в светлые летние ночи, или треск сучьев под ногой идущего зверя. Всегда его мог потревожить вечный шум вершин, подобный низкому органному звуку...

В противоположность впечатляющей красоте восточных пустынь или сирийских гор русская природа исполнена грусти и печали. Она не обещает мистического наслаждения. Равномерная смена годовых времен, медленное умирание и снова возрождение природы призывают его к спокойной равномерной работе и терпению всех трудностей. Его "делание" — молитва, смирение, пост и отречение от мира — является главным средством русского аскетизма. Возрождение природы от зимних оков аскет понимает как подобие собственного освобождения от грехов, как второе рождение для Вечной Жизни в Боге.

Начиная с принятия христианства аскетическая жизнь — монашество — стала для древнерусского верующего высочайшей целью, позволяющей преодолеть земные блуждания. Русский аскет являлся для верующего святым, святящимся всеми христианскими добродетелями. Ему казалось, что между аскетом и миром нет больше никаких личных отношений. Поэтому в редких случаях к нему обращались за советами относительно мирской жизни, в гораздо большей степени видели в нем жизненный идеал, пример деятельного христианства. Каждый чувствовал в себе возможность в будущем стать монахом, аскетом и нес в себе тоскливое желание получить "равноангельное состояние" как необходимую ступень на дороге к совершенству. Идея личного спасения господствовала в древнерусской, как, впрочем, и во всей русской, эсхатологии.

Святой оставался, таким образом, прежде всего идеалом христианской жизни, образом, иконой, поднимаемой к этому состоянию через Церковь. Для древнерусского человека икона является не просто картиной, "но образом будущего человечества, которое все стало храмом Божиим"¹. Икона есть немой свидетель святой жизни, всегда доступный для ищущего сердца и придающий этому сердцу новые силы; так что, кто с верою погружается в это созерцание, тот вступает в новый мир — в мир святых на небе...

"Я стоял однажды в часовне, — так рассказывает один из верующих, — созерцал чудотворную икону Божией Матери и размышлял о детской вере народа, который здесь молится: некоторые женщины, больные, старики стояли на коленях, осеяли себя крестным знамением и преклонялись до земли. Я стал с непоколебимой уверенностью понимать, что это — святое стремление, и понемногу стала мне открываться тайна чудесной силы, исходящей из иконы: да, передо мною находилась не просто раскрашенная доска! Бесчисленные люди различного возраста с глубокой внутренней молитвой, молитвой выстраданной, исполнялись силы, исходящей из иконы и снова отражающейся от молящихся. Это была жизнь, это было место встречи между Творцом и человеком... И когда я так думал, посмотрел я снова на стариков, на женщин с детьми, стирававшихся ниц в пыли, и на святую икону, и тогда увидел я живую силу Божией Матери: Она смотрела с состраданием и любовью на этих смиренных людей, и тогда я опустился на колени и начал смиренно молиться..."².

Для молящегося созерцателя не существовало разницы между иконой и самим святым, с которым он общался через изображение, "иконографически". Здесь лежит особенность взаимных отношений между миром и святым. В иконе сияла полнота благодатной силы, показывающая миру ее существо-

вание, та полнота, из которой каждый по своей вере и силам мог получать. И если это было поучение в области религиозно-нравственных вопросов христианской жизни, то это было уже достаточным ответом для мирянина. Древнерусский искатель Бога не был героем творений Достоевского, потому что он не занимался нравственными сомнениями или сомнениями в вере и атеизмом, столь характерными для послепетровской Руси. Его мировоззрение, его смиренность находились в рамках христианской эсхатологии и отчасти сотериологии. Он был убежден в необходимости пройти через земное грешное житие, для того чтобы рано или поздно прийти в состояние равноангельного монашеского образа, принять на себя всю строгость аскетизма и так последовать Христу. Для мистического созерцания в этом мировоззрении не находилось места, за исключением некоторых святых. В Древней Руси мы находим отшельников, затворников, столпников, но редко мистиков. В величайшем смирении, преданности и самоуничижении лежали они ниц в молитве перед Богом. Их непрерывная забота состояла в покаянии в начинающемся зле, и они были проникнуты чувством собственной греховности. Это чувство быть совершенно недостойным благодати Божественного созерцания, это смиренное преклонение в молитве перед Христом, Который для народа был величайшим примером совершенного смирения, не позволяло, по-видимому, появиться желанию быть участником мистического созерцания Божественного великолепия. Аскетическое делание совсем не стремилось к мистическим высотам, но смиренно и в твердом уповании надеялось по смерти обитать в небесном храме Божественной славы.

Огромное внутреннее удовлетворение находил древнерусский верующий в богослужении, любил и ценил его всего более за великолепие слов церковных песнопений, за риторическое богатство старых священных историй и вообще за строгую последовательность церковного устава. Поэтому он мог, к удивлению греков, выстаивать многочасовые всенощные, погруженный в словесную красоту стихир, канонов или Житий святых дня. В богослужении его душа находила полноту, единство мировоззрений, обогащение, укрепление и освобождение от всех нужд через молитвенное обращение к Богородице, к святым. Здесь, в церкви, чувствовал он неограниченное милосердие Бога к Своему творению. Поэтому молитва была главным христианским делом старого времени.

За стенами старых русских монастырей мы находим все начала русской культуры. Вне их мы не можем ее ни понять, ни объяснить. Под защитой Православной Церкви наша культура возросла, и, покинув монастырь, вступив в мирскую жизнь, она никогда не забывала своего происхождения. Русский монастырь был созданием всего народа. Он возник из религиозной потребности, а не из политических соображений. Монашество никогда не было организовано в какие-либо конгрегации, преследующие определенную цель. Тем не менее влияние монахов, и обличенных какой-либо должностью, было очень заметным. Попытка Петра Великого сделать русскую культуру более светской имела лишь временный успех. Если мы пронаблюдаем историю русской мысли в XIX столетии, то кинем ли мы свой взгляд на Гоголя или на славянофилов, на Достоевского или на весь вообще философский мир последующих лет, вплоть до последнего времени, мы всегда найдем связь со святыми древней Церкви, мысли которых эти философы старались снова сформулировать и углубить. С этой точки зрения старчество приобретает исключительное значение. Духовно-аскетическая атмосфера русских монастырей привлекает снова внимание и признание, а также имеет огромное влияние на народную душу. Старчество стоит в тесной связи с историей монастырской жизни в России. Оно было явлением, вытекающим из исторического развития аскетики и мистики Восточной Церкви. Первоначально оно пришло с горы Афон. Его собственное развитие в России произошло около конца XV столетия через аскетические и мистические творения преподобного Нила Сорского и его учеников, так называемых заволжских старцев. За-

тем старчество стало мало известно. О его значении в XVII и XVIII столетиях мы не имеем известий. Но в последней четверти XVIII столетия возникла личность старца Паисия Величковского. Ему принадлежит заслуга возрождения старчества в жизни монахов и мирян. В XIX столетии старчество достигло наивысшего расцвета сперва в маленьких монастырях центральной России, затем в исключительной жизни преподобного Серафима Саровского и старцев Оптиной пустыни.

Старец есть один из старших монахов, прошедший тяжелый путь самоотречения и взявший под свое духовное руководство молодых монахов и мирян. Свою задачу он видит прежде всего в руководстве и заботе о душе, воспитании воли тех, кто не имеет большого духовного опыта, чтобы провести их через все искушения и горести этой жизни. По собственной жизни и опыту он знает о разнообразии темных путей, на которых поджидает нас искушитель. Незнакомым, пришедшим извне, он дает советы, чтобы уберечь их от ошибок.

Старец есть сердце всех верующих сердец, получающих от него совет. Старец есть воля к религиозному и общественному совершенству этих верующих сердец; люди, которые предали себя его руководству, совершенно отказываются от собственной воли.

В монастыре старец обычно не занимает никакой должности; он духовный вождь и советник. Вокруг него группируются в монастыре все являющиеся его учениками, и он смиренно и ответственно берет на себя эту тяжелую обязанность.

Ученик сам избирает того старца, которого хочет. И часто случается так, что человек, желавший поговорить со старцем только по одному вопросу, остается под его руководством на всю жизнь и даже принимает монашество.

Чистосердечие и послушание, смирение и готовность к исполнению со стороны духовного сына, сердечность и справедливая строгость со стороны руководящего старца образуют содержание двусторонних отношений, озаренных Божественной любовью, в которой живут оба. Так достигает ищущая душа сладости внутренней молитвы, всепобеждающей силы любви и полной благодатности жизни в Боге в воскресим Христом. В этом заключается очень коротко сущность старчества. В образе старца Зосимы в романе Достоевского "Братья Карамазовы" мы находим первую попытку в художественной форме изобразить образ старца.

"Важнее всех книг и всякого мышления,— писал в 40-х годах прошлого столетия русский мыслитель Иван Киреевский, находившийся сам под руководством старца Макария из Оптиной пустыни,— найти святого православного старца, способного быть руководителем, с которым ты делишься каждым помышлением и от которого ты хочешь услышать не мнение, но определение. Такие старцы, слава Богу, еще существуют на Руси!"

Духовное руководство в старой аскетике

Старчество как учреждение есть очень древнее явление в жизни Восточной Церкви. С одной стороны, оно находится в зависимости от истории исповедальной практики, с другой — от развития монастырской жизни вообще. Старец был духовным отцом, который находился рядом с монахом в его борьбе за самоотречение. Выражение "пневматикос патир" по-гречески или "патер спиритуалис" по-латыни (духовный отец) мы встречаем сперва в аскетических писаниях общехристианских отцов, т. е. приблизительно в IV столетии. Это определение было одновременно почти у всех отшельников и аскетов в Египте, Палестине, Сирии, а также у латинских отцов, как, например, у Иоанна Кассиана. При этом подразумевался не всегда священник, но обыкновенный опытный старый монах, часто не имевший священного сана, живший в монастыре или в скиту самостоятельно, так что даже игумен не вмешивался в деятельность старца, который руководил молодыми монахами

на пути к совершенству и часто даже был избираем новичками. Часто старец принимал даже исповедь, так что священнику оставалось только дать разрешительную молитву. В более позднее время, приблизительно с VIII или IX столетия, да и тогда редко, монах имел, кроме старца, еще особого иеромонаха, принимавшего исповедь.

Старчество есть явление, свойственное аскетической жизни. Оно выработало свои собственные христианско-аскетические взгляды и обратило внимание на некоторые стороны аскетизма, которые оно положило в основу пути спасения души; главным образом оно покоится на принципах послушания и молитвы.

Старчество как духовное руководство основывается прежде всего на Священном Писании. Послушание и смирение Сына Божия присуще Самому Божественному Троициству. Наш Господь и Бог Иисус Христос говорил Своим ученикам: "Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня" (Ин. 6, 38); "Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня" (Ин. 7, 16); "Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня" (Ин. 7, 28); "Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви" (Ин. 15, 10).

И святой апостол Павел писал к Филиппийцам: "Он смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (Флп. 2, 8).

Этот дух послушания свойствен также и Третьему Лицу Святого Троициства, т. е. Святому Духу. О Нем сказал Спаситель: "Которого пошлет Отец во имя Мое" (Ин. 14, 26). И далее: "Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам" (Ин. 16, 13).

Таким образом, два Лица Святого Троициства — Господь Иисус Христос и Святой Дух, Которые суть одного Существа с Отцом и полностью имеют с Ним одинаковые достоинства и славу, все же подчинены Отцу, Вседержителю.

Согласно религиозным воззрениям старцев, которые опираются на учение святого Дионисия Ареопагита ("О небесной иерархии" и "О церковной иерархии"), дух послушания свойствен всему созданию. Отец — единственный Творец всего видимого и невидимого, которое образует ступенчатую иерархию, как объясняет святой апостол Павел: "Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли; все Им и для Него создано" (Кол. 1, 16). И земной, "воинствующей" Церкви свойствен, как краеугольный камень, дух иерархического порядка. Как овцы не могут быть без пастуха, так и каждый, кто хочет спастись, на пути своего спасения должен иметь руководителя, постоянная помощь и постоянное сопричастие которого облегчат и обеспечат ему правильное восхождение по лестнице в Царство Небесное.

Для отцов Церкви и древних аскетов наша земная жизнь есть не что иное, как приготовление к Вечной Жизни, к обожествлению (феосису), и средства для этого нам даны в аскетических упражнениях. Среди духовных дел, которые вводят нас по ступеням, по "лестнице в рай", послушание прежде всего предлагалось отцами древней Церкви. Сама идея духовного руководства становится действенной и плодотворной через послушание. Иоанн Лествичник († ок. 605) поставил на четвертой ступени своей "Лестницы в рай" послушание, определяемое им как "погребение воли", "добровольная смерть" и как высший вид — "послушание до смерти". "Действительно, ученик послушания, — говорит он, — даже если он мертвых может воскресить, даже если он небесный дар слез имеет, всегда знает, что это не его заслуги, а его учителя". И далее, святой Василий Великий († 379), преподобный Ефрем Сирий († 373) и преподобный Нил Синайский († 453) в своих писаниях уделяют особенное внимание духовному руководству. "Действительное и совершенное послушание подчиненного руководителю, — пишет святой Василий Великий, — выражается в том, чтобы после совета руководителя не толь-

ко воздерживаться от всего неразумного, но и не делать ничего хорошего по собственной воле". Еще говорит святой Василий так: "С большой тщательностью и размышлением постарайся найти кого-нибудь, кто безупречно проходит свой жизненный путь, кто способен понимать тех, кто стремится к Богу и глубоко знает Священное Писание". И "как Бог от Своих рабов требует полной преданности, так и духовный отец требует от своих подчиненных, в рамках Закона Божия, послушания без возражений".

Преподобный Ефрем Сирий, этот "столп Церкви" и "предстатель перед Духом Святым", описывает взаимные отношения между старшим и подчиненным следующим образом: "Брат! Если тебе доверилась какая-либо душа, то препояш, как муж, свои чресла, ибо ты идешь не на легкую борьбу, ты воспринял на себя ответственность за другую душу. Будь также в высшей степени рассудителем, ибо дело требует большого внимания. Не считай свое дело безразличным, напротив, как руководители, мы должны во всей святости жить с другими... Старшие должны показывать подчиненным пример в каждой добродетели. Если мы сами распущены, как сможем мы подчиненных учить послушанию? Если мы сами кутилы, или пьяницы, или скряги, как сможем мы тогда научить наших подчиненных воздержанию и терпению? Если мы сами непредусмотрительны, унылы и нерешительны, как сможем мы учить наших подчиненных серьезности и постоянству? Наш Господь и Спаситель Иисус Христос говорит: "Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном" (Мф. 5, 19).

Об обязанности друг друга научать и исправлять мы имеем заповедь Святого Духа: "Обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов" (Иак. 5, 20). Возлюбленный, мы не смеем даже судить наших старших, ибо написано: "Не судите, да не судимы будете" (Мф. 7, 1). Маленький мальчик не может делать таких больших шагов, как мужчина. Если ты возложишь на дитя груз, превосходящий его силы, ты сделаешь его ни к чему не годным. Так же нужно новичком руководить с умом, чтобы не погубить его души. Вспоминай почаще, как ты сам был подчиненным и новичком, и веди своего питомца постепенно, шаг за шагом, к высотам аскетизма! Если ты по окончании всеобщего бдения и положенного келейного правила хочешь еще бодрствовать, а твой подчиненный хочет немножко поспать, то предоставь ему покой, ибо, как я уже сказал, дитя не может ступать одинаковыми шагами со взрослыми. Если он слабого телосложения, не отталкивай его от себя, но сочувствуй ему с терпением, как понимающий крестьянин заботится о хорошем растении! Примени все возможное усердие для того, чтобы представить его тело как живую Богоугодную жертву, чтобы не заслужить осуждение с теми, о которых апостол сказал, что они имеют вид благочестия, силы же его отреклись (2 Тим. 3, 5). Поучай твоего воспитанника добродетельным упражнениям, ибо написано: "Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста" (Иер. 15, 19). Если мирские воспитатели употребляют всю заботу для воспитания детской души и это делают за жалованье, получаемое от родителей, во сколько больше совершенные старцы должны иметь терпения, занимаясь со слабым ради Господа?... Те, кто от суетной и утомительной мирской жизни переходят к одинокому житию, не должны быть горды и высокомерны, но должны показать кротость и смирение, постоянно вспоминая милость Божию, извлекающую их от этого суетного мира, чтобы к ним нельзя было применить слова Псалма: "Человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им" (Пс. 48, 13).

Так послужим же все мы, возлюбленные, Господу с постоянным смирением в течение всей своей жизни, ибо "Господь из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего" (Пс. 112, 7), чтобы Он поселил нас на земле кротких и смиренных, созерцающих Божие великолепие, как написано: "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать" (Иак. 4, 6). Ему слава вовеки. Аминь".

Игумен Дорофей († 540), который сам прошел длительную школу аскетического послушания у старца Серида, говорит в своих замечательных духовных беседах: "Как две лошади в одной упряжке не могут двигаться одна без другой, так и послушанию нужно, чтобы с ним сопряжено было смирение. Во всяком случае, благодатная высота добродетели смирения не будет достигнута, если не отсечь собственную волю, доверив себя духовному руководителю. Надо не отклоняться от послушания ему и все делать с убеждением, что через духовного отца исполняется воля Божия".

"Собственная воля есть медная стена, стоящая между Богом и людьми; человек, руководствующийся собственной волей, подобен флюгеру, вертящемуся в разные стороны". "Люди без руководства падают, как листья с осеннего дерева; исцеление там, где больше совета".

"Если ты находишься в положении подчиненного, не верь никогда своему сердцу. Старые привязанности делают тебя слепым. Не следуй ни в чем своим суждениям. Не считай упрямо, что твое мнение умнее или правильнее мнения твоего начальника. Не осуждай его действий. В противном случае — ты впадешь в ошибку". "Послушание и дисциплина собственной воли могут спасти даже от смертельной опасности".

Святой Антоний Великий († ок. 356) оставил нам некоторые хорошие изречения.

"Если ты увидишь молодого монаха, который по собственной воле устремляется в небо, крепко схвати его за ноги, потяни его книзу, так как ему такое устремление вредно". "Люби своих духовных отцов больше, чем своих родителей, потому что они заботятся о том, чтобы привести тебя к Богу". "Живи так, чтобы породившие тебя духовные отцы радовались бы на небесах в сонме святых".

История "о Дорофее и Досифее" дает нам хорошую картину взаимных отношений между старцем и учеником.

"Память о Боге всегда пребывала в сердце Досифея. Дорофей учил его всегда повторять молитву: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй меня! Сыне Божий, помоги мне!" Эта маленькая молитва была всегда на устах Досифея. Когда он заболел, Дорофей сказал ему: "Думай о своей молитве. Остерегайся, чтобы ее не потерять! Досифей ответил: "Я буду так делать. Молись за меня". Когда Досифей почувствовал себя хуже, Дорофей спросил его: "Сынок, как идет дело с молитвой, совершенша ли ты ее еще?" Досифей ответил: "Да, отче! Благодаря твоим молитвам". Когда Досифей стало еще тяжелее, Дорофей спросил его: "Как с молитвой, Досифей?" На это Досифей ответил: "Прости, отче! Я больше не могу молиться!" Дорофей ответил: "Тогда оставь молитву! Только держи память о Боге и не забывай, что Он с тобою". Большой очень страдал и сказал своему отцу: "Прости меня, я больше не могу!" На это Дорофей ответил: "Потерпи еще немножко, сынок, милость Божия близка!" С появлением рассвета Досифей сказал Дорофею: "Отче, я больше не могу!" И тогда Дорофей ответил: "Тогда отойди с миром! Предстань Пресвятой Троице и ходатайствуй за нас!"

Старые аскеты по собственному опыту утверждают, что послушание и смирение есть основа аскетической борьбы и никакая другая добродетель не может быть без них исполнена. Следует, однако, подчеркнуть, что в аскетической литературе послушание и смирение есть главное для начинающего. Они — прекрасное средство в борьбе с восемью главными грехами: неумеренностью, развратом, корыстолюбием, гневом, унынием, леностью, тщеславием, гордостью. Аскетическая литература обладает психологической схемой проникновения страстей в нашу душу, которая изображена в творениях Езекии Иерусалимского († вскоре после 450 г.). В аскетической традиции Восточной Церкви, а в особенности в учении старцев эта схема удерживается до сих пор.

Рядом с послушанием называется молитва как помощь в борьбе против страстей. Уже отцы Египетской пустыни подчеркивали значение и необходи-

мость молитвы для нашего спасения. В связи с этим следует особо указать на святого Макария Египетского. Его "Духовные беседы" остаются всегда важным источником, из которого аскеты позднейших времен черпают поучение. Особенно высокую оценку получили труды святого Макария со стороны старцев XVIII и XIX столетий, которые читали их с особенным вниманием. Взгляды преподобного Серафима Саровского тесно связаны с учением великих отцов Египетской пустыни.

Преподобный Макарий пишет про молитву: "Человек должен прежде всего приближаться к Господу. Он должен себя понуждать к добру, понуждать свое сердце постоянно с верой ожидать своего спасения... Он должен понуждать себя к молитве, поскольку ему недостает духовной молитвы. И видит Бог, как он борется, несмотря на свое сопротивляющееся сердце, и посылает ему истинную молитву в духе, в истинной любви, кротости, духовном умилении — короче, Он наполняет его плодами Духа".

"Венцом всех благородных стремлений и вершиной добрых дел является постоянная молитва. Через нее мы можем и остальные добродетели у Бога испросить и ежедневно получать. Через молитву мы получаем достойное участие в святости Божией и духовную силу, за этим следует также соединение с Господом в неизреченной любви. Ибо, кто ежедневно понуждает себя к непрестанной молитве, тот зажгется пламенем Божественной любви в духе и получит благодать освящающего духовного совершенства".

У Макария мы находим мистический смысл молитвы, мистическое делание. История древнего аскетизма показывает нам, что именно молитва, как благодатный мост, ведет от внешнего делания (пракис) к мистическому созерцанию (феория). Сочинение "О молитве" святого Нила Синайского является, по-видимому, первой попыткой представить мистику молитвы. Там написано: "Молитва есть беседа человеческого духа с Богом. Молитва есть ветвь древа кротости и незлобия. Молитва есть проявление радости и благодарности. Молитва есть исцеление от уныния и лености. Молитва есть восхождение ума к Богу. Средоточенная молитва есть высшая добродетель духа. Состояние молитвы есть освобождение от всех печалей, пламенной любовью восхищающее на мысленную высоту любомудрствующий ум. Когда наш дух воспламеняется в стремлении к Богу, тогда постепенно освобождается от тяжести плоти и от всех искушений и исполняется благоговением и глубокой радостью; тогда разумеи, что твой дух приближается к границе молитвы.

Молитва совершенных — совершенное освобождение духа от всего греховного, когда он в неизреченных молениях приближается к Богу. Бог видит готовность сердец, открытых, как написанная книга, и без слов сообщает Свою волю. Так святой апостол Павел был вознесен до третьего неба и не знал, находится ли он в теле или вне тела" (2 Кор. 12, 2).

У святого Иоанна Лествичника мы находим следующие слова о молитве: "Молитва по своей природе есть соединение души с Богом. Ее действия и плоды суть следующие: очищение души, собрание внутренних сил, усыновление Богу, слезы, прощение грехов; мост, уводящий нас от искушений; защитная стена против горести, успокоение брани. Молитва есть ангельское делание, трапеза духовных существ, радость вечности, духовное делание, сокровище благодати, духовное преуспеяние, душевное питание, облегчение, исключение малодушия, основание нашей уверенности, утешение в печали, богатство монахов, сокровище отшельников, откровение будущего, доказательство Божественного милосердия. Если говорить много слов в молитве, то дух рассеивается различными образами, но сама молитва теряется. Если говорить немного или даже одно слово в молитве, то дух остается собранным".

Святой Нил дает нам более внешнее описание нашего отношения к молитве. В "Лествице" святого Иоанна Лествичника находим мы уже первые обобщения. Кто же знает гимны святого Симеона Нового Богослова († ок. 1036), тому открывается вся полнота и красота Небесного Царства и горение

сердец, преданных Богу. В святом Симеоне мистическая молитва Древней Восточной Церкви достигает своей высочайшей вершины. Одновременно с ним заканчивается великая патристическая эпоха, в которой праксис и феория были выработаны и твердо установлены.

Мистика Восточной Церкви и старчество

В божественном шуме гимна святого Симеона Нового Богослова соединяются древнехристианский аскетизм и мистика и переплетаются между собою такими изумительными напевами, что часто их нельзя даже различить между собой. Вся полнота религиозных переживаний находит здесь свое выражение. Симеоновы исполненные благодати взгляды суть прекраснейшие цветы многовекового развития аскетическо-мистической жизни Восточной Церкви. В этих цветах особенно ярко проявляется богатство царства мистических красок. И этим царством овладевают в своем смиреннии различные представители двух основных направлений древнего аскетизма, этой "философии духа", как их назвал Нил Синайский.

В древнехристианской мистике развиваются рядом два течения, которые со временем становятся все более ясными. Эти два течения были в аскетизме с самого начала. Это суть: 1) нравственно, духовно возвышающее и 2) мыслительное. Представителем первого течения является Макарий Египетский, ко второму принадлежат Григорий Нисский и Евагрий Понтийский, из более поздних — Псевдо-Дионисий Ареопагит. Основные положения этих взглядов у различных представителей почти одинаковы.

Целью христианской жизни является обожествление (феосис). Первым шагом восхождения к Богу является очищение от страстей и искушений. Только по достижении полного бесстрастия, когда человек полностью откажется от этого светного мира, он восходит на высшую ступень. Ему открывается духовное зрение, он становится единым с Богом, получает обожествление, что и составляет высшую цель аскетизма.

Мистика Макария развивает духовное чувство. Из земного очищения ведет она (мистика) через глубочайшие переживания сердца в кротости и молитве к любви и благоговению перед Богом. Переживания высочайшей любви пробуждают в душе чувство необычайного счастья и возвышают плоть над всем земным.

Мыслительная мистика связана с духом (ноус) и с глубинным рассмотрением понятий. Через переработку основ ведет она к философскому осмыслению всего; осмыслению было выражено через писания Климента Александрийского и так вошло в патристическую литературу. Она дает схему страстей, как уже было сказано, схему из восьми главных грехов, приведенную сперва у Евагрия. Борьба с ними одновременно является подъемом к ведению, и прежде всего через исцеление отрицательных сторон духа, заключающихся в непонимании Божественного. Не душа, но дух есть та часть человеческой природы, которая после умерщвления всего земного приходит к блаженному состоянию через таинственное лицезрение Божества. Ведение (феория) есть главное содержание мистической жизни. Можно достичь его (ведения) через внутреннюю собранность и молитву. Внутренняя собранность заключается в том, чтобы постоянно держать свои мысли на Совершенстве. В этом состоянии человек господствует над всеми функциями своего духа. Такая сосредоточенность означает полное внутреннее уединение с отрывом от всего земного. Подвижник, стоящий только в начале аскетизма, нуждается также и во внешнем одиночестве, и в полном разрыве с миром. Для этого нужно жить в пустыне или в монастыре. Самособранность означает обращение своего духа на самого себя, отречение от мира и погружение в молчание.

Уже между современниками святого Макария мы находим "молчащих", которые позже были названы "исихастами".

"О, молчание и в тишине пребывание! Ты мать живого духа и зеркало

грехов. Ты понуждаешь нас к покаянию. Ты исторгаешь из нас слезы и направляешь наши мольбы к небу. С тобою вместе обитает кротость. От тебя душа просветляется. В тебе нам сопresentствуют и нас поучают ангелы. Из тебя происходят кротость и мир с людьми. О молчание, о одиночество! Ты просвещаешь дух. Ты исследуешь мысли и помогаешь их распознавать. Ты мать молитвы. Ты доставляешь досуг для чтения. Ты подаешь силу в посте. Ты удерживаешь язык за забором, освобождаешь от неумеренности. Отстранение забот, молчание и внутреннее восхождение духа в сердце порождает страх Божий и целомудрие. Внутреннее восхождение духа в сердце есть непрестанная духовная молитва: "Господи Иисусе Христе, помилуй меня, Сыне Божий, помоги мне!" — такими словами прославляет святая отшельница Феодора уединение (конец IV столетия).

Мы видим, что уже очень рано в аскетическом упражнении и в мистическом созерцании была в употреблении духовная молитва. Исихия и делание духовной молитвы становились со временем в большем употреблении в мистике Восточной Церкви. Оба понятия, принадлежащих к высочайшим ступеням феории (созерцания), многочисленными отцами Церкви считались главной целью аскетизма, и почти все послемакарьевские аскеты говорят о "духовном делании" или "духовной молитве". Оба великих сирийца — Нил и Исаак, Иоанн Лествичник, Максим Исповедник, так же как Симеон Новый Богослов, подчеркивают важность этого духовного упражнения, важность самособранности, удаление не только от земных мыслей, но и вообще от мыслей, связанных с каким-либо образом. Из гимнов святого Симеона мы узнаем, что исихия может привести к высочайшему духовному экстазу, к Боговедению.

Как уже было сказано, святым Симеоном заканчивается большая эпоха церковной мистики Восточной Церкви, которая здесь вкратце была описана. Для нас важно указать на то, что духовная молитва есть центральный пункт восточной мистики наряду с послушанием и общей молитвой аскетизма. Мы еще увидим, как позже эти три понятия после долгого перерыва снова возникли совершенно в новом виде, связанном с развитием старчества, и получили новое распространение. Относительно распространения и практики исихии в восточном монашестве в последующие столетия мы не имеем точного знания. Мы знаем, что даже ко времени святого Симеона эта практика начала забываться, и очень скоро она совсем была забыта в странах православного Востока. Однако наступил день, когда эта практика возродилась среди аскетов, старавшихся освободить ее от пыли забвения и развить дальше.

Это были отшельники горы Афон, святогорцы. Афон, Святая Гора, украшение Византии — самый восточный из трех "языков", которыми полуостров Халкидики вдается в Эгейское море. "Крупинка мира", как его называл Марк Аврелий, "мастерская добродетели", "избранное Богом место", как тамошние монахи, святогорцы, называют свою гористую родину.

"Афон есть лесной Собор восточного христианства, — так пишет доктор Фалмерайер. — Более двенадцати часов ходьбы в длину и два-три часа в ширину. Соединяется с континентом узким длинным перешейком. Афон возвышается над морем очень величественно. Афон приспособлен только для монашеской жизни. Это своего рода православный Ватикан, на который устремлены духовные взоры православных со всех концов света".

Прежде всего Святая Гора — это духовный центр Восточной Церкви, совершенный пример христианского аскетизма, "Царство Небесное", как многие его называли. Не будет преувеличением сказать, что всей истории восточного аскетизма не было бы без Святой Горы. Именно старчество вообще, а русское в особенности есть наследие духовного роста, происходившего в течение многих столетий на Афоне. И хотя с течением времени менялись несущественные стороны духовной жизни, существо и цель ее оставались теми же. То, что стояло в центре святогорской мистики, было также централь-

ным пунктом учения русского старчества. И это было не чем иным, как исихавством и его духовным инструментом — духовной молитвой.

Начало монашеской жизни на Афоне относится приблизительно к последней четверти VII в. Первый известный исихаст был Петр Святогорец, который уже в 681 г. поселился на Афоне. Он был грек, в юности занимался военной службой при императорском дворе в Константинополе. Потом попал в плен к арабам. После девятилетнего плена Петр пришел в Рим и получил там монашеский постриг. Во сне ему явилась Божия Матерь, которая сказала, что Афон станет знаменитым центром монашеской жизни. Ободренный этим видением, Петр отправился на Афон и жил там в пещере в течение 53 лет до своей смерти. Он причислен к лику святых. В стихире, ему посвященной, мы находим следующие слова: "Святой Петр Святогорец имел пылающую веру, как святой апостол Петр, и обладал истинной любовью, непоколебимой надеждой, терпением, умилением и плачем, кротостью, преодолением плоти, бесстрашием, чистотой жизни и души, молчанием в лицезрении Бога". Он умер в 734 г. Некоторые позднейшие сведения и предания Византийского двора IX—X столетий указывают на монахов, которые жили на Афонской горе независимо от своих монастырей.

Тяжелые времена наступили для святогорских исихастов, когда руководство над ними перешло к святому Афанасию. Его деятельность означала новый отрезок в истории Афона. Святой Афанасий происходил из благородной фамилии. Он родился в Трапезунде. Учился сначала в Константинополе, но уже очень рано ему пришлось на сердце решение посвятить себя аскетизму. Он вступил в монастырь на горе Тиминос в Малой Азии, где он находился под духовным руководством игумена Михаила Малинуса. Сорока шести лет он направился на гору Афон. Это было в 963 г. Некоторое время он с изумлением наблюдал аскетическую жизнь Святогорцев, но вскоре пришел к убеждению, что такой образ жизни возможен только для немногих избранных, и стал учреждать на Афоне кинобийский (т. е. общежительный) устав. Он написал Типикон, т. е. правила жизни своей киновии. Деятельность Афанасия не нашла полного признания между святогорскими отшельниками. Возникла борьба между ним и исихастами, продолжавшаяся более столетия. Нельзя сказать, что эта борьба закончилась ясной победой кинобийцев, хотя последующее время характеризуется сильным развитием строительства общежительных монастырей. Однако одновременно существовало также и отшельничество.

В киновиях жили монахи под руководством игумена. Они не имели личной собственности, носили одинаковую монашескую одежду, питались совместно. Монашеские работы и распорядок дня определялись игуменом. В противоположность этому отшельники жили поодиночке. Однако и они избирали себе игумена сроком на один год. Как уже сказано, борьба между двумя аскетическими направлениями продолжалась очень долго и тяжело отразилась на состоянии исихастов.

Только XIV столетие принесло новый расцвет исихастской мистике. Она связана с именами Григория Синаита († 1346), Николая Кавасилы († 1371) и Григория Паламы († 1359).

Григорий Синаит ставит Боговедение главной целью исихазма. Духовная молитва занимает главнейшее место в феории. Через столетие после смерти Григория его учение о духовной молитве воспринял Нил Сорский и насадил его в девственных лесах северной России.

Григорий Синаит является выдающейся личностью в мистической жизни старчества. Ему принадлежит заслуга оживления старых и полузабытых преданий. В результате жизнь по ним возродилась. Если святой Симеон в своих гимнах передал главным образом образные переживания, то Григорий Синаит создал общее учение об исихазме, не менее важное для мистической жизни, чем "Лествица" Иоанна Лествичника.

Когда Григорий Синаит во второй раз пришел на Кипр, он нашел там в

пещере старца по имени Арсений. Они беседовали друг с другом об аскетических упражнениях, и Григорий рассказал о своем одиноком житии на Синае, его тамошней изоляции от мира, его борении и терпении. Тогда Арсений объяснил, что все это было только деланием (праксис), настоящая аскетическая жизнь заключается в феории. Когда Григорий это услышал, он пал ниц перед старцем и просил его, чтобы он обучил его этой феории. Арсений исполнил его просьбу, особенно в отношении духовной молитвы, безмолвия и хранения духа. Григорий, обученный старцем, занялся сам духовным деланием и написал впоследствии три произведения, обстоятельно повествующие об этом. Эти писания, содержащие практическое руководство для аскетов и взаимно дополняющие одно другое, имеют следующие названия: "Наставление безмолвствующим", "О безмолвии и молитве", "Главы о заповедях, догматах и проч." Они сыграли большую роль в возрождении и развитии аскетическо-мистических взглядов обитателей Афона. Историческое событие на Святой Горе, так называемый "исихастский спор", находится в связи с работами Григория Синаита. Мы не должны забывать, что Григорий Палама, сам принимавший участие в этих спорах как представитель православного направления, был учеником Григория Синаита. Таким образом, победа "Паламитов" приобрела большое значение для распространения учения Григория Синаита. Кратко можно изложить это учение следующим образом.

Монах, желающий отречься от мира, должен сперва пожить в одиночестве и обладать следующими пятью добродетелями: молчанием, воздержанием, бодрствованием, смирением и терпением. Его время должно распределяться между следующими тремя занятиями: пением псалмов, молитвой и чтением Священного Писания. Свой день монах начинает с мысли о Боге, с молитвы и внутренней собранности. Первый час он должен с терпением молиться. Второй час — читать, третий час — петь молитвы, четвертый час — опять молиться, пятый — читать, шестой — петь, седьмой — молиться, восьмой — читать, девятый — петь, десятый — можно поесть, одиннадцатый — отдохнуть (если это нужно), двенадцатый — петь вечером. И ночью он должен возможно дольше оставаться бодрствующим, петь и молиться; начинающий — в меньшей степени, чем преуспевший.

Григорий Синаит подчеркивает, что послушание и молитва стоят в центре аскетического делания. Через послушание можно освободиться от многих душевных слабостей и страстей. "Молитва начинающего,— пишет он,— подобна огню, выбивающемуся из сердца; молитва преуспевшего подобна тихому свету, излучаемому изнутри и распространяющему прекрасный аромат. Иными словами, молитва есть проповедь апостолов, действие веры или, лучше сказать, сама вера, осуществление всех надежд, явление любви, призвание ангелов, сила бессильных и т. д. Молитва — это Бог, присутствующий во всем, потому что, если кто делает все во имя Иисуса Христа, тот имеет единую силу с Отцом, Сыном и Святым Духом". Высочайшее делание исихастов есть многократное произношение умной (духовной) молитвы. Григорий Синаит сказал: "Начало умной молитвы есть очистительное действие и сила Святого Духа и таинственное священнодействие ума, как начало безмолвия — отказ и освобождение от всех забот; ее середина — просвещающая сила Святого Духа; ее конец — умиление и полное обращение ума к Богу".

Для совершения духовной молитвы находим мы у Григория следующие замечательные советы: "Кто хочет принести свою молитву Богу, должен сесть на маленькую скамеечку или даже лечь, до тех пор пока не пройдет усталость и ты не почувствуешь возвращения своих сил... Рано утром сядь на невысокое сиденье, приведи свой ум из головы вниз, к сердцу, и крепко держи его там. Наклоняйся книзу до тех пор, пока не почувствуешь боль и напряжение в груди, в плечах и в горле, и постоянно взывай умом из глубины души: "Господи, Иисусе Христе, помилуй меня!" Потом перейди ко второй части этой молитвы и говори: "Сыне Божий, помилуй меня". Произнося это много раз, не часто меняй слова, потому что и растения, которые часто

пересаживают, нехотно образуют корни. Господствуй также над своимдыханием, чтобы не дышать тогда, когда не нужно, не дерзостно дыши, потому что это омрачает ум и предоставляет мыслям бродить своими путями. Если ты своим разумом увидишь нечистоту злых духов, что называется искушением, не бойся; и если перед твоим воображением возникнут какие-либо картины, не обращай на них внимания. Держи свой ум крепко, как только можешь, и заключавай его в своем сердце и упражняйся в том, чтобы молитвенно и без перерывов призывать имя Господа Иисуса. Итак, ты, во имя Божие, нанесешь своим искушениям невидимые раны и уничтожишь их совсем".

Далее в писании Григория "Наставление безмолвствующим" сказано: "Отцы учат, что одним удается полностью произнести молитву: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня", другим — только половину: "Иисусе, Сыне Божий, помилуй меня"; так пусть каждый делает по своим способностям. Но не следует слишком часто менять слова молитвы. Молитву следует произносить медленно, растягивая слова. Одни учат произносить слова устно, другие — только умом. Я же и то и другое полагаю, так как разум может утомиться, уста могут потерять силу, отчего можно впасть в уныние; поэтому нужно молиться как возможно: умом и устами, но всегда тихо и спокойно, чтобы не отвлекать внимание и не прерывать молитву. И так надо устремляться вперед, пока разум не будет приготовленным к духовному деланию и не получит силу от Духа и молитва не пойдет надлежащим образом. Тогда больше не будет необходимости произносить слова устами, да и невозможно, потому что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желания отставать от нее".

В другом месте Григорий Синаит пишет так о духовной молитве: "Духовная премудрость есть сила умной, чистой и ангельской молитвы, признаком которой является то, что разум молящихся полностью очищается от внешних предметов и ни на мгновение не обращает внимания ни на себя, ни на что-либо другое, ибо он полностью отстранен от мира греховного действующим в нем светом. Тогда освобождается его дух и становится единым с Духом Божиим, что неизреченно. Он освобождается от материи и становится бесплотным и светозарным".

Это вкратце изложенное учение Григория Синаита о духовной (умной) молитве, его мистическое богословие, в позднейшее время получило величайшее признание у аскетов и мистиков Восточной Церкви. Уже во второй половине XIV столетия творения Григория Синаита были широко распространены. Нил Сорский находит в Синаите "глубочайший дух Восточной Церкви".

Важным дополнением к учению святого Григория об исихии является разговор его с Максимом Святогорцем о духовной молитве. Афонский Патерик в Житии святого Максима рассказывает: "Когда святой Григорий Синаит встретился со святым Максимом, он спросил Максима: "Я прошу тебя, мой высокопреподобный отец, поведай мне о духовной молитве, совершаешь ли ты ее?" Максим, устремив глаза долу, ответил: "Я не хочу скрыть от тебя, высокопреподобный отец, чудо, которое совершилось со мной с помощью Пресвятой Богородицы. От юности я имел живую веру в мою Госпожу Пресвятую Богородицу и не переставал Ее со слезами умолять даровать мне благодать духовной молитвы. Однажды, как всегда, я пришел в церковь и молился Ей с безграничной теплотой моего сердца. Когда я, исполненный любви, поцеловал Ее святую икону, тогда внезапно ощутил я в моем сердце необыкновенное тепло и огонь, исшедшие от святой иконы, но не опалывшие, а освежавшие меня. В это мгновение, мой отец, начало мое сердце из своих глубин произносить молитву, и мой ум через воспоминание о Господе Иисусе Христе и моей Заступнице Пресвятой Богородице получил новую силу. И до сих пор мое сердце не теряет этого воспоминания. И с того часа, прости меня, не прекращается молитва в моем сердце. Тогда сказал святой Григорий: "Скажи мне, преподобный отец, когда ты творишь Иисусову молитву, видел

ли ты какие-нибудь Божественные явления, которые можно считать плодами Святого Духа?" Святой Максим ответил: "Так, мой отец, и поэтому я удалился в уединенные места и любил всегда в совершенной тишине молиться, чтобы получить больше плодов Святого Духа".

Тогда спросил святой Григорий: "Я прошу тебя, отец, скажи мне, имеешь ли теперь и всегда то, о чем ты мне рассказываешь?" Потупив глаза, ответил Максим: "Не требуй от меня, чтобы я говорил о даваемых мне откровениях". Тогда сказал святой Григорий: "О, дай тебе Бог всегда иметь такие утешения, преподобный отец! Я прошу тебя все же, поведай мне: когда твой ум восходит к Богу, что видишь ты своими духовными глазами? И может ли твой ум вместе с сердцем подняться ввысь?" Святой Максим ответил: "Нет, этого он не может. Когда благодать Святого Духа через молитву нисходит на людей, молитва прекращается, ибо ум подчиняется Святому Духу и не может более действовать своими собственными силами, он бездействен, и Святой Дух ведет его туда, куда хочет: или в нематериальную атмосферу Божественного Света, или к какому-либо неизреченному видению, или к беседе с Богом. Короче говоря, как Утешитель, Святой Дух, как хочет, так утешает Своих рабов; в какой благодати каждый нуждается, ту дарит Он ему.

Что я сейчас говорю, каждый может найти у пророков и апостолов, не смотря на то что люди часто думали, что они впали в прелесть, но люди ошибались. Так, святой пророк Исаия видел Господа, сидящего на высоком Престоле, окруженном серафимами. Первый мученик Стефан видел отверстие неба и Господа Иисуса одесную Отца. Так и теперь рабы Христовы удостоиваются иногда видений, хотя другие этому не верят. Я часто удивляюсь и не понимаю, что это за люди и почему они так ослеплены, почему они, как слепые, не видят и не верят тому, что Истинный Бог устами пророка Иоиля сказал: "Я излию от Духа Моего на всякую плоть, и ваши сыновья и дочери станут пророчествовать" (Иоииль 3, 1). Это та благодать, которую Господь послал Своим ученикам, которую Он и сегодня дарует и вечно будет давать, как Он обещал.

Если эта благодать Святого Духа сходит на кого-нибудь, то показывает ему не обыкновенные предметы этого чувственного мира, но что-то, чего он никогда не видел и что превосходит всякое представление. Так научает Святой Дух дух человеческий высшим и скрытым тайнам, о которых Божественный Павел говорит, что "не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку" (1 Кор. 2, 9).

И чтобы ты лучше понял, как наш ум постигает тайны, подумай о таком сравнении: если воск держать далеко от огня, то он остается твердым, и ты можешь к нему прикоснуться и взять; но если ты бросишь его в огонь, он тотчас растает, воспламенится и сгорит, превратившись в свет. Так и человеческий дух: пока он одинок и не нашел Бога, он постигает то, что его окружает, обычными своими силами; если же он приблизится к Огню Божества и Святого Духа, то он полностью захватывается этим Огнем, сам становится светом, сгорает в пламени Святого Духа, входит в Божественную мысль и не может более проявить свои собственные мысли и волю".

Тогда спросил Григорий: "Мой отец, а бывает ли что-либо другое похожее, но являющееся искушением?" Великий Максим ответил: "Конечно, так бывает, но каждое имеет свои собственные признаки: искушение — одни, благодать — другие. Когда злой дух искушения войдет в человека, он омрачает его, приводит в ярость и возбуждение, покрывает тьмою его сердце, делает его сомневающимся и полным страха или, наоборот, гордости. Взгляд его не тверд, мозг не спокоен; все тело приходит в дрожь. Дьявол показывает ему свет, но свет обманчивый: он не чист, а окрашен в красный цвет, повергает его дух в безрассудство и заставляет его уста произносить непристойные слова. Те, кого постигнет подобное искушение, становятся злыми и гневными, не знают кротости, совершенно не знают об истинном плаче и слезах, но хвастаются своими качествами, болтают о них без всякого страха

Божия, и, наконец, дух их падает в совершенный мрак и идет в гроб и землю. Да сохранит Господь через твою молитву, преподобный отец, нас от подобных искушений.

Признаки благодати следующие. Если человек получил благодать Святого Духа, то его собственный дух становится собранным и кротким, постоянно помнит о своих грехах и смерти и о будущем суде и вечных мучениях, умиляется душою и плачет, и чем ближе благодать становится к человеку, тем более исполняется его душа мира и утешения через святые страдания Господа нашего Иисуса Христа и Его безграничную любовь к людям. Дух ведет человека к высочайшему зрению: во-первых, это созерцание неизреченной силы Божией, того, как Он через Слово все сотворил из ничего. Во-вторых, как Он той же силою все содержит, всем управляет и все определяет. В-третьих, созерцает непостижимую Пресвятую Троицу и неисследимые глубины Божественного Существа. Тогда человеческий дух умиляется и просветляется Божественным Светом, сердце становится спокойным, Святой Дух изливает на него все Свои дары: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5, 22)".

Потрясенный и полный изумления, святой Григорий запомнил слова святого Максима и назвал его земным ангелом.

Православные монахи усердно переписывали писание святого Григория и перевели его с греческого на славянский язык. Мистики XIV—XV столетий — такие, например, как Каллист, патриарх Константинопольский, и его друг Игнатий, оба называемые Ксанфопулами; затем Калистос Катафигиотис, Симеон, архиепископ Фессалоникийский, монах Никифор, Филофей, патриарх Константинопольский,— развили его (Григория) мистические взгляды и придали духовной молитве особое значение. После этого наступило время, когда Григорий и его сторонники были забыты.

Во второй половине XVIII столетия происходит возрождение исихастской мистики. Некий греческий монах с Афона — Никодим Святогорец (1748—1808) углубился в старое писание аскетов и мистиков Восточной Церкви, которое он тщательно собирал в течение десятилетий. Исихасты вместе с Григорием Синаитом были особенно внимательно проработаны. Так возник в 1782 г. изданный в Венеции на греческом языке фолиант "Добротолюбие".

Почти одновременно с Никодимом русский монах архимандрит Паисий (1722—1794) издал "Добротолюбие" на церковнославянском языке в С.-Петербурге в 1793 г.

Для православных монахов до сего дня "Добротолюбие" остается важным руководством в аскетизме и мистике, настольной книгой религиозного воспитания и образования мистического мировоззрения, неисчерпаемым кладом и надежной помощью на пути к христианскому совершенству. Мудрость сердца восточных старцев не перестает подавать из этого источника то, как можно научиться христианскому смирению.

ВТОРАЯ КНИГА

РАЗВИТИЕ

Богатый материал о монастырях Древней Руси содержит, к сожалению, мало из того, что нам нужно, чтобы понять основные формы старчества и пути аскетического воспитания. Священные рассказы и уставы монастырей не позволяют легко пролить свет на этот вопрос. Даже в Житии Преподобного Сергия Радонежского († 1392), который был самой значительной личностью своего времени, прямо не указывается, было ли в его монастыре старчество как организованное движение. Он имел многих учеников, образовавших его школу. Известно, что в монастыре одного из них, именно Павла Обнорского (1317—1429), были некоторые старцы.

Преподобный Павел Обнорский провел 50 лет в монастыре Преподобного Сергия, после чего пошел на север через непроходимые девственные леса Вологодской области. Три года он жил в дупле высокого липового дерева. В 1389 г. он основал монастырь во имя Пресвятой Троицы. Монастырь находился вблизи реки Обноры. Там он умер в возрасте 112 лет.

Из его монастыря происходит замечательное письменное наставление, относящееся к первой половине XV столетия. Оно описывает, как надо руководить молодыми монахами, и дает нам возможность взглянуть на состояние старчества того времени. Несмотря на то что это наставление касается главным образом внешней жизни новичка, в нем встречаются такие понятия, как "духовная молитва", "самособранность", "молчание". Под "духовной молитвой" здесь понимается, как и вообще в русских монастырях, молитва Иисусова, совершаемая умом в сердце,— умная молитва.

Из одной поучительной рукописи XV столетия

"Игумен призывает к себе почтенного старца, спрашивает его благословения и передает ему новопостриженного брата, поручая ему руководство им, и при том говорит: "Брат, заботься о нем так, как будто ты получил его от Евангелия Христова, чтобы ты передал его потом нашему Небесному Отцу". Потом он говорит новопостриженному: "Сыне, уважай старца как своего отца и учителя, будь ему послушным и служи ему, как Самому Христу. Все предоставляй ему и отсеки свою собственную волю мечом слова Божия". Так же не подобает нам, братия, проявлять непослушание, напротив, выполнять все prikazания так, как будто они исходят от Бога, Который однажды сказал Своим апостолам: "Кто вас слушает, слушает Меня; и кто пренебрегает вами, пренебрегает Мною!"

Какое зло — непослушание: Сам Христос был послушен, даже до смерти, и смерти крестной. Послушание есть вторая лестница на небо. бóльшая, чем пост и одинокое подвижничество, Ангел Господень идет вслед за послушником и считает его шаги, и сообщает о каждом его дне Господу, считает каждую каплю его пота, приравнивая их к каплям крови мученика, принося их Богу, как некое благоухание. Служить брату равносильно тому, что служить Богу!"

Старец берет новопостриженного из рук игумена, приводит его в свою келью и учит Иисусовой молитве так, как учили святые отцы, считая эти молитвы по четкам. "Молитва эта такова: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". Нужно произносить Иисусову молитву тихо, чтобы держать себя вдалеке от всех возможных искушений. После сотни молитв подвинуть одну четку, после следующей сотни — еще одну. Так нужно делать после исполнения утреннего и вечернего правила и упражняться в этом ежедневно, так, чтобы в каждом дыхании заключались две или три молитвы. После этого перевести дыхание и продолжать. Упражняйся в Иисусовой молитве во всех местах, где ты находишься: в церкви, в келье, во время работы, до тех пор пока твои глаза не закроются для сна. После, однако, чтобы усовершенствовать свое упражнение, поставь в твоей келье низенькую скамеечку и упражняйся по совету святых отцов и повторяй молитву громко или только в уме и сердце, повторяй всегда в одном дыхании или без дыхания и наблюдай за своим сердцем. Когда же на тебя нападет стадо бесов, будь осторожен относительно видений: или видения света, или сонных явлений, откуда бы они ни пришли — изнутри или снаружи, знай, что это бесы".

Далее поучает старец ученика, как он должен вести себя в келье: где он должен сидеть и где спать: "Не садись на место старца или другого брата: не переставляй предметов с одного места на другое, перед работой или другим делом скажи своему отцу: "Отче, во имя Божие, прости меня и благослови!" Если хочешь разговаривать в келье, то только тихим голосом спрашивать и отвечать".

Также нужно старцу служить: принести ему дров, положить в печку, зажечь огонь и хорошо размешивать кочергой, чтобы дрова горели весело; также нужно убирать в келье и приносить воду, тихо открывая и закрывая дверь, а после работы испросить благословения старца.

Старец должен поучать новичка, что со сменой одежды и имени необходимо также изменить образ жизни — отказаться от мирских обычаев и жить как монах: предать себя в руки Божии и только Бога Единого иметь в своих мыслях, предавая волю свою старцу, ему служить в послушании, подобно Христу, Который сказал: "Я пришел не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить".

"Когда колокольчик в церкви возвестит час работы или молитвы — надень свою мантию, оставь все в радости духа и страхе Божиим и скажи "Господи, помилуй" два раза, и затем: "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и затем "Господи, благослови", и в заключение — "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Пречистой Твоей Матери, силою Честного и Животворящего Креста, молитвами моего Ангела Хранителя; Преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского, чудотворца; Павла Обнорского, чудотворца, и всех святых, помилуй и спаси меня, грешного. Аминь".

После этого сделай три земных поклона, если это будний день, или три поясных — если праздник. После этого иди к своему старцу, произнеси Иисусову молитву и попроси его: "Благослови, владыко, мой исход к богослужению". Если старец тебя не слышит или молчит, чтобы тебя испытать, попроси его еще раз. Получив благословение, иди в церковь, не смотри ни налево, ни направо, ступай неспешно, но и не лениво; чтобы не обрадовать беса, скрести руки свои на груди. Иди в церковь в боязни и смирении и думай, что ты грешник и недостойный. Поскольку ты стоишь на "земных небесах", устрями свои помышления не на земные вещи, но на Небесное Царство и свои грехи и по возможности постарайся испустить слезы. Как только ты занял свое место, начни со слов: "Господи, помилуй" — и поклон. "Господи, очисти меня, грешного" — и еще поклон. Далее, моление к Божией Матери, потом пять земных поклонов; "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу", "Господи, помилуй"; два метания и метание в сторону игумена; если же он не пришел, то в сторону его места. Затем метание направо и налево для окружающих братьев. Земные поклоны твори следующим образом: стоя на коленях, прикоснись руками и лбом к земле, не лежа и беззвучно, как и другие братья. Не разговаривай с братьями и не прислоняйся к стене.

Когда после богослужения ты идешь в трапезную, произноси псалом: "Вознесу Тя, Боже мой, Царю Мой, и благословлю имя Твое в век и в век века..." Если ты не можешь произнести псалом наизусть, произноси Иисусову молитву. За столом сиди молча и слушай то, что читают. С другими братьями не разговаривай, не смейся, не спорь. До благословения игумена не начинай есть. Думай при вкушении пищи, что она дана Богом. Ешь и пей умеренно. Не обращай внимания на блюда и ешь один раз в день, за исключением суббот и воскресений и особых праздничных дней. Ничего из пищи не бери в свою келью.

Зимою, когда дни коротки, не спи после еды; летом, когда дни длинные, можешь отдохнуть один или два часа. Сиди в своей келье не без дела. Читай Священное Писание или исполняй работу, по благословению старца, молча и с молитвою. Если ты заболеешь, не спеши ложиться, но говори молитвы Матери Божией (с тремя метаниями), твори Иисусову молитву и другие молитвы. Направь свой разум от всех земных помышлений к Богу, вспомни Страшный суд и ад и тогда ложись в постель. Не обнажай своего тела, чтобы тебе не было стыдно перед твоим Ангелом Хранителем. Упражняйся в Иисусовой молитве, пока не заснешь. Когда во сне будешь переворачиваться на другой бок, осени себя крестным знаменем два раза и прочти Иисусову молитву. Если тебя постигнет бессонница, лежи спокойно, обращая разум и сердце к

Богу, и произноси Иисусову молитву... Часто во сне случаются злые истории, в особенности с теми монахами, которые не исповедуют своих искушений старцу.

Если захочешь посетить брата в его келье, встань перед его окошечком и произнеси Иисусову молитву. И если не услышишь "Аминь", то произнеси ее еще раз громче, и если опять не услышишь в ответ "Аминь", то произнеси ее в третий раз еще громче и поступи своими пальцами тихонько в окошко. Если опять не услышишь "Аминь", уйди, чтобы не искушать брата своего. Брат, находящийся в келье, должен после первой или второй молитвы произнести "Аминь" и открыть окошечко, просунуть слегка голову и спросить: "Какова цель твоего посещения, господин?" Входя, произнеси молитву входа, склонись, а перед старшим братом пади ниц, испроси его благословения и тогда изложи то, что хотел. В других случаях, когда ты покидаешь келью, опять склонись и испроси благословения того, кто владеет кельей: "Господин, помяни меня, грешного, в твоих святых молитвах Богу нашему, Господу Иисусу Христу и Пречистой Божией Матери". И хозяин кельи ответит: "Бог, Который любит всех людей, научая и воспитывая их по Своей воле, да помянет тебя и меня в той степени, в какой считает полезным. Аминь".

Старец Нил Сорский

Если только что изложенный документ регулирует внешнее поведение монаха, и притом в монастыре, то Нил Сорский излагает совершенно новые взгляды, показывает особенное житие и новые пути к старорусскому аскетизму. Тогда в церковной жизни предлагались две возможности: или следовать застывшим формам византийской церковности, или из духа древней Восточной Церкви почерпнуть свежие силы. Нил Сорский есть главный представитель второго направления.

Преподобный Нил произошел из благородной семьи, родился он в 1433 г. в окрестностях Москвы. Его аскетическая жизнь началась в девственных лесах около Белого озера в Кирилло-Белозерском монастыре, основанном Кириллом Белозерским († 1427), монахом из обители Преподобного Сергия Радонежского. Там Нил получил монашеский постриг и делил свое время — между молитвой, постом и монастырскими работами, которые, по свидетельству современников, были особенно тяжелыми. Но здесь его богато одаренная и мистически настроенная душа не могла найти своего удовлетворения. Поэтому он предпринял паломничество на Афон, надеясь найти там новые возможности. Его сопровождал подвижник, именем Иннокентий.

Нил посетил многие монастыри на Святой Горе, был в кельях и пещерах старцев-святогорцев. Под их руководством он получил необходимые объяснения о существе аскетической жизни, о том, что такое праксис и феория, о духовной молитве, о хранении сердца и о трезвении ума. Он изучил все богатство аскетических преданий, "перелетая, подобно пчеле, в цветущем саду с одного цветка на другой для того, чтобы оживить свою зачерствленную душу и приготовить ее ко спасению". Здесь он расширил и углубил свои аскетические познания. Именно здесь он в первый раз пережил красоту погружения в Бога, духовную радость "райской трапезы", которою награждались Божией благодатью подвижники отречения.

Нил почерпал свое знание преимущественно из творений великих христианских отцов: святого Антония Великого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Макария Египетского, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Нила Синайского, Григория Синаита и других. Это были отцы, которые старались весь монастырский аскетизм поставить на мистический фундамент. Поэтому неудивительно, что в писаниях самого Нила мы часто встречаем ссылки на Григория Синаита. Тогда на Афоне воспоминания о Григории Синаите были еще очень живы, и почти каждый старец, которого Нил посещал, был верным

хранителем аскетическо-мистических взглядов Григория. Рука и воля этого великого учителя еще чувствовались везде.

Переполненный глубокими впечатлениями, Нил наконец возвратился на родину. Здесь он вместе с Иннокентием искал, как начать новое житие в удалении от мира. В чаще девственных лесов была маленькая речка Сора, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Там они поставили келью и часовню, где вскоре возникла обитель с новым в то время у нас скитским уставом.

Видные современники преподобного Нила — преподобный Иосиф Волоцкий († 1515) и митрополит Даниил († 1547) были сторонниками строгого общежительного устава. Свои религиозно-аскетические и церковные взгляды они связали с понятием "Москва — третий Рим". Это направление получило широкое распространение, взгляды же и писания святого Нила были почти забыты. Только в XVIII столетии старец Паисий Величковский извлек писания Нила на Божий свет и положил их как исходный пункт своих собственных творений, имевших целью возрождение старчества.

Нил и его ученики установили строгие правила жизни в своих монастырях, вернув прежде всего все монастырские имущества государству. Поэтому их называли "нестяжателями". Если бы они имели успех, то произошло бы большое изменение церковной жизни.

После того как планы Нила не удались, он вернулся в свой скит и ограничился тем, чтобы жить с учениками, заботясь о спасении их души. Сведения о его дальнейшей жизни очень скудны, и это, может быть, лучшая похвала христианскому аскету, который умер для всего земного и устремлен только к созерцанию потустороннего мира.

Противоречивы даже сведения относительно причисления Нила к лику святых. Мы можем предположить, что это произошло в конце XVIII или начале XIX столетия. Народ всегда считал его святым. На смертном одре Нил приказывал своим ученикам бросить его тело в какие-нибудь дебри, чтобы звери и хищные птицы его растерзали, так как, говорил он, он много грешил перед Богом и недостоин погребения. Он умер 7 мая 1508 г.

Спустя столетия царь Иван Грозный, высоко ценивший заслуги Нила для организации монастырской жизни, повелел построить над его могилой каменную часовню, но вскоре буря разрушила эту часовню до основания. Так небесные стихии исполнили желание святого.

В полном уединении жили Нил и его подвижник Иннокентий в хижинах на берегу реки Соры, но с течением времени к ним собрались в небольшом числе подвижники, ибо всегда в Древней Руси находились люди, имевшие желание вести равноангельное монашеское житие. Тогда Иннокентий переселился дальше на восток — в вологодские леса, а Нил принял руководство над своим все увеличивавшимся стадом, принуждая оставаться "нестяжателями".

Нил установил строгие аскетические правила для каждого. Братия жили поодиночке или вдвоем в маленьких кельях, рассеянных неподалеку одна от другой, в лесу. Только для богослужений собирались они вместе. Это была первая попытка проводить житие, подобное египетским отшельникам, в северных еловых лесах. К таким монастырям перешло египетское название "скит".

Нил Сорский оставил после себя очень ценное писание и несколько писем, дошедших до нас. Они дают нам возможность заглянуть глубже в образ древнерусского аскетизма. В одном из писем к Иннокентию старец пишет о своей деятельности в скиту: "Я пишу, чтобы осведомить тебя о себе, ибо любовь твоя, во имя Бога, заставляет меня торопиться.

Ты знаешь сам из того времени, когда мы жили вместе в монастыре, как я всегда удалялся от суеты мира сего и всеми силами изучал Священное Писание, которое по немощи своей я все же не изучил.

Так я построил себе после возвращения из паломничества келью вне мо-

настыря, и так я живу здесь, насколько позволяют мне мои силы. По Божией благодати, это место мне очень нравится, ибо оно трудно доступно мирянам, как ты сам знаешь. Главным образом я изучаю Божественные Писания, преимущественно Заповеди Господни, затем Послания святых апостолов, к тому же Жития святых и учение святых отцов. И это все с большим вниманием, надеясь так угодить Господу и принести пользу своей душе. В этом моя жизнь и мое дыхание.

И если мне случается необходимость что-либо сделать, а в Священном Писании я об этом ничего не нахожу, то я откладываю это дело, чтобы ничего не сделать по своей воле и разумению. Если кто в духовной любви ко мне обращается, я советую ему делать так же, а в особенности тебе, потому что ты был преисполнен ко мне любовью с самого начала. Итак, если ты хочешь следовать вышеуказанному, занимайся Священным Писанием и позаботься, чтобы в той степени, как ты понимаешь Заповеди Божии и предания святых отцов, их исполнить".

Преподобного и богоносного отца нашего игумена Нила Сорского, основателя скитского жития, поучения его ученикам, которые вместе с ним в пустыне заготели жить, собранные из Священного Писания и содержащие все, что нам необходимо

И з в е д е н и я

Содействием Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и с помощью Его Пречистой Матери написал я это для себя и для своих в Боге живущих собратий, которые суть мои единомышленники. Так, а не учениками называю я их.

Один у нас Учитель — Господь и Бог Иисус Христос, Сын Божий, Который нам дал Божественное Писание и наставил святых апостолов и святых отцов, а также весь человеческий род ко спасению. Все они сами содеяли добро и, исполнив, учили других. Я же ни единой не совершил добродетели, а только сказую Божественное Писание тем, которые его принимают и желают спастись. Священное Писание говорит: мы странники и пришельцы на земле (Евр. 11, 13). Там же после нашей смерти ожидает нас Вечная Жизнь и бесконечное бытие или в мире, или в муках, как Бог определит каждому по его заслугам; и потому ради той жизни, которая придет после смерти, надо здесь об этом позаботиться.

Вначале хочу сказать несколько слов о нашей вере: "Верую во Единого Бога Отца, Который во Святой Троице прославляется, в Сына и в Святого Духа, Которые одного существа с Отцом и неотделимы от Него. Также верую в вочеловечение Сына Божия, в котором Он стал совершенным Богом и совершенным Человеком, исповедую всею моею душою и все прочее, что принадлежит к вере православной. С глубокой верой и великою любовью исповедую Святую Владычицу, Пресвятую и Истинную Богородицу, Которую прославляю и воспеваю. И всех святых почитаю и признаю и прославляю их.

Благодатию Христовою соединяю себя и прибегаю всей душой и сердцем ко Святой Соборной Апостольской Церкви. Принимаю все то учение, которое Святая Церковь от Господа и Его святых апостолов и семи Вселенских Соборов и Поместных Соборов и от святых отцов приняла и через которое она нас учит и сохраняет. Все это исповедую и прославляю с глубочайшей верой и любовью.

Еретические учения и лжевятых проповедников проклиная, и то же самое делаю те, кто со мною. Всякий еретик да будет нам чужд.

Многие благоговейные братия приходили ко мне, чтобы со мной остаться, но я, чувствуя себя грешным и слабым человеком, долго им отказывал, прося: дайте мне немного покоя, ибо одолевает мной волнение и возрастает тя-

жесть. По неотступности же их рассудили мы, что те, кому есть Божия воля прийти к нам, должны всецело принять учение святых отцов и творить Божии заповеди.

Цель и сущность писания сего в том состоит, чтобы показать, как иноку, который действительно в наше время хочет спастись, подобает совершать свое аскетическое делание, согласуя внутренние и внешние свои упражнения со Священным Писанием и житием святых отцов.

Если мы будем так действовать, то достигнем Вечной Жизни в Иисусе Христе. Ему же подобает всякая слава со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков! Аминь.

И з п р е д и с л о в и я

"Из писания святых отцов о мысленном делании, о хранении сердца и ума, о том, зачем это нужно и как мы об этом стараться должны"

Многие святые отцы свидетельствуют о том, что хранение сердца и ума полезно тому, кто по благодати Божией желает быть духовно воспитан. Во-первых, имеем слово Самого Господа, Который сказал: "Из сердца исходят злые помыслы... и это оскверняет человека" (Мф. 15, 18). Он учил "очищать внутреннее сосуда" (Мф. 23, 26) и что "поклоняться Господу следует в Духе и истине" (Ин. 4, 24). К этому приводят и слова апостола, который сказал: "Когда я молюсь языком, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода... стану молиться духом, буду петь и умом" (1 Кор. 14, 14). Так сказал апостол о духовной молитве и еще сильнее сказал: "Я хочу лучше пять слов сказать умом, нежели десять тысяч языком" (1 Кор. 14, 19). Святой Агафон сказал: "Внешнее делание подобно листу, внутреннее, т. е. духовное, подобно плоду". После этого он же сказал устрашающие слова: "Каждое дерево, которое не приносит хорошего плода, срубают и бросают в огонь". И еще сказали отцы: "Кто только устами молится, а об уме забывает, тот молится в воздух, в то время как Бог обращает внимание на ум".

В прежние времена не только те из святых отцов, которые проживали в уединенных местах и далеких пустынях, от всего сохраняли свой ум и получали благодать и достигали в бесстрастии и чистоту душевную, но также и те, кто проживал в монастырях, расположенных недалеко от городов или даже в переполненных людьми городах. Так, например, Симеон Новый Богослов и его старец Симеон, проживавшие в Студийском монастыре, как светила, сияли духовными дарованиями посреди многолюдного Константинополя. Подобно и Никита Стифат и многие другие. Поэтому и святой Григорий Синаит не только отшельников и во уединении живущих учил трезвению и молчанию, которое заключается в хранении ума, но и тех, кто проживал в общежитиях.

Подобно псу, собирающему падающие крошки, собрал я это малое из большой трапезы писаний святых отцов, чтобы и нам хотя бы отчасти стать подражателями их.

Из слова 1 "О различии мысленной на нас брани, о победе и поражении в ней, о крепком противостоянии страстям"

Многоразлична борьба с помышлениями, которые побеждают и бывают побеждены, сказали отцы. Сперва появляется "прилог", затем "сочетание", потом "сложение", затем "пленение" и, наконец, "страсть".

"Прилог" есть простое искушение, которое, как картина, возникает, проникает в сердце и являет себя разуму.

"Сочетание", как говорят, есть принятие — со страстью или без страсти — искушения от врага, который здесь же тайно присутствует, собеседование с ним; в этом случае мы не отталкиваем помысла и дозволяем ему входить в наше сознание и обсуждаться. И это, говорят, уже грех.

"Сложение", говорят, есть греховное сочувствие души появляющемуся

искушению или его картине; при этом кто принимает исходящие от врага искушения или картины, тот занимает свои мысли ими и начинает мало-помалу склоняться к предлагаемому искушению.

"Пленение" — это когда помысл невольно и принудительно овладевает нашим сердцем, водворяется в нем и разрушает наше доброе устройство.

"Страсть" есть, как говорят, то, когда грех становится нашим обычаем. Большой частью происходит это оттого, что мы дерзко обращаемся со многими людьми, следуем собственной воле в самом плохом смысле. Страсть подлежит или покаянию, или вечной муке. Надо каяться и молиться, чтобы освободиться от всякой страсти. Ибо всякая страсть подлежит вечному мучению не за то, что подверглись брани от нее, но за нераскаянность.

Из слова 2 "О нашей борьбе с выше названными приражениями; о победе в ней через память о Боге и хранение сердца, т. е. через молитву и уминое безмолвие; и о том, как действовать этими способами; здесь же и о дарованиях"

Об этой борьбе отцы определили так: чтобы победить противника, надо противостоять коварному искушению, насколько это позволяют наши силы. Победителям будет дан венец, а избегающим покаяния уготовано мучение. Разумная и хорошая борьба, говорят отцы, — это сразу же при начинающемся искушении, т. е. как только появится "прилог", тотчас же склонить свою голову и непрерывно молиться, ибо кто "прилогу" противостоит, тот с ним вместе отсечет голову всем последующим.

Когда вслед за благами помыслами возникают в нас лукавые, тогда нужно заставить свои мысли замолчать и, глядя в глубину сердца, говорить: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня", а иногда лишь половину: "Господи Иисусе Христе, помилуй меня", что нужнее для начинающих, как сказал Григорий Синаит. Отцы находят, что еще лучше сказать: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного". Богу особенно приятно, когда мы сознаем себя грешниками.

Так нужно прилежно говорить всегда: стоя, или сидя, или лежа, собирая ум в сердце и задерживая дыхание, насколько это возможно; не часто дышать, как учит Симеон Новый Богослов. А Григорий Синаит поучает нас так: "Всегда призывай Господа Иисуса в надежде, терпении и ожидании, что Господь Иисус Христос тебя избавит от всех искушений". Когда твой дух через эту молитву будет освобожден от искушений, вслушивайся еще более в свое сердце и продолжай молитву умом в сердце. "Существуют многие добродетельные деяния, но они являются только частью трезвения; молитва в сердце есть источник всего хорошего и напоет душу, как сад", — сказал Григорий Синаит.

Из слова 5 "О искушениях наших, борьбе и победах и о восьми главнейших страстных помыслах (искушениях)"

Многоразличны виды нашей борьбы, с помощью которых мы одерживаем победу над коварными искушениями (лукавыми помыслами), говорят отцы, соответственно силам сражающихся, а именно: с помощью молитвы на помыслы, через пререкание им и, наконец, через уничтожение их и отгнивание. Уничижать, подавлять и отрывать помыслы могут совершеннейшие, противостоят, противуотвещать — преуспевшие. Новоначальным же и немощным надлежит молиться против них и лукавые помыслы превращать (переводить) на добрые. Имея это в виду, святой Исаак Сирий говорит, что добродетели крадут у нас страсти.

Есть, однако, восемь главнейших страстных помыслов (искушений), говорят отцы, из которых все другие рождаются: неумеренность в пище (чревообъядение), блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

Из слова 7 "О памятовании о смерти и о Страшном суде, как и чели занимать ум свой, чтобы вкоренить это памятование в сердце своем"

Отцы сказали, что для нашего (иноческого) делания очень полезно и необходимо думать о своей смерти и держать перед своими глазами Страшный суд.

Филофей Синаит установил правило для этого делания: с раннего утра и до того времени, когда наступит время трапезы, надо оставаться в мыслях о Боге, т. е. в молитве и хранении сердца; после того как мы поблагодарим Бога, следует думать о смерти и Страшном суде. Тем, которые об этом забываются, прежде всего следует помнить слова Господа: "В эту ночь Ангелы возьмут душу твою от тебя" (Лк. 12, 20). Думайте и о словах святых апостолов: "Конец близок" (1 Пет. 4, 7) и: "День Господень придет, как вор ночью" (1 Фес. 5, 2).

Как из всех кушаний хлеб есть самый необходимый, так из всех добродетелей — память смерти; и как голодный не может забыть хлеб, так и желающий спастись не может не вспоминать о смерти, говорят отцы. Многие миряне и монахи, проводившие счастливую жизнь и любившие все земное и надевавшиеся на долгую жизнь, не достигли старости, потому что нож смерти обрезал их жизнь.

В самом деле, все ничтожно, что не пребудет с нами по смерти. Если мы это знаем, то почему мы кидаемся туда и сюда, не все ли это суета? Путь короток. Жизнь — это дым и пар, пыль и зола: является и вскоре исчезает... Тщетно бросаются рожденные на земле туда и сюда, как говорит Священное Писание. И если они станут обладать всем миром, то после идут в гроб, не беря ничего отсюда: ни красоты, ни славы, ни власти, ни почестей и никакой радости жизни. Взгляните в гроб, как уродливы и бесславны наши останки. Глядя на обнаженные кости, мы спросим: кто здесь царь и кто нищий? Кто исполнен славы и кто бесславен? Где радость и красота этой жизни? Не есть ли все это уродство и смрад? И все добро и возделение этого мира стало нам бесполезным, как увядший цветок, оно упало и, как тень, оно прошло — так все человеческое уничтожается.

Но наш Владыка, в глубине Своей неизреченной мудрости положивший границу нашей жизни и предусмотревший смерть, чтобы победить змия, даровал нам Воскресение, чтобы Его рабы переходили к другой жизни. Ученик, которого больше всех любил Господь, Иоанн Богослов, написал так: "Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения" (Ин. 5, 28—29). "Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут" (Ин. 5, 25).

Из слова 8 "О слезах и что причлствует делать тел, которые хотели бы их получить"

Если кто, молясь и размышляя о смерти и суде, по благодати Божией обрящет слезы, то причлствует ему плакать в той мере, в которой он возможность и силу для этого имеет. Плач, говорят отцы, избавит его от вечно-го огня и прочих будущих мучений.

Те, которые дара слез не получили, могут его приобрести, созерцая таинства домостроительства Господня и Его человеколюбие или читая Жития святых или рассказы об их подвигах и учении; отчасти также от упражнения в Иисусовой молитве или других молитвах, которые святые сочинили; также через некоторые церковные песнопения, каноны и тропари. Все это приводит в состояние умиления.

Другие, которые постоянно вспоминают свои грехи, получают дар слез через размышление о смерти и суде или через желание будущего блаженства, а также через некоторые другие образы. И кто каким образом приобретет

дар слез, тому надлежит о том размышлять и так оставаться до тех пор, пока слезы продолжают. Отцы сказали: "Кто хочет избежать грехов, избегает их посредством слез; кто хочет предотвратить их, достигает этого через слезы".

В том-то и состоит путь покаяния, приносящий плоды, чтобы мы каждому нападению, которое нас постигает, и каждой вражеской мысли противопоставляли, по благодати Божией, слезы и признавали себя виновными. Такое слезное покаяние непременно нам поможет; благодать снисходит, когда мы сердечно молимся. Симеон Новый Богослов сказал: добродетели суть войны, умиление же и слезы есть царица действующей армии. Ибо они, сказал он, вооружают к сражению, созидают армию и укрепляют ее, чтобы нам везде противостоять врагу, и сохраняют подвижников от его стремительности. Для нас, начинающих и неопытных, нет другого средства, как слезы.

Если в нас этот дар благодатию Божией умножается, то наступает облегчение в борьбе, искушения немеют; ум молитвою насыщается и увеселяется, и из глубины сердца истекает неизреченная сладость, охватывая все тело и все его члены, преобразуя страдания и сладость. Таково утешение, происходящее от слез, сказал святой Исаак Сирин.

Таким образом оказывается человек в такой радости, какую он не может получить в этой земной жизни; и никто не знает такой радости, кроме тех, которые отдают себя силе плача.

Из слова 9 "О сохранении себя по даре слез"

Если мы удостоимся благодатию Божией дара слез и молитвы в чистоте и плаче, то нам надлежит всеми возможными способами сохранять себя от духа гнева и других искушений. В такой готовности мы должны находиться всегда.

Из слова 10 "О подлинном отречении и беспопечении, т. е. о удалении от всякой мирской вещи"

Эти великолепные добродетели, о которых мы выше сказали, требуют отречения от всех прочих забот и попечений, с тем чтобы всецело посвятить себя труду и вниманию в деле Божиим.

Макарий Великий сказал: "Кто хочет приблизиться к Богу и сделаться достойным Вечной Жизни и быть обиталищем Христа, исполненным Святого Духа, кто хочет дары Святого Духа использовать в соответствии с заповедями Божиими, тот должен начать так: сперва крепко уверовать в Бога, целиком отдаться изучению Его заповедей и отказаться от всех вещей мира сего, чтобы его ум был освобожден от всего земного и имел перед глазами только Единого Бога и Его заповеди, и стараться быть Ему Единому угодным, всегда проводить время в молитве, ожидая пришествия Божия и Его помощи, а свой разум всегда направлять к исполнению добродетели".

Из слова 11 "О том, что вышесказанные добродетели следует творить не преждевременно и в надлежащую меру"

Эти добрые и чудные дела (чистую молитву, слезы, умиление) подобает творить с рассуждением, в благоприятное время и в надлежащую меру. Прежде всего подобает нам предуготовить себя молитвою, да пребудем в делах добрых, будучи сохраняемыми благодатию Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и благодаря предстательству нашей Госпожи Богородицы и всех святых, которые в подвигах добродетели просияли.

Совершая дела, угодные Богу, как-то: пение и молитву, чтение и поучение о духовных вещах, работу и монастырское служение, будем всеми силами обращаться к Богу, воссылая из глубин души хвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, Единому Богу во Святой Троице ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Из завещания блаженного Нила

Я, недостойный Нил, прошу кругом меня стоящих господ и братьев, разделяющих мои взгляды: после моей кончины бросить мое тело в пустыне, чтобы хищники и птицы могли его пожрать, ибо я много согрешил пред Богом и недостоин погребения. Если же вы не хотите этого сделать, то выкопайте на месте, где я живу, яму и положите в нее без всяких почестей.

Прошу всех молиться о моей грешной душе и испрашиваю у вас прощения, также прощаю и вас: Бог да простит всех нас.

ТРЕТЬЯ КНИГА

РАСПЦВЕТ

XIV и XV столетия можно охарактеризовать как расцвет аскетизма в жизни русских святых. Но и тогда старчество было мало известно. Немного позже, приблизительно во второй половине XVI столетия, начинается критическое время для русского аскетизма, продолжавшееся до середины XVIII столетия и выражавшееся в медленном распаде старорусского монастырского жития. За два столетия обмирщились скиты и монастыри, их религиозная жизнь соединилась с политической и хозяйственной жизнью государства. Московское государство растет пространственно, политически и экономически. Падение Константинополя (1453), который тогда был центром православного мира и в то же время святым образцом Православия для Древней Руси, принесло для Москвы, как тогда верили, исключительную религиозную значимость и возложило на плечи Московского государства большую ответственность. В духовном лике России показали новые черты.

Была построена собственная государственная философия, некое национально-религиозное мировоззрение. Оно было выражено кратко в трех словах, впервые высказанных монахом Филофеем: "Москва — третий Рим!" Русский народ есть избранный Божий народ, призванный послужить всему миру, чтобы принести ему истинное христианство — Православие. Хотя и не все держались этого убеждения, были многие, в особенности из монашества, как, например, Иосиф Волоколамский (он же Волоцкий), а также из церковной иерархии, которые старались это мировоззрение осуществить на деле.

Соединение религиозных и политических идеалов приводило к обмирщению монастырей. Строгий аскет не мог найти там покой и устранение от мира. Он убегал в новые "пустыни", искал спрятаться в сибирских лесах и на берегу Белого моря. Аскетизм удаляется от городов. Связи его с Москвой становятся случайными. В церковном календаре Русской Церкви мы находим из этого периода мало святых имен.

Отпадение староверов (раскол) в конце XVII столетия и церковные реформы Петра Великого в начале XVIII столетия причинили религиозной жизни еще более глубокие раны. Русский народ, который внутренне не одобрял этих перемен, ищет "Нового неба". После Петра Великого в России наступило классическое время богоискателей и паломников, сектантов, которые день и ночь, лето и зиму бродили по стране. Раскольнические скиты и "сектантские корабли" улавливали некоторых из них. Другие, однако, которые непоколебимо пребывали в православной вере, паломничали от монастыря к монастырю и искали в своем не вполне осознанном стремлении духовного вождя.

Православная Русь разделена на два слоя: наверху — застывшая в своих убеждениях церковная власть со своими духовными владыками, в какой-то степени поддерживаемая государством, внизу — глубоко верующий народ и отчасти аскетические монахи и епископы, бесчисленные противники западной культуры — любимые образы славянофилов и герои мессианских идей Достоевского. Только богослужение удерживает оба эти слоя вместе. Появля-

ется реакция на обмирщение: народ обращается к началу своего религиозно-богатства прошлого, к сути православной аскетики — к познанию и опыту духовного богатства древних отцов. Старчество, сперва сосредоточившееся внутри монастырских стен, вышло из монастырских ворот в мир. Только в монастыре могло оно воспринять правильные религиозные идеи, которые могли послужить к руководству людей в миру. Исторически мы видим именно такое развитие старчества.

В XVIII столетии уменьилось религиозное стремление к аскетической духовной жизни. Многие монастыри были почти пусты. Раскол и церковные реформы Петра Великого 1721 года были особенно неблагоприятны для монашеской жизни. В 1734 году был издан приказ царя, чтобы никто не смел постригаться в монахи, кроме овдовевшего духовенства и отслуживших солдат. Отход церковных и монастырских земель к государству при Екатерине II в 1764 г. был новым тяжелым ударом. Последствием этого было закрытие многих монастырей и дальнейшее снижение аскетической жизни. Только в 70-х и 80-х годах XVIII столетия мы замечаем новый расцвет монастырской жизни. Толчок к этому дал Гавриил, митрополит Новгородский и Петербургский (†1799), один из очень выдающихся иерархов Синодального периода в истории Русской Церкви. Во всех монастырях его епархии он ввел строго общежительные правила. В русском старчестве он нашел лучшую помощь. Это сперва были единичные строгие монахи, как старец Назарий из Саратовской пустыни (позже он был переведен в Валаамский монастырь) или старец Адриан в Коневском монастыре. Но главной его опорой была великая школа русского старчества, связанная с именем скромного старца Паисия Величковского.

Старец Паисий в одном из молдавских монастырей случайно нашел отрывок из творений Нила Сорского. Он понял глубину и остроту мыслей аскетических мудрецов, древних отцов Церкви, на которых Нил Сорский основал свои взгляды.

Ко времени старца Паисия — во второй четверти XVIII столетия — были почти забыты многие из древних аскетов, как, например, Макарий Египетский, Нил Синайский, Ефрем Сирийский. Всю свою жизнь посвятил старец Паисий восстановлению того, что грозило быть утраченным.

От старца Паисия произошло много скромных учеников и последователей, образовавших "школу" русских старцев в последней четверти XVIII и первой половине XIX столетия. Древо русского старчества, которое Нилом Сорским было посажено на почву русского благочестия, но со временем несколько завявшее, Паисием Величковским было сделано вновь свежим и зеленым. Более столетия росло это древо — мы имеем право сказать — до самой революции 1917 года, а далее, наполовину скрывшееся, но распространявшее свои ветви и приносящее всегда новые и все лучшие плоды христианской жизни.

Старец Паисий Величковский

Старец Паисий занимает совершенно особое место в истории возрождения русского монашества и аскетической жизни. Он сам прошел длинный путь духовных исканий и внутренних колебаний и в течение своей более чем семидесятилетней жизни жил и действовал в различных местах. Может быть, именно эти скитания были знаком ослабления монашеской жизни в России.

Паисий происходил из семьи священника. Он родился в 1722 г. в городе Полтаве и уже с молодых лет тесно соприкасался с жизнью Церкви. Сперва он изучал Псалтирь и Часослов, однако скоро это показалось ему слишком мало. Он удалился из своей семьи и углубился в изучение Священного Писания и творений святых отцов. В его юной душе возникло стремление оставить мир и принять равноангельный монашеский образ. Он любил молчание; говорят, что даже его собственная мать могла с ним редко разговаривать. Он

был стеснительным человеком, и не только перед чужими, но даже перед своими родными.

После смерти своего старшего брата — тогда Паисию было тринадцать лет — он благодаря покровительству Киевского архиепископа поступил в Киевскую духовную школу. В течение четырех лет он показал себя прилежным и одаренным учеником, но нашел очень мало внутреннего удовлетворения. В тишине все более укреплялось в нем желание монашества. С некоторыми своими единомышленниками и соучениками он беседовал об этом ночью, спрятавшись, и часто до раннего утра. Они говорили о далеких паломничествах в Иерусалим, на Святую Гору Афон, где процветал во всей красоте действительный христианский аскетизм, или на гору Синай, или в пустыни Египетские, духовную атмосферу которых он познавал через чтение писаний преподобного Ефрема Сирина, а Жития египетских святых запали ему глубоко в сердце, давая ему еще в юности мудрость, кротость и старческое настроение разума. Итак, однажды ночью он тайно поклялся школе, ушел из Киева и отдался скитанию, подобно паломнику, ищущему своей Небесной родины.

Судьба направила его сперва в монастырь города Любечá на Днепре. Игумен принял его дружелюбно, присоединил его к обществу братий, предоставил келью и поручил различные работы.

Паисий почувствовал, как в нем возрастали глубокая благодарность и радость, когда он ежедневно наблюдал, с какой любовью относится братия к своему духовному отцу, который в благости и мудрости руководил ими, сознавая всю ответственность своей должности. Три месяца протекли так, в мире работающих братий, как вдруг произошло назначение нового игумена, который был твердого и властолюбивого характера, и вся жизнь монастыря как бы во мгновение ока изменилась. Страх и смущение овладели братией, многие убежали, а для Паисия жизнь с каждым часом становилась тяжелее. Зимней ночью он подошел к берегу реки и по льду перешел на противоположный берег.

И опять брел он через широкие степи на юг, пока в один прекрасный день не очутился перед стенами монастыря святого Николая, который был построен на острове посреди реки Тясмин, уже в Молдавии. По его просьбе его приняли туда. Снова он стал выполнять различные работы и послушания, и притом с таким усердием, что через некоторое время игумен монастыря в день Преображения Господня постриг его в рясофор с именем Платон. Тогда ему было девятнадцать лет. Здесь ввиду оторванности Тясмина от населенных мест его душа смогла отдохнуть и созреть. Однако произошли внешние и неожиданные события: возникло преследование Православия со стороны униатов. Церкви закрывались, и братия изгонялась из монастырей. Тогда он снова пошел назад, в Киев. В типографии Киево-Печерской Лавры нашел он приют и занятие и там овладел искусством чеканки икон на меди.

Однако все время горело в нем желание и стремление к отшельничеству, к тишине удаления от мира и к пребыванию под духовным руководством старца, которому он мог бы довериться на тяжелом пути аскетического обучения. Когда однажды два монаха отправились в паломничество, он присоединился к ним. После длительного странствия через Украину, Молдавию и Влахию они остановились, намереваясь в дальнейшем достигнуть и Афона.

Некоторое время он оставался в Трейстене, в скиту святителя Николая Чудотворца, и после в Кыркуле, который был знаменит своей красотой и плодородием почвы. Под руководством опытных старцев Василия и Онуфрия, также под отеческим покровительством Феодосия, игумена монастыря Кыркул, он быстро шел вперед и вскоре достиг настоящего монашеского молчания, которое, по словам святого Исаака, есть "мать покаяния и молитвы".

Около трех лет провел Паисий во Влахии и за это время в совершенстве изучил местный язык, потому что надеялся когда-нибудь позже перевести

святых отцов на молдавский. Затем пришел день, когда его лучшее желание — достичь Святой Горы Афон — должно было исполниться. Тогда ему было 24 года. С другим монахом, Трифоном, имевшим священный сан, получив благословение отца, отправились они в путь. Это был самый определяющий момент его жизни. Наконец после разных приключений и лишений, которые естественно сопровождают путь по земле и морю, перед ним предстал Афон. Со своими спутниками он покинул корабль и поднялся к лавре святого Афанасия.

Ему разрешили поселиться в маленькой келлии. Вокруг него жили в полной нищете монахи, погруженные в безмолвие. В поисках подходящего для себя духовного отца посещал он их всех, но Богу не угодно было, чтобы он нашел там желаемое. Тогда он отдал себя в руки Божиего Провидения и остался один.

"Кто мог бы описать всю его борьбу, — сказано в Житии, — когда он один перед Единым Богом в пылающем усердии своей души стремился к совершенству. Он возложил на себя нужду, лишение, пост и жажду, сокрушение и покаяние. Как много вздохов и просьб исторгалось из глубины его сердца! Какая борьба с искушениями гнева, блуда и гордости, которую принять могут только те, кто обращаются к Богу! Какое сражение с немощью, которое постоянно посещает молчащего, и какие злые страсти, которые приходится преодолевать! Какие искушения души и тела, которые им сопротивляются! К тому же еще приходят сомнения разного рода, колебания и потеря надежды на то, что когда-либо можно будет восстать от этого бесовского состояния, и суровая и тяжелая борьба помыслений. Но все это преодолел молодой монах, обращаясь со всей любовью к Богу и ощущая Его помощь. Сколько благодарственных молитв послал он за эту победу из освобожденного сердца Христу Богу!"

Почти три года прошло в трудах счастливого отшельничества и плодосного молчания. "Каждый день означал для него более высокую ступень восхождения, желание новой борьбы, происходящей из огня Божественной любви".

К этому времени на Афон пришел вышеупомянутый старец Василий из Влахии. И когда он с глубокой внутренней радостью увидел, какое развитие в духовной жизни получил юный Богоискатель, он постриг его в мантию и дал ему имя Паисий. Ввиду огромного недостатка в священниках и исповедниках на Афоне и после неоднократных просьб со стороны других монахов Паисия посвятили в иеромонаха. Теперь Паисий испросил у протоса Лавры старую пустую келью, посвященную пророку Илии, недалеко от монастыря Пантократор, и построил церковь, трапезную и шестнадцать келлий. Уважение и любовь, которые ему оказывали со всех сторон, были так велики, что его монастырь со дня на день рос. Скоро стало не хватать места, и монахи жили в большой тесноте вместе. Паисий стал думать о том, что не лучше ли было вернуться во Влахию и там в горах построить новый монастырь. Итак, он отправился вместе с шестьюдесятью братьями в Константинополь и Влахию, но, не найдя там подходящего места, пошел в Яссы и получил от Молдавского митрополита монастырь, названный во имя Сошествия Святого Духа (Драгомирна). Здесь отец Паисий, постриженный к тому времени в схиму, устроил киновийное житие по образцу, рекомендованному святым Василием Великим и преподобным Феодором Студитом. А для богослужений существовало правило, которое употреблялось на Афоне. Хор пел на двух языках: русском и молдавском. Никто из братьев не смел называть что-либо "мое" или "твое", все было общее, как Богом данное. Пища принималась совместно. Исключения делались только для больных и убогих. Все работы в монастыре исполнялись монахами, которые при этом не забывали страха Божия. Поскольку при общих работах могли возникать своеволие, непослушание, сопротивление, то внимательно следили за тем, чтобы этого не было и чтобы не нарушались Божии заповеди. Первейшей добродетелью

было послушание, смирение, терпение, доброе отношение к другим, готовность к миру. Прежде всего требовалось отречение от собственной воли и самостоятельного мнения.

С молчанием на устах и молитвой в сердце каждый исполнял свою обязанность, служил игумену и братии всегда с одинаковой готовностью и любовью. В своей келье читали Священное Писание и творения святых отцов со слезами и коленопреклонениями Христу, Его Пречистой Матери, Которые с икон взирали на них и давали им силу. Преуспевающим старец давал благословение на духовную сердечную молитву. Новоначальные должны были каждый вечер исповедоваться у старца. По вечерам, между богослужениями, братия собиралась с горящими свечами в трапезную. Старец приходил и читал что-либо из святых отцов, как, например, аскетические слова святого Василия Великого, или Феодора Студита, или Симеона Нового Богослова. Чтения менялись: один вечер на церковнославянском языке, другой — на молдавском. Отсутствующие читали акафисты в церкви. Так строилась монастырская жизнь под руководством старца Паисия. Старчество получило в монастыре Драгомирна большое развитие.

Во всех аскетических добродетелях он сам был неутомимым примером. Часто он сам участвовал в общей жизни монастыря и говорил: "Никто не может оставаться бездеятельным, ибо от праздности происходит все злое". В течение длинных осенних и зимних ночей он работал вместе с двумя братьями, хорошо знавшими греческий язык, которые помогали ему переводить писания святых отцов на русский и молдавский. Это было его самым большим желанием: "мед, истекающий из уст святых отцов", собирать и передавать его все растущему монастырю. Так появился церковнославянский перевод "Добротолубия", позже напечатанный с помощью Петербургского митрополита Гавриила.

В течение долгих лет дружной работы развивалась общежительная жизнь и достигла заметной высоты, после чего политические события принесли заметные изменения для монастыря и братии. В 1774 году закончилась шестилетняя война между Россией и Османской Портой. По мирному договору часть молдавской земли перешла к Австрии, причем именно та часть, где находился монастырь Драгомирна. Старец, заботившийся о благополучии и будущем своей братии, просил у митрополита монастырь Секул, остававшийся в пределах Молдавии. Старец получил письмо от игумена Секула, в котором тот приглашал его и братию к себе. Старец Паисий получил разрешение, и скоро число братии так умножилось, что даже Секулярский монастырь оказался мал. После тяжелых внутренних колебаний он решил, к счастью монахов, переселиться в большой Нямецкий монастырь, удаленный на два часа ходьбы от Секула. Теперь под его руководством оказались два монастыря. Вскоре в Нямеце появилась новая больница, были построены кельи для братий и трапезная, а также устроено особое помещение для паломников и для бедных. Четыреста братьев были в Нямеце, и сто осталось в Секуле.

Во время второй Русско-турецкой войны (1786—1790) старец и его братия пережили тяжелые дни. Как раз к этому времени Паисий был возведен в сан архимандрита. В душе он остался равнодушен к этой чести. В простоте и кротости, как и раньше, он руководил своими двумя монастырями и посвящал дни заботе и руководству своими духовными детьми. По ночам работал он над переводами, чтобы довести их до конца. Часто видели его сидящим на своем ложе при горящих свечах, согбенным, как малое дитя, и окруженным кучами книг на различных языках. Так он писал переводы всю ночь. Житие сообщает, что иногда он изрекал пророчества, которые исполнялись, а также совершал чудеса исцелений. Это еще более возвышало авторитет и уважение, которыми он пользовался до глубокой старости.

Его скромная и деятельная жизнь закончилась 15 ноября 1794 г. в возрасте 72 лет.

Обычно в монастыре богомольцы собирались в большом количестве на престольный праздник Вознесения Господня. Еще большее стечение народа произошло, когда разнеслась весть о блаженной кончине старца. Каждый еще раз хотел увидеть своего отца. В течение его жизни дверь его кельи была открыта весь день и для каждого. Всех он принимал приветливо, каждому давал совет и поучение. Теперь любовь и духовная связь с покойным нашли свое новое выражение.

На четвертый день после его кончины было совершено торжественное погребение.

Оба монастыря, в которых отец Паисий действовал как игумен и как старец, развились в значительную школу аскетической жизни. Не только в ближайших окрестностях, но также и в весьма отдаленных областях чувствовалось влияние старца и его деятельности. Через свою жизнь на Афоне и через свое отношение к нововыросшему монашеству Паисий обновил то духовное родство, которое всегда существовало между русской религиозной жизнью и Афоном. Хотя бы на этом основании можно считать деятельность Паисия для русского монашества и старчества такой великой и значительной.

Письма старца Паисия о монашеской жизни

Подражателю деяний Авраама, усердному исполнителю Божиих заповедей, моему всерадостнейшему другу, господину и отцу священнику Димитрию. Да будет радость Господня всегда с ним!

Ты должен знать, мой возлюбленный друг, что Святой Дух через святых отцов разделил монашескую жизнь на три вида, именно: отшельничество в одиночку, житие вместе с двумя-тремя братьями и общее житие.

Отшельничество надо так понимать: вдалеке от людей, в пустыне свою жизнь проводят и заботятся о спасении своей души, заботы же о питании, одежде и другие земные нужды предоставляют Божию Провидению, крепко держась веры в Единого Бога, потому что только Он есть помощь и утешение в этом мире.

Житие вместе с одним или двумя братьями нужно представлять так: старший, старец, опытный в Священном Писании, живет отдельно и имеет одного или двух учеников, находящихся в полном послушании и повинновении душею и телом.

Общее житие подражает жизни Господа Иисуса Христа и Его учеников, как пишет Василий Великий. Число учеников должно быть не менее двенадцати, но может с Божией помощью возрасти до очень большого числа, притом даже разноязычных. Смысл этой жизни состоит в том, чтобы живущие во имя Христово братия имели одну душу и одно сердце, один ум и одну волю исполнять ради Христа Божия заповеди, взаимно помогать нести тяжести каждого. При этом каждый проявляет взаимную любовь и взаимное подчинение, и все вместе подчиняются предстоятелю монастыря, который искусен в знании Священного Писания и через слово и пример их поучает. Его братия должна почитать как отца и учителя, ему, как будто он Сам Господь, полностью подчиняется при совершенном отвержении и умерщвлении собственной воли и собственного мнения. Все, что служит телесным нуждам, должно быть общим.

Во всех этих трех видах монашества, так как они Святым Духом установлены, благоугодил Богу многие святые отцы и просияли духовными дарованиями, как солнце. И для всех трех видов и порядков приводят отцы доказательства из Священного Писания.

О первом виде, т. е. об отшельничестве: показывают высоту этого жития, но также и многочисленные искушения, с ним связанные.

Житие вместе с одним или двумя братьями отцы хвалят, называют его "царским путем" и применяют к нему следующие слова Священного

Писания: "Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их" (Мф. 18, 20).

Для общего, киновийного жития отцы приводят следующее место Священного Писания: "Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе!" (по-русски: "Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!" (Пс. 133, 1).

Хотя монашеская жизнь бывает трех видов, но святой Иоанн Лествичник советует тем, кто из мира вступает в монашество, не уклоняться ни налево, ни направо, но идти царским путем. Это означает, что не надо удаляться в пустыни, которые требуют ангельской силы. Так же советуют и другие отцы...

16 мая 1766 года

Киновийный монастырь Драгомирна

Для старца Паисия было нелегкой задачей соединить старчество с киновийным житием. Даже монахи, понимавшие важность старчества, не желали давать место старчеству в своей киновийной жизни, потому что считали, что старчество свойственно только скитскому или отшельническому житию.

Во времена старца Паисия нагорья и леса Молдавии были мало посещаемы и оттого очень подходили для скитского жития. Поэтому не только опытные монахи, но и многие молодые приходили для того, чтобы жить по-скитски.

До середины XVIII столетия в Молдавии и Влахии "добродетель умной молитвы" была мало известна. Из Жития старца Паисия мы узнаем, что, вводя Иисусову молитву, он иногда встречал сопротивление со стороны монахов. Уже в монастыре Драгомирна он был вынужден написать сочинение в защиту духовной молитвы. Там он с доказательствами от святых отцов Церкви своевременно обезвредил опасное мнение своих противников. Кажется, что, по крайней мере, на некоторое время его аскетические взгляды насчет непослушания победили и сопротивление было сломлено. Но спустя двадцать лет появилось писание старых монахов, проживавших в Буковине, в котором были жалобы на Иисусову молитву. Тогда, будучи глубоким старцем, Паисий вынужден был еще раз в сокращенном виде повторить свое сочинение. В этих двух сочинениях Паисий дает очень ценные сведения о борьбе вокруг исихазма в XIV столетии и защищает умную молитву. В то же время эти сочинения важны для познания личности старца и его аскетических взглядов, а также для понимания значения умной молитвы в религиозно-воспитательном отношении.

Борьба вокруг Иисусовой молитвы, закончившаяся победой старца Паисия, сыграла большую роль в центре духовного руководства и воспитания старцами монахов, в особенности молодых. Она является существенным "инструментом" для нашего спасения, который мы "каждый час; каждую минуту имеем в своих руках", о чем неоднократно говорил впоследствии и преподобный Серафим Саровский.

*Противникам и клеветникам умной молитвы, или Иисусовой молитвы
(Объяснение и защита старца Паисия)*

"Я, земля и пепел, в духе преклонив колена своего сердца перед недоступным великолепием Твоей Божественной славы, умоляю Тебя, Сладчайший Иисусе, Единородный Сыне и Слово Божие, блеск славы и Образ Ипостаси Отчей; Ты, Который слепорожденного сделал выдающим, просвети мой помраченный ум и помыл и даруй моей падшей душе свою благодать. Да будет этот мой труд во славу Твоего Пресвятого Имени и в пользу тем, которые желают через умное и священное молитвы делание умно прилепиться Тебе, Богу нашему, и Тебя, бесценную жемчужину, всегда в своем сердце носить; и соделай также и обращение тех, которые по своему неразумию этим Божественным деланием пренебрегают и на исго клеветцу.

Какое основание имеете вы поносить эту молитву? Неужели вы находите бесполезным призывать Имя Иисусово? Неужели заслуживает такого поношения ваше сердце, то сердце, на котором, как на престоле, ум тайную жертву молитвы Богу священнодействует?

Ум и сердце суть творения Божии и, как все человеческое тело, по своей природе прекрасны. Что тут дурного, если человек из глубины своего сердца призывает Имя Сладчайшего Иисуса и ожидает от Него благодать? Или, может быть, вас смущает умная молитва потому, что вы думаете, будто Бог не слышит тех молитв, которые произносятся втайне, но только те, которые произносятся устами? Это — клевета на Бога.

Я опять спрашиваю вас: порицаете ли вы эту молитву на том основании, что она является причиной какого-либо вреда для вас? Это не так. Святая умная молитва, которая действует через Божию благодать, очищает человека от всех страстей, приводит его к исполнению Божиих заповедей и защищает от всех искушений, посылаемых стрелами искушителя. Кто дерзнет молиться по собственной воле, причем не так, как святые отцы учат, и без совета опытного руководителя, тот, вероятно, — и я утверждаю это — попадет в сеть бесовскую. Как так? Разве молитва — причина падения? Да не будет! Твое самомнение и гордость и самостоятельные действия являются причиной того, что ты попался на приманку искушителя.

Божественная умная молитва имеет непоколебимую основу в словах Господа нашего Иисуса Христа: "Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоemu, Который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно" (Мф. 6, 6). Эти слова Господа Иисуса приводит и святой Иоанн Златоуст — уста Христовы, всемирное светило, вселенский учитель — в своей, ему от Святого Духа уделенной мудрости, не о молитве, произносимой устами и языком, но о той, которая исходит из глубины сердца. Святой Василий Великий — огненный столп и огненные уста Святого Духа — говорит, что человек имеет в глубине своего сознания духовные уста, которыми он может наслаждаться Божественными словами. И святой Григорий Богослов говорит об умной молитве: "Держи всегда свой ум так, чтобы он был храмом Божиим, в котором твое сердце имеет духовное пребывание с Царем".

Надо знать, что, по писаниям святых отцов, имеются две умные молитвы: одна — для начинающих, употребляемая в практическом делании (праксис), другая — для совершенных, которая соответствует созерцанию (теория). Первая есть начало, вторая — конец, ибо делание есть восхождение к созерцанию. В этом и заключается весь аскетический подвиг, когда кто-нибудь с Божией помощью подвизается в любви к Богу и ближнему; для умиления, терпения и кротости и для всех других заповедей Божиих и отцов, для полного послушания души и тела, для поста и бдения, для сокрушения, коленопреклонения и для прочих удручений плоти; для внимательного присутствия на богослужении и для творения келейного правила, для тайного духовного упражнения и для памяти смертной — все это подвиги, называемый "праксис". Это ни в коем случае не созерцание.

Когда человек с Божией помощью пройдет через все эти подвиги, особенно через глубочайшее смирение, и очистит свою душу и сердце от страстей, тогда благодать Божия, наша общая мать, берет его просвещенное сознание, как дитя, за руку, ведет его вверх ступень за ступенью и открывает ему, в соответствии со степенью его чистоты, неизреченные и непостижимые Божии тайны — и это называют верно и действительно *духовным созерцанием* (теорией).

Эта созерцательная молитва, или "чистая молитва", как ее называет святой Исаак Сирий, есть благоговейное созерцание Бога.

В это созерцание нельзя войти по собственной воле, но только тогда, когда Бог кого найдет и через Свою благодать поведет. Если кто посмеет попытаться войти в него без света Божией благодати, тот должен знать,

говорит святой Григорий Синаит, что то, что он увидит, не будет созерцанием, но ложными представлениями, которые ему предлагает архилжец.

Нужно знать, что Григорий Синаит различает восемь родов созерцания. Он говорит: "Мы насчитываем восемь основных видов созерцания: во-первых, Бога, т. е. невидимую безначальную и несозданную Причину всего существующего, единство во Святой Троице и все превосходящее Божество; во-вторых, порядок и иерархию Умных Сил; в-третьих, строение творения; в-четвертых, промыслительное снисхождение Слова; в-пятых, воскресение всего мира; в-шестых, второе и страшное пришествие Христово; в-седьмых, вечные муки; в-восьмых, Небесное Царство, не имеющее конца".

Это Божественное дело святой умной молитвы было достоянием наших богоносных отцов и, как солнце, сияло у тех монахов, которые жили везде: в пустынях и монастырях, в Египетских скитах, на Нитрийской горе, в Иерусалиме и окружающих монастырях — одним словом, на всем Востоке и далее — в Константинополе, на Святой Горе Афон, на многих островах, а в последнее время, через Божию благодать, также в Велikorоссии. Многие наши богоносные отцы, горящие серафимским огнем любви к Богу и ближнему, удостоились стать строжайшими хранителями Божественных заповедей и сосудами Святого Духа, после того как они очистили свое сердце и душу от всех пороков ветхого человека. Многие из них, озаренные Божественным вдохновением и исполненные мудрости Святого Духа, писали об этой Божественной умной молитве в согласии со Священным Писанием Ветхого и Нового Завета. И они благодаря особенной предусмотрительности Божией писали об этом, чтобы в будущее время это не было забыто. Никто из православных не посмел похулить это дело, это хранение рая сердечного. Напротив, встречали его с большим вниманием и высочайшим благоговением как дело, заключающее в себе великое духовное преуспеяние.

Но сатана, начальник всякого зла и враг всякого доброго делания, видел, как монашество через это умное дело молитвы в непоколебимой любви припадало к ногам Христа и все более совершенствовалося в исполнении Его заповедей; тогда он применил все свои козни, чтобы это душевспасительное дело было оставлено. Он, архилжец, нашел на итальянской земле калабрийскую змею — еретика Варлаама, и когда он всей своей силой вселился в него, то внушил ему поносить нашу православную веру. Подобно Господу нашему Иисусу Христу, Который с самого возникновения православной веры и до сего дня является для неверующих камнем преткновения, а для верующих — Спасителем душ, и Иисусова молитва у некоторых неверующих находится под сомнением и сделалась камнем преткновения и основанием для ошибок, хотя до этих еретиков никто открыто — ни в словах, ни в писанин — не порицал умного делания молитвы.

Варлаам был первый клеветник. Как змея, вылезая из пещеры, пришел он из итальянской области Калабрии в Грецию и сперва поселился в Фессалониках, недалеко от Святой Горы Афон. Там он узнал о святогорцах и о той молитве, которую они творили. В гордости своего философского мудрования начал он испускать убийственный яд своей клеветы сперва на монахов, потом на молитву и затем на всю Божию Церковь и ее учение. Свет Христова Божества, не сотворенный и вечно сущий, он назвал сотворенным. Это тот свет, который на горе Фавор снизошел от Его пречистой преображенной Плоти на святых Его учеников и апостолов.

Этот еретик вместе со своим учеником Акиндином, как и многие их последователи, считал сотворенным и многое другое, что на самом деле принадлежит существу и природе Пресвятой Троицы и исходит из Нее, подобно лучам солнца, именно: действие, власть, благодать, свет и сияние, дары и все прочее, что даже перечислить невозможно. Все православные христиане, знающие, что в Боге нет ничего сотворенного и все, что в Нем, не сотворено и было в Нем во все времена, охарактеризовали еретиков как сторонников многобожия, которые сами являются безбожными.

Святогорцы собрались на Поместный Собор и изрекли анафему на клевету Варлаама. Потом было четыре Собора в Константинополе, в Святой Софии, которые и анафематствовали всех этих еретиков и их сторонников. На первых двух Соборах присутствовал святой Григорий Палама в сане иеромонаха, на третьем он был уже архиепископом Фессалоникийским. Четвертый Собор имел место уже после его смерти. Все эти Соборы произнесли анафему на еретиков, если они не пожелают покаяться. Афонских монахов эти Соборы признали чистыми и невинными в клевете и лжи.

Итак, святая Иисусова молитва, творимая умом в сердце, а не только устами, осталась непоколебимой от еретических нападков. Светясь подобно солнцу, она была прославлена во всей Святой Церкви.

А теперь я прошу вас: имейте страх Божий и непоколебимую веру в писание святых отцов и их учение, будьте едины со Священным Писанием и исповеданием Вселенской Церкви, ибо во всех них действует Тот же Самый Святой Дух. Он действует как во вселенском учении, так и в учениях святых отцов и руководителей монашеского жития, и им открыл Он, ввиду их богоугодной жизни, тайны Царства Божия и глубины Священного Писания, и потому в писаниях отцов заключается истинное учение для монахов, желающих спастись. Держитесь крепко этого учения. Бегите далеко от всяких наветов и клеветы, ибо они построены на песке безбожным разумом.

Вы же, которые являетесь верными и истинными сынами Православной Божией Церкви, стойте на твердом камне веры. Вы имеете для следования заповедям Божиим и для святой Иисусовой молитвы наших святых и богоугодных отцов. Следуйте их святому учению, стремитесь телом и душою ко всякому хорошему и богоугодному делу с помощью благодати Божией. Аминь".

Деятельность старца Паисия не ограничилась только Молдавией. Уже в первые годы своей деятельности в молдавских монастырях он был хорошо известен некоторым прилежным аскетам в центральной России, которые были разочарованы в современных им монастырях.

В течение немногих лет Паисий построил около своих монастырей приюты для паломников. Через паломничества молодая поросль старцев пришла в непосредственное соприкосновение со старцем Паисием и принесла новую жизнь во многие маленькие скиты их родины. Объединенные одинаковой целью жизни, они общались между собою и образовали духовную сеть, распростершуюся по большим областям России.

Последующая биография старца Феофана вводит нас в их среду. Это было время цветения, плоды которого должны были созреть в течение нескольких последующих десятилетий.

Старец Феофан

Завещание старца Феофана, архимандрита и игумена Кирилло-Новоезерского монастыря

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа! Моя глубокая старость и тосещающие меня болезни извещают меня, что близок конец моей земной жизни и переселения в Вечную Жизнь. Свои юношеские годы я провел в грехе и нищете. Господь, однако, в Своем долготерпении и благодати дал мне в ожидании моего обращения достаточно времени для покаяния. И теперь, когда я нахожусь при конце моей жизни, могу только сказать: "Господи! Услышь молитву мою, внимли молению моему по истине Твоей; услышь меня по правде Твоей и не входи в суд с рабом Твоим" (Пс. 142, 1—2). Как могу я моими грешными устами принести достойную благодарность Небесному Отцу и Творцу за его огромные благодеяния ко мне? Сколько раз Он защитил меня в опасных обстоятельствах — я могу об этом вспомнить только со стра-

хом! Но хвала и слава Его благодати, которую Он меня до глубокой и глубочайшей старости защищал! При этом я прошу братьий, живущих в этом монастыре, в особенности тех, кого я постриг, а также и других, живущих вне монастыря, молиться за меня, чтобы я ради моих грехов не был низвержен в место мучений, но чтобы я осмелился войти в обители святых, где негаснущий свет и бесконечное житие во вся веки.

Я прошу также, когда Господь позволит мне покинуть эту земную жизнь, сделать простой, некрашенный, ничем не обитый гроб, в который и будет положено мое тело, что для грешного человека более чем достаточно. Аминь.

Я насчитываю семьдесят лет со дня своего рождения (12 мая), мои именины, во Святом Крещении,— 16 мая, день святого Феодора. Монашеский постриг получил я в 25-летнем возрасте, а в монастырь вступил 18 лет. Я хотел даже раньше уйти из мира, но ввиду чумы, вспыхнувшей в Москве, мне пришлось это отложить.

Чума началась на текстильной фабрике, ее принесли из Турции вместе с шерстью. Тогда с колокольной Ивана Великого кричала сова день и ночь и была видна ужасная комета с хвостом, занимавшим половину неба. Уныние постигло всех людей. Бывало, что кто-нибудь молился Богу вечером, потом шел спать, а наутро его уже не было. Да, Бог вел меня в моей жизни чудесно!

Тогда жили великие старцы в Саровской пустыни: отец Ефрем, склоненный в своем смиреннии и полный добродетели; отец Симон, также богатый добродетелями монах; иеромонах Иоаким, который построил великую церковь; Пахомий и Иосия. Отец Назарий из Сарова рассказывал о чуде, происшедшем в пустыни во время Пугачевского восстания. Когда земля осталась необработанной и настал великий голод, тогда открылась гора, оказавшаяся наполненной мукой, и можно было во множестве печь хлеба. Когда же прошло время нужды и снова пришли к этой горе, то увидели в ней только песок.

В Сарове кормили многих людей. Однажды осталось очень мало хлеба. Братия пришли к отцу Ефрему и сказали: "Хлеба едва хватит нам самим и ничего нельзя дать людям", хотя это было принято. Но отец Ефрем сказал: "Если мы ничего не дадим, люди умрут. Лучше, если мы умрем, чем люди. Да будет воля Господня!" И в это время привезли 150 мешков зерна, которые помещица послала в обитель. Она спросила саровских старцев, как ей распорядиться с мешками. И они дали совет — разделить их на три части: одну часть для нее, другую — для бедных и третью — на продажу. Когда стали делить, то работавший при этом увидел, что зерна не становилось меньше. Госпожа пришла сама, упала на колени и поблагодарила Бога за то, что произошло.

Недалеко от Сарова проживал отшельник, который уже пятьдесят лет провел в одиночестве. К нему пришли двое новичков и застали его сидящим за молитвой. "Что вы хотите?" — спросил он. "Мы пришли тебя навестить", — сказали они. "Ах, теперь я не имею времени, приходите завтра!" Они ушли. Однако по дороге одному из них пришла в голову мысль повернуть назад. "Ты будешь ему только в тягость!" — сказал другой. "Что должен я делать? Я все-таки пойду". Спросил старец: "Что ты хочешь?" — "Мне пришел помысл снова вернуться". — "Ну, тогда нечего делать, мне кажется, что так угодно Богу". Он стал молиться и исчез во мгновение ока.

Старец Феофан недолго был в Сарове. Он пошел в Санаксар, где был более строгий монастырь. Там жил старец Феодор Ушаков, ученик старца Паисия. Послушаем рассказ старца Феофана о том, как это было.

"Я хочу вам рассказать, как мы начинали. Мы искали строжайшего монастыря с наиболее продолжительным богослужением. В Сарове разве? Нет, там было недостаточно строго. Пойдем к отцу Феодору. И мы пришли к нему. Обитель не имела стен, только деревянный забор окружал ее; церковь была маленькой. Окошечки обтянуты бычьим пузырем. Не было свечей.

Богослужение совершалось при горящей лучине. Вечерня и утреня продолжалась семь часов.

Когда старец Феодор был послан в Соловецкий монастырь, я пришел к старцу Клеопе.

В то время жили старцы высочайшей жизни: отец Паисий и отец Клеопа. Сперва они были на Святой Горе Афон как отшельники. Потом пошли в Молдавию. Там жил старец Паисий.

Его житие удивительно. Он имел тысячу братьев различных национальностей: валахи, сербы, немцы жили в трех монастырях. Он сам жил в монастыре Драгомирна и посещал два других, или же он оставался, и тогда приходили к нему. Сами патриархи в затруднительных случаях получали от него советы. Его имя было известно всем; многие приходили из Москвы. Его светлость князь Потемкин навестил его. Принц Фонкобург приходил к нему.

Его терпение побеждало и преодолевало все. И была еще тысяча монахов, каждого из которых надо было привезти. Он имел также дар пророчества: что он объявлял кому-нибудь, то сбывалось.

Старец отец Клеопа не остался в Молдавии, но вернулся в Россию. Венденская пустынь, куда он пришел, находится в 90 верстах от Москвы, на маленьком острове, почему она называется также Островской. Этот остров еще меньше, чем наш Новоезерский.

Отец Клеопа поселился в лесу и два ученика с ним. Один, Лука, пребывает сейчас в Давидовой обители. Другой, Матфей, пошел на Афон. Однажды у них кончался хлеб. Тогда просили ученики: "Отче, разреши нам пойти в деревню, чтобы хлеб испросить". Старец ответил: "Подождите". Один день прошел, второй, и когда наступил третий, спросили ученики снова своего старца, могут ли пойти в деревню. "Подождите еще, завтра я вас отпущу". Но вечером третьего дня пришел человек с двумя лошадьми и спросил: "Здесь ли живет Клеопа?" И, получив утвердительный ответ, открыл свои богатые запасы: ржаную и пшеничную муку, масло коровье и растительное, а также крупу. Подумайте, как он мог пробраться? Сюда не было дороги, лес был большой и густой, так что мы сами ходили по нему, ориентируясь по засечкам.

Генерал-губернатор князь Воронцов спросил Клеопу, нуждается ли он в чем-либо. "Кланяйтесь от меня князю. Я благодарю его за его заботу, но скажите ему, что мне нужно только два метра земли, в большем я не нуждаюсь!"

Да, покойный отец Клеопа проводил жизнь настоящего святого и чудотворца! Сколько он сделал земных поклонов! После утреннего богослужения — поклоны, после вечернего — так же. От стояния его ноги опухли, и всегда читал он книги Ефрема Сирина и Иоанна Лествичника. По своему молитвенному правилу делал он рано утром в церкви 150 земных поклонов и после вечернего богослужения — еще 150. А ведь всю ночь длилась семь часов. Он любил петь за богослужением. Он был несколько выше меня ростом. Его лицо было круглым, но щеки серые и впалые, и глаза его всегда были полны слез. Он умер, если я не ошибаюсь, семидесяти лет. Кончину свою он предсказал и сам себя внес в синодик. Он очень любил день Сорока мучеников и именно в этот день ушел от нас. Житие его было очень строгим. После переселения отца Феодора в Соловецкий монастырь я пришел также к отцу Клеопе. Однажды у него оказалось двое монахов из Молдавии — Антоний и Арсений. Я имел намерение совершить паломничество в Иерусалим. Отец Клеопа дал свое благословение. В военной коллегии я получил паспорт, другие также. Итак, мы, пятнадцать человек, отправились в путешествие. Все пришли в Иерусалим, только я остался в Тисманской обители. Я тоже хотел в Иерусалим, а затем на Афон, но игумен монастыря отец Феодосий не пустил меня. Я хотел также к старцу Паисию, но нет, он меня решительно не пустил. Я сказал: "Я очень хочу к старцу Паисию". Но мне

ответили: "Ты должен остаться". Три дня спустя меня постригли с именем Феофан.

В монастыре Тисман находятся двое святых мощей: святого Никодима и его ученика — святого Аркадия. Это очень уединенное место. Там было, как я думаю, около 80 человек, пришедших из различных стран. В каком послушании, в каком терпении и в каком смирении жили там! Они жили как настоящие ангелы Божии! Отец Афанасий был конюхом. Этот Афанасий был очень ученым человеком и говорил по-французски, по-немецки, по-латински, по-турецки и по-валахски, но служил он в конюшне. И все, которые исполняли послушание, как жили они без всякой заботы! И какие успехи они делали!

После того как был заключен мир с Турцией, мы не могли больше оставаться в Молдавии. И потому пошли отец Афанасий и я в Петербург и подали прошение поместить нас в Софрониевскую обитель к отцу Феоodosию. Там совершенно неожиданно встретили мы отца Игнатия, который был со мною в Санаксарской обители у отца Феодора. А теперь он находился во Флорищевой обители. Он сказал мне: "Приходи ко мне в Флорищеву. Мы же были вдвоем у отца Феодора". Итак, я пошел во Флорищеву. Однажды эту обитель посетил Высокопреосвященный Иероним, архиепископ Владимирский. Он искал монаха, чтобы сделать его иеродиаконем. Но игумен сказал: "Мы не имеем такого". И я остался там еще на полтора года. После этого стали искать семерых монахов для нашей Православной Миссии в Пекине. Отец Афанасий пригласил меня. Нас направили в Петербург. Все начали путешествие, только я должен был остаться. И все умерли на чужбине, кроме одного вернувшегося.

Я хотел снова покинуть столицу, но мне приказали остаться в Александр-Невской Лавре. Там я выполнял различные послушания, пока Высокопреосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, не избрал меня своим келейником.

Этот Высокопреосвященнейший митрополит очень старался улучшить жизнь монахов, ибо бесчисленные монастыри опустели и оставалось очень немного таких, которые едва жили. Митрополит был очень огорчен этим и спросил меня, не знаю ли я способного старца, который мог бы снова привести монастыри в порядок. Я назвал отцов Назария, Игнатия и Иону; их вызвали в Петербург. С их помощью были восстановлены монастыри Клопский, Тихвинский и другие.

Поскольку я почувствовал болезнь ног, то вынужден был отказаться от служения келейника и хотел отправиться в Саров, но митрополит не пустил меня и объявил: "Я хочу сделать тебя игуменом". — "К этому я не подхожу". — "Очень даже подходишь!" Итак, сделали меня игуменом Моденского монастыря. О моей деятельности можно судить по тому, что в течение двух лет пришло двадцать монахов. Старый игумен, живший на покое в этом монастыре, сказал: "Я живу здесь сорок лет, и ко мне никто не пришел".

Жители города Белозерска были очень огорчены тем, что древний монастырь святого Кирилла в Новозерске опустел. Тогда Высокопреосвященнейший Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, перевел меня туда. И с тех пор я живу здесь, в этих стенах только. Святой держит меня крепко. Как быстро бежит время!"

1821 г.

"Киновиный порядок, который я, с благословения митрополита Гавриила, здесь ввел, должен оставаться здесь без изменения и после моей смерти. И если это мое завещание будет исполнено, то я испрошу от нашего отца Кирилла Божие благословение не для нашего земного благополучия, но для Царства Небесного, которое Бог приготовил тем, кто Его любит. Аминь".

29 января 1829 г.
Архимандрит Феофан

Духовный путь старца Феофана лежит, как мы видели из его записей, в тесной связи с кругом аскетов и старцев Паисия. Проникнутый духом своего великого учителя, Феофан старался и в Кирилло-Новоезерском монастыре установить ту же жизнь, какая была в Нямеце. Так же, как Паисий, он придерживался мнения, что руководство юными монахами должно происходить через старца в монастырском общежитии. Если мы взглянем на последующую жизнь тех монастырей, которыми руководил Феофан, то сразу почувствуем атмосферу молдавских монастырей. Как там, так и здесь молитва составляла основу аскетического воспитания.

Монах в первую очередь должен был посвящать свое время молитве, кроме кратких часов, посвященных монастырской работе. Летом, накануне воскресных и праздничных дней, всенощная начиналась в 7 часов вечера; зимой начиналась в час ночи и продолжалась четыре часа. В будние дни утренняя начиналась в 2 часа ночи и продолжалась три часа. В 6 часов утра начиналась ранняя литургия, в 9 часов — поздняя. После богослужения игумен и братия с пением 145-го псалма шли в трапезную. С молитвою разделялась просфора, принесенная из церкви. Игумен благословлял трапезу. Во время еды обычно читались Жития святых или другие поучения. После благодарственной молитвы каждый брат получал еще часть просфоры. Вечерняя, начинавшаяся зимою в 4 часа, а летом — в 5 часов, продолжалась два часа. После вечерни читался канон Иисусу Сладчайшему, Божией Матери, Ангелу Хранителю; после чего следовал акафист: по воскресеньям, средам и пятницам — Спасителю, по вторникам, четвергам и субботам — Божией Матери. После ужина читались вечерние молитвы, прошения об усопших, внесенных в монастырскую книгу, и Иисусова молитва с земными поклонами.

В праздничные дни в течение Великого поста, а также между Пасхой и Пятидесятницей читались только вечерние молитвы. В церкви в промежутках между богослужениями назначенный брат читал вполголоса Псалтирь. Так день за днем целый год молились в церкви. Каждый брат был обязан присутствовать за богослужением. За полчаса до начала утрени назначенный брат обходил келлии и будил спящих. Он же следил за тем, чтобы все присутствовали за богослужением. Во время утрени при пении "Бог Господь, и явился нам" брат, которому было поручено приготовление пищи, брал огонь с лампы перед иконой Спасителя и зажигал плиту на кухне. В келлиях братья ежедневно занимались ручной работой или чтением Священного Писания или творений святых отцов, согласно распределению игумена. Новички и молодые монахи находились под руководством старших, которых также назначал игумен. Келлии были построены так, что состояли из двух комнат: большой передней и задней, маленькой. В маленькой жили новички, а старший располагался в большой комнате. Молодые монахи не смели без благословения и разрешения старшего ничего начать: ни работы, ни чтения; без его благословения они не могли покинуть келлию. Так вся монастырская жизнь была основана на старчестве. Она совпадала с тем порядком, какой ввел старец Паисий в своем Нямецком монастыре.

Влияние личности старца Феофана распространилось далеко за пределы его монастыря. Отовсюду приходили к нему друзья, чтобы получить совет и наставление. Среди его почитателей находился также император Александр I, по желанию которого старцу был дан сан архимандрита. Но с 1829 года старец ушел на покой. Теперь он готовил себя для "другой жизни". Однажды сказал он некоему брату: "Теперь заканчиваю я свою земную жизнь и готовлю себя для вечности". Он проводил все время в молитве, или молчании, или в молитве Иисусовой. Его постигла большая слабость. Когда келейник советовал ему отдохнуть, он отвечал: "Да, теперь я уже скоро отдохну". 3 декабря 1832 года пошел он с помощью братии в церковь, где причастился Святых Христовых Таин. Когда он вернулся в келью, то сказал братьям, что теперь наступил его последний час. Он лег и со словами: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня" — скончался.

Из поучений старца Феофана для монахов

Мы должны радоваться и благодарить Бога за то, что Он привел нас в тихую гавань — в Свой дом, что Он приготовил нам особенное убежище здесь, в этом монастыре, который есть небесное жилище и земное небо. Вы, земные жители, можете подражать небесным ангелам.

Знайте, что вы на земле, однако же в небесном жилище находитесь. Здесь живут многие светильники, одни через подвиги, другие через мученичество ставшие святыми. Где вы живете? — "В доме Отца Моего обителей много" (Ин. 14, 2). Какое большое жилище! Блаженны те, которых Ты, Господи, избрал и принял! Вы — избранныки из многих миллионов! Вы — часть Божественного, вход к Небесному Царству, вы — достойные носители Божества!

Знайте, что все вы внесены в книгу жизни; старайтесь же, чтобы ваши имена не были из нее изглажены. "Вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас" (1 Кор. 3, 16): в какой чистоте вы должны себя хранить! У вас блаженный жребий со святыми, поэтому не опускайтесь до жизни мирской, которую вы оставили, но благодарите Бога всегда, что Он привел вас в тихую гавань. Пока корабль плывет в море, он подвергается действию бурных волн; если же он вошел в гавань, тогда наступает тишина и спокойствие кругом.

Не впускайте никого в свое сердце — ни родственника, ни друга, никого, только одного Бога. Когда к вам придет желание и ваши родственники захотят вас увидеть, то подумайте о словах: "Отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня" (Пс. 26, 10). Он ведь наш Отец Небесный! Молитесь за ваших родственников, ибо Господь может дать им Свою благодать, но не живите их духом или в их домах. Наши родственники — это небесные силы и мученики, святые отцы Церкви и все святые, с ними оставайтесь в одном духе. Если мы, живя в монастыре, занимаемся мирскими делами и думаем только о том, что мы в миру делали или сказали, то такая жизнь нам будет мало полезна. Телом мы оставили мир, так старайтесь же, чтобы духом мы тоже с ним расстались. Вы вышли из мира, смотрите же, не возвращайтесь обратно; вспоминайте жену Лотову: что случилось с ней, когда она обернулась и взглянула на Содом?

Враг непрестанно старается столкнуть вас с праведного пути, привести обратно в мир, старается вселить в вас всевозможные мирские помышления, соблазняет покинуть монастырь, нашептывает вам плохие слова и омрачает ваш разум.

Небесные мысли можно обрести только посредством напряжения, плохое же приходит само и может быть удалено только посредством молитвы. Бес бежит от молитвы, но если мы склонимся к его соблазнам, он тотчас учит нас, что нам сказать и что сделать, действует через нас, превращает нас в свою собственность и в пленников. Поэтому мы скорее должны воскликнуть: "Господи, избавь меня от искушения!" Искушения окружают нас, подобно змеям, и мы можем освободиться от них только посредством молитвы. Мы должны перекреститься и прогнать врага молитвою. Мы не будем наказаны, если нам придет вражеская мысль: прогоним ее — получим венец, но если мы ее примем, то получим наказание вместо награды.

Если вы не примете злых помышлений, но молитвою прогоните их, то вы станете победителями своих страстей. "Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его" (Откр. 3, 21).

Мы живем не во времена преследований; но нельзя сказать, что теперь нет преследования: это преследование со стороны врага, который нас смущает, чтобы повергнуть в сомнения и печаль, разлучая нас с Богом. Это не преувеличение, я не делаю горы из макового семени. Вы должны это претерпеть — Господь Бог вас не оставит.

Вы не должны быть печальны, Бог вам поможет — только попросите Его! Часто могут вас постигнуть болезни или слабость. Если мы страдаем с благодарными устами, то получаем венец мученика.

Старец Леонид

В миру он был Лев Наголкин и происходил из мелкобуржуазной семьи. Родился в 1768 году. Двадцати лет поступил в обучение к одному купцу и в качестве его помощника объездил много городов и деревень центральной России. Тогда было время, когда часто мелкие предприятия росли и обретали блистательную известность. Так же было и с тем предприятием, где работал Наголкин. Тем не менее через десять лет Наголкин оставил все и вступил в тогда мало известную Оптину пустынь Калужской губернии. Спустя два года он оставил Оптину и переселился в Белобережскую обитель Орловской губернии. Там был игуменом иеромонах Василий Кишкин, духовный воспитанник Афона и очень одаренный старец. В 1801 г. Лев Наголкин был пострижен в монахи с именем Леонид. Под духовным руководством старца Василия начал молодой монах свою аскетическую жизнь. Отец Леонид был сильный и здоровый человек. Он охотно брал на себя самые тяжелые монастырские работы и был неутомим, работая каждый день, за исключением времени богослужений.

Через пять лет старец Василий ушел на покой, и Леонид, теперь уже иеромонах, был избран братией в игумены. В этом высоком положении отец Леонид не переменял свою жизнь. Перед избранием он был короткое время под духовным руководством старца Феодора из Молдавии, который был учеником и другом старца Паисия, а проживал в соседнем монастыре. Через него Леонид соприкоснулся со школой Паисия, и эта связь стала еще теснее, когда старец Феодор переселился в Белобережскую пустынь.

Через четыре года старец Леонид отказался от игуменства и стал жить вместе со старцем Феодором и иеросхимонахом Клеопой в той же обители, в пустынной келлии, в лесу. Так соединились трое лесных отшельников: Феодор, Клеопа и Леонид. Здесь Леонид принял схиму. Но недолго они могли наслаждаться одиночеством. Через гущу лесов в мир вышел слух о том, что тут живут отшельники, и их начали посещать. Тогда отшельники покинули свою лесную хижину и пришли в Валаамский монастырь на Ладожском озере. Там Леонид с двумя старцами обитал в особом скиту. Ему было сорок лет, и он казался совершенно молодым рядом с дряхлыми старцами, тогда как посетители обращались преимущественно к нему.

Старчество тогда еще не было признано всеми монахами, особенно теми, которые имели какую-либо должность и усматривали в старчестве опасность для своего духовного достоинства. Таким был и игумен Валаамского монастыря. Поэтому Феодор и Леонид (Клеопа к тому времени уже умер) вынуждены были переселиться в Александрo-Свирский монастырь. Это произошло в 1817 году.

Пять лет они жили вместе, после чего умер старец Феодор. Один, без своих учителей и друзей, окруженный учениками, которые успели к тому времени к нему собраться, и посещаемый многими людьми, старец Леонид почувствовал, что его жизнь снова стала беспокойной и для аскетических трудов бесплодной. Он стал искать место, куда бы мог переселиться вместе со своими учениками.

Старцу Леониду суждено было вывести старчество из скрытого состояния и ввести его в мир, чтобы оно могло расширяться и служить посредством наставления и благословения всем людям. Леонид образует поворот в истории старчества. Старцы Паисий, Клеопа, Феодор, Феофан, Василий жили и действовали за стенами монастырей. Они принимали монахов для регулярного духовного воспитания, чтобы сделать из них настоящих аскетов. Леонид продолжает духовно развивать эту эпоху и начинает одновременно новую.

Он организует свою собственную духовную школу в Оптиной пустыни, которая почти столетие будет играть выдающуюся роль в религиозной жизни России. Пустынь находилась в епархии епископа Филарета (Амфитеатрова), который сам был строгий аскет и горячий сторонник старчества. По пути в Оптину старец Леонид посетил Площанскую пустынь и там нашел иеромонаха Макария, ученика старца Афанасия, который, в свою очередь, был учеником отца Паисия. Оба — Макарий и Леонид — должны были потом совместно трудиться в Оптиной пустыни.

Итак, старец Леонид вступил в Оптину пустынь в апреле 1829 г. и положил первый камень в основание старчества. Он поселился не в самой пустыни, а в скиту, отстоявшем на несколько шагов от обители. Скит состоял из простой деревянной церкви и многих домиков, в которых жили монахи. Густой еловый лес окружал его со всех сторон и таким образом изолировал от мира. Ежедневно старец Леонид принимал мирян, требовавших его духовной помощи. Сомневающимся он указывал правильный путь, а от печальных устранил тень печали; и те, которые приходили к нему с духовными запросами, получали новую силу и новую веру и вступали на правильный путь, приводящий их к нашему Богу и Искупителю. Очень рано начинался день старца. В 2 часа ночи собирались к нему его ученики, чтобы принять участие в утреннем молитвенном правиле. Весь день, за исключением двух маленьких пауз, был посвящен богослужению и молитве, по правилу старца Паисия. После вечернего молитвенного правила скитские братья оставались в келлии старца, чтобы послушать его беседу или открыть ему свои помыслы. Тогда читали также что-либо из Евангелия или "Добротолюбия".

Каждые две недели старец Леонид принимал Святое Причастие в скитской церкви. Он спал не более трех часов. Дважды в день он принимал скудную пищу. Его одежда была очень старой и изношенной, но в келлии он принимал посетителей в белой одежде из льна. Во время читаемых поучений, или при чтении Евангелия, или во время беседы с посетителями он вязал маленькие пояски, которые потом дарил гостям. Он всегда творил Иисусову молитву или пел церковные гимны.

Епископ Игнатий Брянчанинов, один из его учеников, писал о старцах Леониде и Макарии: "Оба старца были напоены чтением святоотеческой литературы о монашестве. Руководствуясь этим, они руководили другими. Никогда они не давали советов от самих себя, но всегда от Священного Писания или от святых отец. Это давало их словам особенную силу и убедительность: кто намеревался противоречить человеческой речи, не мог возражать Божию слову и вынужден был оставлять собственные взгляды".

Старец Леонид был строг со своими учениками, но он любил также с ними пошутить, употреблял народные поговорки и пословицы в своей речи. Этим отличался он от других старцев. Было что-то в его старчестве от юродства, что особенно нравилось народу. Такое юродство описывает один русский исследователь следующим образом: "Нельзя понять старчество без понимания русского юродства, с которым старчество находилось в тесном родстве, даже в том случае, если старцы не были юродивыми".

В жизни старца Леонида бывали и комические случаи: с генералом, с ректором и др. В результате — гордые смирялись.

В июне 1841 года старец Леонид объявил игумену одного монастыря, что он поздней осенью умрет; другому он сообщил время точнее.

28 сентября он причастился Святых Христовых Таин и сказал, что по нем можно начинать читать отходную в келье. Некоторые братья и ученики начали плакать и просить, чтобы он не оставлял их. Он ответил: "Дети мои! Я передаю вас Господу. Он вам поможет провести до конца вашу жизнь. Он сохранит вас от всех искушений. Не будьте печальны; отходную прочтут еще шесть или семь раз". Действительно, отходную прочли семь раз.

Умиравший больше ничего не ел. Только в течение двух недель он двенадцать раз причастился Святых Христовых Таин. 11 октября, в субботу, в

Оптину прибыл некий юродивый, который всегда был в тесных отношениях со старцем. Он проживал за 180 верст от Оптиной. В духе он предвидел кончину старца и потому пришел в пустынь. Входя в нее, он сказал: "Надо переодеться". Таким образом он указал на приближающуюся кончину. Старец сказал ему: "Василий Петрович, молись за меня, чтобы Господь освободил меня от вечной смерти". — "Не беспокойся, Он тебя освободит!"

Колокола зазвонили к вечерне. Монахи, находившиеся в келье, прочли девятый час и предначинательный псалом "Благослови, душе моя, Господа". Силы умирающего все более угасали, и он умер. Его последними словами было: "Слава Богу, слава Богу, слава Тебе, Господи!"

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ЖАТВА

Старец Макарий Оптинский

Приблизительно столетие, с 1828 по 1921 г., была в Оптиной "школа" старцев, имевшая строго аскетическое и воспитательное направление. Каждый новый представитель этой школы вносил в нее свои личные особенности, так что общая картина получалась более красочной и богатой.

Деятельность старца Леонида простиралась до глубинных слоев народа. Это были преимущественно рабочие, торговцы, мещане, редкие дворяне, приходившие в его келью и искавшие беседы. Старец Макарий, его последователь и отчасти ученик, работал на совершенно другом духовном поле.

Отец Макарий (Иванов; родился приблизительно в 1786 г.) был из дворянского сословия. Однажды он посетил Площанскую обитель, в которой он впоследствии вступил в тесное общение со старцем Афанасием, учеником старца Паисия. Богослужение и вся жизнь обители произвели глубокое впечатление на юношу. По своим внутренним склонностям юноша не имел никакого желания посвятить свою жизнь какой-либо из бесчисленных канцелярий тогдашней России. Он был нежной и склонной к искусству натурой, слабого телосложения. В наступавшем тогда периоде романтизма он был как раз типичной натурой. Он любил музыку больше всего и сам играл на скрипке. Кто когда-нибудь попадал в маленький монастырь, где жили старые церковные мудрецы в своей простой и нетронутой красоте, кто однажды смотрел там на таинственную глубину икон, потемневших в течение столетий, кто вообще способен к тому, чтобы увидеть Небесную благодать в земных вещах, тот легко может себе представить, какое впечатление могла произвести обитель на душу молодого человека. Он решил навсегда остаться в монастыре. Двадцать четыре года он провел в Площанской обители (с 1810 по 1834 г.). Под духовным руководством старца Афанасия († 1823), который воспитывал его в согласии с религиозными взглядами отца Паисия, он был 14 лет.

В 1834 г. иеромонах Макарий переселился в Оптину, так как он уже долгое время знал старца Леонида и был с ним дружен. Они оба влияли положительно друг на друга, углубляя свою старческую практику. Оба друга были очень различны. В противоположность отцу Леониду отец Макарий был малого роста; его лицо было не красиво; разговаривая, он заикался. Он был нежен и добр, радовался цветам, любил музыку и хорошо понимал церковное пение. Он имел особенную склонность к научной работе. Его келлия, переполненная разнообразными аскетическими и святоотеческими трудами, производила впечатление рабочей комнаты ученого. После смерти старца Леонида (1841 г.) Макарий почти двадцать лет стоял в центре духовной жизни Оптиной. Его старчество носило черты мудрости. С посетителями он обращался спокойно, без шуток. Старец Леонид обладал способностью все очень быстро схватывать и имел острый ум умного русского крестьянина,

и эту остроту ума он еще дальше развил в своей старческой практике. Отец Макарий всецело держался взглядов аскетических писаний, в которые он углублялся в течение всей своей жизни. Его беседы были полны доказательств. С одинаковой легкостью он разговаривал и с простым благоговейным человеком, и с богословом, и с философски образованным посетителем. Многие изумлялись простоте и легкости, с какою он разрешал тяжелейшие богословские вопросы. В его трудах большую роль играют его письма, рассылавшиеся до отдаленных пределов России. Многие его духовные сыновья и дочери, которых он никогда в жизни не видел, находились под его руководством, несмотря на разделяющее их огромное расстояние. Также и некоторые женские монастыри находились таким образом под его руководством. Его необъятная переписка была потом издана в нескольких томах, охватывающих только часть его писем. У его порога скапливалась еще большая толпа посетителей, чем у порога келлии старца Леонида. Уже с порога его келлии, переполненной иконами и книгами, как будто там объединились вся человеческая мудрость и христианская скромность, посетитель чувствовал совершенно особенный дух, который изменял его собственные взгляды часто после часовой или двухчасовой беседы, и многое, что прежде казалось ему неясным, становилось совершенно ясным и понятным. Известно, что из личности старца Макария исходило такое сильное действие, что многие высокопоставленные офицеры снимали свое оружие и меняли свое блестящее положение в столице на строгое уединение Оптинского скита. Мы имеем в виду Ювеналия, архиепископа Литовского, который юным офицером пришел в Оптину и сменил свою армейскую одежду на монашескую, став учеником старца Макария. Или другого офицера, Льва Каверина, который позже, под именем архимандрита Леонида, стал наместником Троице-Сергиевой Лавры. Или молодого ученого Константина Зедергольма, сына лютеранского суперинтенданта в Москве, который под влиянием Макария перешел в Православие и далее как отец Климент играл выдающуюся роль в Оптиной пустыни. Он написал Житие старца Леонида и был в дружбе с русским мыслителем Константином Леонтьевым, на которого оказал большое духовное влияние.

В келлию старца Макария приходили многие поэты и ученые. Особенное значение имели отношения старца Макария с известным философом Иваном Киреевским (1806—1856).

Иван Васильевич Киреевский, основатель русского славянофильства, в своей жизни был изменчивых взглядов. Сперва он был убежденным сторонником западной, особенно немецкой, идеалистической философии. Он бывал в Германии и был лично знаком с Гегелем и Шеллингом. После своего возвращения он женился на Наталии Арбеновой; она имела строго христианское воспитание и была духовной дочерью старца Филарета Новоспасского; она была строго православной и скромной женщиной. Под ее влиянием Киреевский ушел от интерконфессионального христианства к Православию. Из биографии этого мыслителя мы знаем, как это произошло.

Его друг А. Кошелев рассказывает: "Через два года после своей свадьбы Киреевский попросил у своей супруги разрешения почитать работы ее кузины. Она с удовольствием исполнила эту просьбу, но, когда он спросил ее мнение об этой книге, она ответила, что в книге есть много хорошего, но ничего нового, потому что все это изложено гораздо глубже и обстоятельнее в писаниях святых отцов... Через некоторое время после этого они вместе стали читать Шеллинга, мысли которого оказывали большое влияние на Киреевского, и он ожидал от своей жены соответствующего восторга, но она сперва ответила, что знает эти мысли из писаний святых отцов. Много раз показывала она ему эти места, перечитывая иной раз целые страницы. Ему было неприятно признать, что у святых отцов находится то, что он считал принадлежащим Шеллингу. Он тайно взял книги своей жены и читал их с большим вниманием. Знакомство с монахом Филаретом из Новоспасского монастыря, беседы с этим скромным старцем укрепили скромность его само-

го. Смерть старца Филарета в 1842 г. обратила его окончательно к Православию".

Старец Филарет познакомил Киреевского со старцем Макарием, и со временем он стал постоянным посетителем домика этого скромного старца. Его ищущая душа пришла к своей цели. "Философию откровения" он нашел в святоотеческих писаниях, и она сделала его верным учеником старца. К этому времени Киреевский написал своему другу Кошелеву свои известные слова: "Важнее всех книг и каких бы то ни было мыслей, — это найти святого православного старца, который может быть твоим руководителем, и которому ты можешь открывать все свои мысли, и который ответит тебе не более или менее разумным мнением, но покажет определение святых отцов. Таких старцев, слава Богу, мы еще имеем на Руси".

Мы знаем, что Киреевский свою статью "О просвещении России" послал старцу Макарию и испрашивал также благословения на написание второй статьи — "О возможностях и необходимости новых основ в философии", в основу которой он положил мистическое созерцание. Так в мир мысли проникли взгляды старца Макария. Киреевский был первым писателем, обращавшимся к старцу. Если вспомним и других, таких, как Гоголь, Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и других, то поймем, какое значение имело старчество для оплодотворения творческого русского духа. Но не только с мировоззренческими вопросами приходил Киреевский к Макарию, но и с вопросами личной жизни, такими, как отношение к жене и детям, и даже с хозяйственными вопросами, такими, как, например, может ли он штрафовать крестьян, которые плохо работали. Старец Макарий помогал ему во всем. Весной 1856 г. Киреевский заболел холерой и умер 11 июня. Его похоронили в Оптиной пустыни. На его памятнике написаны следующие слова: "Я возлюбил мудрость и искал ее от юности своей, но я познал, что ее ничем не познаешь, если только Господь ее не даст".

Старцу Макарию принадлежит еще другая заслуга. Под его духовным руководством работал также профессор Московской Духовной Академии Ф. Голубинский. Он и И. В. Киреевский совместно с некоторыми монахами Оптиной занимались переводами и изданием святоотеческих писаний. Таких писаний в Оптиной собралось великое множество, но не все они были верными. Переводчики трудились над исправлением старых рукописей. Кроме того, из кельи старца Макария вышли и изданы многие аскетическо-мистические творения. Это были: "Жития и писания старца Паисия"; "Творения Нила Сорского"; "Преподобных отцов Варсонуфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни"; "Житие преподобного Симеона Нового Богослова"; "Огласительные поучения преподобного Феодора Студита"; "Святого отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические", особенно ценные благодаря хорошему их переводу; "Главы о любви аввы Фалассия"; "Преподобного аввы Дороефа душеполезные поучения"; "Аскетические главы Марка Подвижника"; "Преподобного аввы Исаии Египетского духовно-нравственные слова"; "Преподобного Максима Исповедника толкование на молитву "Господню" и другие.

Эти кропотливые научные труды составляли только часть напряженной работы старца Макария. Сени его кельи были постоянно полны посетителей, людей из всех слоев общества. Все они ждали того мгновения, когда смогут обратиться к старцу с вопросом. Поскольку женщины не допускались в Оптинский скит, старец принимал их в монастырской гостинице, и ни одна из них не покинула Оптину без утешения и наставления.

Старец Макарий умер 7 сентября 1860 года. Память о нем жива до сих пор. Раз в год, в годовщину его смерти, в скит допускаются также и женщины, чтобы почтить его память молитвенным поминовением.

Епископ Игнатий Брянчанинов

Димитрий Александрович Брянчанинов (родился в 1807 г.) происходил из Вологодской губернии. Его отец, дворянин, жил как помещик. Некий старец назвал эту лесную местность пустыней — "Русской Фиваидой". Все пространство между Белым озером и Вологдой было наполнено многими монастырями и обителями, которые с течением времени быстро возникли, а потом отчасти опять исчезли. В течение XIII столетия пришли в эти непроходимые леса аскеты; их деревянные хижины, скиты, прятались в глубине девственных лесов. Целые поколения росли в этих лесах так называемого Заволжья. В более поздние времена такие маленькие монастыри расположились на берегах озер и речек.

С юности своей Димитрий радовался природе своей Родины. "Мои юные годы были переполнены печали. Здесь усматриваю я перст Божий. Я вижу Твою руку, Боже мой! Я не имел никого, кому бы я мог открыть свое сердце. И я начал изливать его при чтении Евангелия, а также читая Жития святых".

В юности чувствовал Димитрий склонность к монашеству. Поэтому не был для него радостным день, когда отец в 1822 году послал его в Петербург в военную школу по примеру его дворянских предков. Только по послушанию исполнил он это повеление, так далеко отстоящее от желания его сердца. Он учился так усердно, что даже великий князь Николай Павлович, который эту школу очень любил, был им очень доволен. (Николай Павлович (1825—1855) взошел на Российский престол в 1825 г.)

Брянчанинов занялся совершенно особым родом аскетизма. Однажды он хотел уйти из школы, но император не хотел потерять столь одаренного ученика и настоял на том, чтобы он окончил школу. В 1827 г. Брянчанинов окончил школу и был произведен в офицеры.

Школьные годы были для Брянчанинова тяжелы. "В моей душе родилась какая-то страшная пустота, голод, неопишуемая тоска по Богу. Я начал оплакивать свое нерадение. Я оплакивал то забвение, которому я предал веру, я оплакивал сладкий покой, который я потерял, оплакивал ту пустоту, которую приобрел. И меня подавляло чувство, что я остался сиротой. И правда, это были душевные мучения, разделявшие меня от истинной жизни с Богом. Я вспоминаю еще: я иду через улицы Петербурга в военной форме, слезы льются из моих глаз... В строгих думах снял я одежду юнкера и одел офицерскую форму. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было в церкви стоять среди солдат и простых людей и молиться и плакать, сколько твоей душе угодно..."

К тому времени около Димитрия и его друга Михаила Чихачева образовался кружок религиозно настроенных юнкеров, которые по вечерам собирались в темном уголке спальни и вели оживленные беседы на религиозные темы. Также читали они аскетические книги, посещали Александро-Невскую Лавру. В ней в 1826 г. Димитрий познакомился со старцем Леонидом, который прибыл по делам своим в Петербург. Он почувствовал такое влечение к этому старцу, что как бы век жил с ним.

"Как часто ложился я и начинал, подняв голову с подушки, читать молитву и, не меняя положения, сменял ее другой молитвой. И так оставался до утра, пока наставало время вставать и идти в класс".

В конце 1827 г. Димитрий Александрович получил вождеденную отставку. Теперь он мог приблизиться к исполнению своей жизненной цели, он направился в Александро-Свирский монастырь, где как раз находился старец Леонид. Спустя год отец Леонид с учениками своими, и в том числе с Димитрием Александровичем, направился в Площанскую пустынь, а затем спустя еще год — в Оптину пустынь. В дальнейшем некоторое время он (Брянчанинов) жил в Кирилло-Новозерском монастыре у старца Феофана.

И наконец, в 1831 г. он попал в Дионисиев Глушицкий монастырь в гуще вологодских лесов.

Везде, где он был, брал на себя самую тяжелую работу и предавался строжайшему послушанию; его сердце радовалось тому, что он смог снять с себя военную одежду, и мечтал об одежде монашеской. В 1831 г. Димитрий был пострижен, получив имя Игнатий; месяц спустя был посвящен в иеромонахи и получил под свое руководство старую Пельшемскую обитель, также находившуюся в Вологодской губернии. Казалось бы, он был у цели своих желаний. Но Бог судил иначе. Как раз в это время император Николай посетил юнкерскую школу и спросил директора, знает ли он, где находится Брянчанинов. Директор мог ему ответить только то, что слышал: Брянчанинов где-то постригся в монахи. Тогда царь спросил митрополита Петербургского: "Где Брянчанинов?" Митрополит ответил, что Брянчанинов уже посвященный монах и стоит во главе маленького монастыря в Вологодской епархии. "Пошлите его в Петербург", — приказал царь Николай Павлович строго. Так должен был Игнатий оставить свое одиночество и вернуться в столицу, которую он недавно с такой радостью покинул.

Император Николай Павлович имел о нем особое мнение: он считал, что хороший офицер не может стать плохим монахом. Он приказал молодого 26-летнего иеромонаха немедленно возвести в сан архимандрита и передать под его руководство монастырь недалеко от столицы. Так в 1833 г. архимандрит Игнатий принял Сергиеву пустынь, находившуюся в плачевном состоянии. Царь на свои собственные средства приказал восстановить пустынь и потом в течение 24-летнего руководства ею отцом Игнатием царь посещал ее много раз. Также и петербургское общество любило посещать пустынь, чтобы получить благословение своего прежнего офицера.

Близость большого города и многочисленные посещения не мешали Игнатию содержать пустынь в строгом порядке. Его прежнее знакомство со старцами дало ему возможность точнее изучить аскетическую жизнь. Уже вскоре стали замечаться в Игнатию определенные черты старчества. В обширной переписке он склонил многих людей к аскетизму. В конце 1857 г. он стал епископом Кавказским и Черноморским. Но только три года находился он в Ставрополе на этой высокой кафедре. В 1861 г. он ушел на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской губернии. Шесть лет продолжался этот последний отрезок его жизни, проводимый им в строгом послушании, посте, смирении и молитве.

В эти годы написал он свои выдающиеся "Аскетические опыты", исполненные убеждения, что каждому русскому аскету и религиозному мыслителю и вообще каждому верующему человеку подается благодать по мере его веры и что каждого ведет рука Господня.

Письмо монаху, страдавшему в печали

Где бы я ни был — будь то в одиночестве или в человеческом обществе, — свет утешения вливается в мою душу от Креста Христова!

Грехи, владеющие всем моим существом, не перестают мне говорить: "Сойди с Креста!" Увы! Я схожу с него, думая при том, как я достигну правды без Креста?

Если я сойду с Креста, я останусь без Христа. Я молюсь Христу, чтобы Он помог меня опять на Крест поднять. Я молюсь и стараюсь сам опять страдать на Кресте, потому что опыт учит: если не пострадаешь, то не будешь жить с Христом! Вера помогает на Крест взойти, но кажущийся разум, который полон неверия, сталкивает меня с него вниз. Как я сам поступаю, так и советую поступать моим друзьям! Я хочу только сказать, что общий путь подвижника есть следующий: исцелять нравственные страдания, искать Бога и входить в духовную молитву. Иные идут по Божию предназначению, другие — по своей воле. Любовь к ближнему приводит к быстрейшему успе-

ху. Моему сердцу больше нравится последнее, потому что любовь к ближнему — это общая обязанность, а уединение — удел только немногих. Мир с тобой.

Письмо к послушнице, желавшей перейти в другой монастырь

†

Вместо обращения я ставлю на моем письме знак Креста. Этот знак соединяет в себе все то, что сказано тем, которые хотят идти крестным путем. Примите слова веры, которые из моего грубого сердца исходят, когда оно, погруженное в молитву, слышит удивительные вещи, которые благодать таинственно в моей душе произносит. Эти слова сближают меня и всех, которые ради спасения своей души не пренебрегают моими греховными и бедными речами.

Один монах из Задонска в течение двух лет позволял себе помышлять оставить Задонский монастырь. Он казался ему недостаточно одиноким, и он думал, что в другом месте его меньше будут беспокоить посетители. Однажды, как рассказывал он, когда он был погружен в эти мысли, ему сообщили, что с ним хочет говорить некий старый паломник, чтобы рассказать ему что-то про старца Серафима Саровского. Затворник разрешил паломнику войти. "Отец Серафим,— сказал паломник,— приказал мне тебе сказать: брат, ты не должен смущаться тем, что так долго находился под влиянием бесовского искушения. Не иди в другое место! Богу угодно, чтоб ты оставался здесь". С этими словами паломник поклонился и вышел. Монах окаменел от изумления, что его тайные мысли стали явными, и, когда он пришел в себя, послал он своего келейника за паломником, чтоб его привести обратно, но паломник исчез. Кто он был? Не будем любопытны, но сделаем заключение, что если мы имеем постоянно возвращающиеся мысли, то это еще не является знаком их правильности. Увы нам: где обретается покой, к которому стремится наше сердце, которого оно жаждет и всегда должно искать? Этот покой сокрыт в Кресте Христовом. Бес, который всегда наблюдает за человеческой душой для того, чтобы ее испортить, дает совет: пойдти в другое место, там ты найдешь покой. Это его совет, за которым скрывается другой: сойди со Креста!

Святые отцы советуют усмирить борение. Не менять место, если нет каких-либо других уважительных причин. Монах, который подчинился борению своей души и переменял место, никогда не пожнет плодов духа.

Постоянство есть первая духовная добродетель. Опытные в борьбе воины считают ее особенным признаком храбрости. На таких воинов можно положиться. На таких воинов полагается также Господь наш Иисус Христос и венчает их вечным венцом. Постарайтесь принести плоды кротости! Я советую вам сперва почтитать книгу Варсонофия Великого; она будет вам сейчас полезнее, чем Исаак Сирийский, которого с Божией помощью вы в свое время прочтете. Мир вам!

1844 г.

Письмо монаху, его духовному сыну

Я благодарю тебя за твое письмо и пожелание счастья ко дню моего Ангела. Я уже был утешен, как только увидел твой почерк. Может быть, я не смею сказать: моя любовь к тебе — я еще не созрел для любви,— лучше сказать, моя склонность к тебе так велика, что только вид твоих строчек меня утешил. Не только по поводу твоего молчания я был обеспокоен, я извинял его болезнью, административными обязанностями и говорил тебе: "Ожидай следующей почты!" И эта следующая почта пришла, я имею твое письмо. Ты меня простишь на том же основании, на каком я тебя простил. Все это время я почти никому не писал, вернее, я писал не в том количестве,

какое было необходимо. Кто знает, как болезнь человека меняет и держит крепко, тот простит мое молчание.

И ты тоже был болен? Что нам делать? Больного не совсем можно причислить к числу живущих, потому что он живет только половинной жизнью, с какой-то тенью жизни. Способности его души притупляются, они не действуют больше так, как надо. Христиане страдают теперь не в цепях и узах, так будем же терпеть болезни и другие неприятности. Каждому времени найдутся соответствующие страдания, нашему времени даны маленькие страдания. Будем же переносить их с терпением! Неприятности и награды дает только Бог.

Почему ты опечален? "Милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастеся" (Пс. 84, 11). Это означает: где нет благодати, где только огорчения, там нет правды, и где нет мира, там нет справедливости. Такое состояние души далеко от Божественной правды, его нельзя назвать состоянием богопреданным. Нужно освободить душу и привести ее в такое состояние, где есть Божественная правда, состояние благодати и мира. В нем ты получишь богатый опыт, если ты себе скажешь: ничего не происходит без Божиего Провидения, что только может произойти. Да будет прославлено имя Господне всегда и во веки веков!

Не будем обращать слишком много внимания на события этой жизни: они не имеют цены, они идут, спешат скорей пройти, одно следует за другим. И мы сами в них спешим к границе Вечности. Кто свое внимание останавливает на событиях, тому кажутся они неподвижными, и он становится жертвой. Кто, однако, видит, как все пролетает мимо и он сам, как все, переходит, тот чувствует себя легко и радуется сердцем. Христос с тобою! Молись за меня!

Письмо к игуменни к 20-летию ее управления монастырем

Христос воскрес!

Состояние моего здоровья похоже на Ваше. На Святую Пасху я даже не мог пойти в церковь! Надо благодарить Бога за наказания, которые Он нам посылает во время нашей земной жизни. Они дают нам надежду на освобождение от наказания в Вечности и суть неизбежные последствия нашей греховности.

Аминь.

20 апреля 1864 года

Епископ Феофан, затворник Вышенский

Аскетические взгляды, которые через деятельность многих старцев в первую половину XIX столетия распространялись в монашестве, часто проникали в духовные школы. Благодаря влиянию некоторых епископов студенты считали монашество выше священства. Очень важными также были отношения, которые устанавливались между духовной молодежью и некоторыми монастырями, в особенности теми, которые находились ближе к школам и имели старцев и выдающихся монахов.

Будущий затворник Вышенский Георгий Говоров (родился в 1815 г.) учился и закончил Киевскую Духовную Академию (1837—1841), находился под большим влиянием пещер Киево-Печерской Лавры. Они определили его аскетическое становление. В то время там пребывал очень уважаемый старец Парфений (1790—1855), очень строгий аскет, который день и ночь пребывал в непрерывной молитве. Молодой Говоров часто его посещал. Старец оказывал на Говорова очень большое влияние, и при окончании Академии Говоров объявил ректору, что хочет стать монахом. После пострига, в котором Говоров получил новое имя Феофан, старец Парфений сказал ему: "Вы, ученые монахи, много сидели за книгами, но не забывайте, что самое глав-

ное — это молитва, молитва умом в сердце к Богу. Держитесь этого крепко". Эти слова сильно повлияли на Феофана.

Вначале его деятельность протекала больше в ученой среде. Пять лет (1842—1847) отец Феофан был преподавателем и ректором сперва в Киеве, потом в Новгороде, где его лекции по логике и психологии показали его как хорошего философа; наконец он стал профессором нравственного богословия в Петербургской Духовной Академии. Жизнь привела его в Святую Землю, где он работал в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Он посещал в Палестине многие древние монастыри и провел некоторое время в Лавре преподобного Саввы, где в то время проживал скромный затворник и исихаст Иоасаф. Беседы с ним имели большое значение для отца Феофана. Пять лет продолжалось это житие, в течение которого отец Феофан имел возможность изучить восточное христианство, его аскетические взгляды и их практическое применение. После краткого пребывания в России отец Феофан, уже как архимандрит, снова вернулся на Восток и занял место настоятеля церкви Русского посольства в Константинополе. Два года оставался он там, а в 1857 г. был отозван в Петербург, где занял место ректора и профессора Духовной Академии. Однако эта деятельность ему не нравилась. Он отказался от своей должности и занимался религиозным обучением в светских школах столицы.

1 июня 1859 г. архимандрит Феофан был посвящен во епископа Тамбовского. Тогда он в первый раз посетил Вышенскую обитель и сразу полюбил ее. Потом он был переведен во Владимир. В этом городе, знаменитом своими церковными зданиями и древними иконами, епископа Феофана очень полюбили за его строгую жизнь, сердечность, простоту и содержательные проповеди.

Большое значение для его духовного развития имело его участие в 1861 г. в прославлении святителя Тихона Задонского († 1783). Епископ Феофан очень почитал этого великого аскета и епископа Православной Церкви, которому народ еще задолго до его прославления оказывал глубокое почитание. Святитель Тихон оставил свою епископскую кафедру для того, чтобы стать затворником в маленьком монастыре. Епископ Феофан принял его себе за образец. Уже для своих современников этот пастырь Церкви был примером христианина, исполненного смирения и кротости. Святитель Тихон оставил много аскетических писаний, которые своей доступностью и простотой оказывали большое влияние на простой народ и монахов. Писания святителя Тихона были для народа лучшим введением к пониманию и исполнению на деле величайших идей русского мировоззрения — идей Правды и Справедливости. Эти идеи сопровождали духовное развитие русского народа и его религиозно-философское мировоззрение, начиная с введения христианства до сего дня. Сочинения Достоевского определялись именно этим "исканием Правды", и на этом пути творения святителя Тихона были хорошим указателем.

Мы можем сказать, что нравственно-христианские взгляды епископа Феофана в значительной степени произрастают из нравственного учения святителя Тихона. Только стиль его речи другой; мы не должны забывать, что между ними лежит целое столетие, и епископ Феофан получил философское образование в Духовной Академии.

Если для святителя Тихона духовным источником было Священное Писание, то епископ Феофан был больше под влиянием патристической аскетикеи, пережившей свое возрождение в России в первой половине XIX столетия. Важнейшую роль в этом отношении сыграло русское старчество, и особенно школа Паисия.

Оба — епископ Феофан и святитель Тихон — показывают существенную склонность к старчеству, но святитель Тихон мало связан со школой Паисия. Святитель Тихон жил и действовал самостоятельно и раньше какой-либо старческой школы. В нем мы находим многие черты старинных русских

святых, которые были больше образцами, чем учителями, христианской жизни: их кельи еще не привлекали многих посетителей и их писания распространялись только после их смерти. В жизни епископа Феофана русское старчество нашло особое выражение. Маленький деревянный дом в Вышенской пустыни не видел в последние годы никаких посетителей. Его влияние осуществлялось не через непосредственное впечатление и не через разговор. Со своими духовными сынами и дочерьми епископ Феофан общался только посредством писаного слова: через проповеди и письма. Его книги дополняли эту переписку.

Семь лет Феофан был правящим епископом. В июне 1866 г. он подал прошение в Синод об уходе на покой; 24 июля простился со своей паствой и поселился в Вышенской обители. Владимирский собор еще не видел такого плача молящихся. Прощаясь с паствой, епископ Феофан сказал: "Думайте прежде всего о своем спасении и спасайтесь о Христе. Я не могу вам пожелать ничего лучшего. Вы все получите, если спасетесь. Вам известен путь спасения, известны также и действия Божии, и не забывайте меня в своих молитвах". Так закончил епископ Феофан свою прощальную речь и преподдал каждому свое благословение.

Теперь он начал вторую половину своей жизни, продолжавшуюся 28 лет, в которой он, по свидетельству очевидцев, как "свеча" или как "вечный огонь", горел перед Лицом Бога.

Первые шесть лет епископ Феофан посещал все богослужения в обители. По воскресным и праздничным дням с собором священников совершал литургии с таким благоговением, что присутствовавшие получали от этого глубокое впечатление. В 1872 г. епископ Феофан устроил в своем домике алтарь со всем необходимым. С этого времени он затворился в своем домике и общался только со своим духовным отцом — игуменом монастыря и с монахом, который был его келейником. С остальными он общался только посредством писем.

22 года продолжался его затвор. Первые десять лет каждый воскресный и праздничный день он совершал богослужение один в своем алтаре; в последующие годы — каждый день. Келейник приготавливал все, что для этого нужно, и затем покидал его. Затворник читал и пел литургию без присутствующих. Очень часто совершал он только вечерню, полунощницу и утреню или только духовную молитву.

В промежутках затворник занимался письменной работой, в которой старался представить нравственное учение христианской Церкви. Мы назовем здесь только главные труды: "Письма о христианской жизни" в четырех частях, "Письма о духовной жизни", "Нравственное богословие" и "Путь ко спасению" (краткое обозрение аскетике).

Главной идеей всех его трудов было показать, что единение с Богом через веру — высшая цель христианина, что необходимы полная отдача жизни Иисусу Христу и надежда на будущую жизнь в Царстве Небесном. Его учение в его теоретической части основывается на древнехристианских взглядах на теосис (обожествление), тогда как в своей практической части оно вытекает из аскетического учения восточно-христианской патристики. Епископ Феофан старался обратить внимание на эту практическую часть. На этом основании он посвящал большую часть времени и усилий переводу аскетических и мистических писаний. На первом месте стояли монашеские правила святого Пахомия, святого Василия Великого, святого Иоанна Кассиана, святого Венедикта, пятитомное "Добротолюбие". Очень важны также его толкования Посланий святого апостола Павла, имеющие форму проповедей. Эти и еще некоторые писания и переводы были сделаны во время его затворничества.

Двадцать восемь лет провел епископ Феофан в строжайшем затворе в Вышенской обители. Обитель расположена на большой поляне, окруженной еловым лесом на берегу речки Выша в Тамбовской губернии. Затворник

занимал две комнаты в маленьком домике. Это были совсем простые помещения с темными деревянными стенами. Мебель была только самая необходимая: железная кровать, стол, шкаф. Но бесчисленные книги стояли кругом: "История России" С. Соловьева, "Мировая история" Шлоссера, сочинения Гегеля, Фихте, Якоби на немецком языке и множество патристической и аскетической литературы на греческом языке, научно-богословские книги на французском, английском, немецком языках, труды из области медицины и анатомии, географические труды, анатомические и географические атласы, а также телескоп, микроскоп и фотоаппарат, краски, кисти и все, что нужно для живописи. На стенах висели иконы и картины, которые затворник писал сам, например Казанская икона Божией Матери, иконы святого Тихона Задонского и преподобного Серафима Саровского, картины из жизни Христа: Распятие, Воскресение, Крещение и другие.

Крещение, то есть день Богоявления, имело особое значение для жизни затворника: так толковалось его имя (Феофан — богоявление), этому дню была посвящена его маленькая церковь, и в этот же день он умер.

Совершая литургию, он неутомимо поминал имена тех, которые находились с ним в переписке. Его пища была очень проста: утром он выпивал стакан чая с куском хлеба; за обедом — яйца и стакан молока, кроме постных дней; после обеда — опять стакан чая и хлеб. Целый день он непрерывно работал, делая маленькие перерывы для ручной работы. Уста его были полны словами молитвы. Затем приходили часы полного погружения в молитву, часы полного покоя и тишины и собеседования с Горним миром. Ночью допоздна он молился перед слабо освещенными иконами, и часто келейник заставлял его в молитве перед самым рассветом. Ежедневно приходили письма со всех сторон России, которые требовали тоже многих часов для ответа.

Последние недели его земной жизни мало чем отличались от предыдущих. Старый епископ только чувствовал себя очень слабым, ел еще меньше и неравномерно, но все же сидел за столом и писал письма. В последний день, 6 января 1894 года, он еще немного поел, после этого в его комнате стало совсем тихо, и когда келейник постучал, чтобы принести вечерний чай, ответа не последовало. Затворник лежал простертый на своей кровати, сложив руки на груди, как для архиерейского благословения. Тогда келейник понял, что его господин не принадлежит больше земной жизни.

Письмо о церковной молитве

Я хочу вам объяснить, с какими чувствами мы должны готовиться к посещению храма Божия. Мы знаем, что Всемилостивый Господь особым образом являет Свою благодать в церкви, освященной через молитвенное призывание благодати Божией. Поэтому храм можно назвать жилищем Божиим, местом особенной встречи Бога и людей, как он Сам сказал: "Оставлю жилище Мое посреди вас, и душа Моя не возгнушается вами; и буду ходить среди вас, и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом" (Лев. 26, 11). В древнем Израиле это было показано видимым образом. Облако осеняло скинию, и слова исходили из облака. Позже, во время прохождения Израиля через пустыни, вел их к обетованному Ханаану облачный столп, который шел впереди или останавливался. Над христианскими храмами не замечается никаких материальных знаков, но в меньшей степени им присуща полнота Божия благодати. Эти храмы не идут куда-либо и не останавливаются, подобно скинии, но они суть не менее верные указатели пути, ведущего к Небесному Ханаану. Это последнее свойство наших церквей напоминает нам порядок путешествия Израиля и заставляет нас думать о том, что мы с полным правом можем окружать наши церкви соответствующими чувствами и настроениями, чтобы они на нашем жизненном пути могли нас привести туда, где Бог определил нам остаться навечно.

Когда скиния была построена и освящена, Бог приказал Моисею расположить народ в определенном порядке вокруг нее так, чтобы три колена израильских были впереди, три сзади, три с правой стороны и три с левой стороны. А скиния сама находилась в середине, ее несли люди из колена Левитова. Мы верим, что наши церкви суть путевые указатели, и мы рядом с ними шествуем в Небесное Царство. Поэтому, вспоминая это разделение на колена, мы должны наше душевное состояние обретать в церкви исходя из того обстоятельства, что три колена находились впереди, три сзади, три справа и три слева. Я представляю это так.

Сначала три спереди — на Восток. Здесь надо поставить высочайшие переживания духа. Какие именно? Я думаю: веру, которая является действительной госпожой церкви и через свое, полное благодати присутствие делает то, что церковь действительно является храмом, на который всегда направлено Око Божие и в котором пребывает Его сердце; надежду на то, что всегда присутствующий в церкви Господь, как Отец, любящий детей, слышит все к Нему направленные молитвы и готов исполнить все, что необходимо для нашего вечного спасения; любовь к церкви, в которой мы пребываем, как в доме Отчем, где наш дух находит мир и спокойствие, как дитя в объятиях матери. Это и есть главные, основные и тайные отношения в Божией церкви. Они созревают в духе и обращены к Самому Лицу Божию.

На противоположной стороне, на Западе, нужно поставить нечто телесное, что, однако, склонно к духу. Это тоже можно разделить на три рода делания: усердное посещение церкви, терпеливое пребывание в ней от начала до конца, всегда на своем определенном месте, молитвенное положение: спокойно, несколько согбенно, со взором, устремленным к земле или наверх, к иконам, с ушами, отверстыми для восприятия слов и песнопений, с молчащими устами, не вертаться и не позволяя себе смотреть по сторонам. Все это делание составляет участие в молитве тела, укрепляемого внутренним духом молитвы и в свою очередь укрепляющего этот дух.

Что понимается под стоящими справа и слева? Я думаю, это о том, чему душа должна следовать в молитвенном делании.

С правой стороны стоят три утверждающих действия. Это суть: стояние — с пониманием в сердце — перед Лицом Бога, что сопровождается трезвенным благоговением, которое держит нас в бодрственном состоянии и наш внутренний храм овеивает его внутренним ветромом, чтобы мы могли глубоко вникать в смысл всего того, что читается и поется...

На левой стороне должны стоять три отрицательных свойства, отвлекающих от богослужений, т. е. там находится то, что мы не должны делать...

*Письмо Иоасафу, затворнику и исихасту
в монастыре святого Саввы в Палестине*

Я хотел тебя увидеть своими телесными глазами и устами к устами с тобою говорить, если бы это было возможно. Это, однако, невозможно. Итак, увидим мы тебя другим способом — увидим тебя душевными глазами и будем разговаривать письменно, в надежде, что посредством такого обмена мыслями мы тоже получим маленькую пользу, потому что мы верим, что и ты из тех, кто, по слову евангельскому, все оставил, пришел ко Христу и говорит Ему: "Через Тебя для меня мир распят, и я для мира" (Гал. 6, 14). Через вас можем мы с правом сказать: "Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!" (Гал. 4, 6).

Такие научаются Духом, и нет надобности в том, чтобы кто-нибудь другой их учил. И не для наставления хочу я тебе сказать, а только братски поделиться с тобою тем, чему меня научили святые отцы.

Самое главное, о чем надо стараться, чтобы Иисус Христос к нам снизошел и с нами жил. Причина, корень, источник и основа такого дара есть Благодать и мирная молитва сердца в то время, когда мы от всего злого

отказались и обратились к добрым делам. Это ведет к жизни по заповедям Христовым, к молитве молчащего, который с терпением остается в своей маленькой келье. Вначале молчащий усердно созидает защиту через внимание и молитву Божию. Часто все же приходит он в рассеяние, потому что он пребывает только в начале упражнения и его духу непривычно останавливаться на чем-нибудь одном. Середина совершенства, достигаемая позже, заключается в том, чтобы начинающий молился непрестанною молитвой. Когда же он возвысится до совершенства, то молится духом в правде и через свет благодати приемлется Богом. Таким образом, кто хочет быть трезвенным, тот по примеру богоносных отцов в глубине своего сердца должен всегда собранно молиться, всегда обращаться к словам молитвы в полной отрешенности, с молчанием и вниманием, ибо из этого проистекают оживление сердца и теплота, которая уничтожает страсти дьявола и очищает сердце, как в плавильной печи.

От такой молитвы будет расти наше стремление к нашему Господу Иисусу Христу и постоянная любовь к Нему, из которой происходит сладчайший дар слез, охватывающий душу и тело и очищающий их через покаяние и исповедание веры, через любовь и благодарение. И приходят к нам непостижимые никаким понятием тишина и мир, далекие от всяких искушений.

Благодаря этому подается нам сверкающая, подобно снегу, одежда бесстрастия, воскресение души от телесности к образу Божию; благодаря этому приходит к нам совершенный Божий мир, с деланием созерцания, любви, надежды и веры, непосредственное соединение с Богом, наслаждение Им в созерцании Его великолепия. Все это мы имеем сейчас как в предвидении, как в зеркале, как в обещании; потом же — как лицом к лицу — совершенное общение с Богом и вечная пища через Него, которой мы сподобляемся от Всеблагого Бога по молитвам святых! Аминь.

Старец Амвросий Оптинский

Мне еще лично приходилось слышать от посетителей Оптиной пустыни, которые видели старца Амвросия или говорили с ним, что они были совершенно поражены его сердечностью и его простотой. В его наружности было нечто притягательное. Его лицо было настоящим лицом великорусского крестьянина, с несколько выдающимися вперед скулами, с белой бородой и умными глазами, взгляд которых проникал глубоко в человеческое сердце; он был скромен и благодушен, и из его речей посетители обнаруживали изумительно богатый опыт знания жизни и людей; каждый вопрос и каждую просьбу рассматривал он с одинаковой серьезностью и вниманием. Некоторые были разочарованы, когда люди, чаще всего старые крестьянки, отягощали старца мелочами их повседневной жизни и занимали его время разговорами. "Мой дорогой, — сказал старец Амвросий однажды такому посетителю, — как ты не можешь понять, что вся их жизнь заключена в этих мелочах, а их душевное спокойствие имеет такую же ценность, как у людей, задающих сложные вопросы". И действительно, старец всегда находил время для таких простых поучений. Рассказы посетителей о мудром старце распространялись по всей России.

Позже в его келлию приходили по дорожке, протоптанной простыми людьми, также и "духовные" и научались здесь, может быть, впервые, что без детской простоты нельзя жить как христианину.

То, что старец вносил в свои поучения глубокое понимание разнообразных явлений обычной жизни, было плодом Оптинской школы. Старец Амвросий начал свое духовное воспитание как келейник старца Леонида, но неожиданно он внес новые черты в манеру старца Леонида — его жизненный путь прошел другим образом, чем путь его духовного отца.

Старец Амвросий (родился в 1812 г.) был сыном псаломщика маленький и бедной деревенской церкви. В противоположность старцам Леониду и

Макарию он получил духовное образование. Сначала под руководством отца читал он учебные книги и Псалтирь, затем окончил духовное училище и, наконец, Духовную Семинарию в Тамбове. Везде он проявил себя как одаренный и прилежный ученик. По завершении образования он несколько лет жил в Липецке как учитель духовной школы. Именно в это время в нем произошло решительное изменение. Александр Гренков (таким было его мирское имя) чувствовал с каждым днем все глубже, что прежняя деятельность его не удовлетворит. Его наклонность к одиночеству и к углублению в молитву становилась все сильнее и сильнее. Часто тишина монашеской кельи возникала перед его духовным взором и притягивала его. Однажды он заболел и дал обещание по выздоровлении уйти в монастырь. Старец и отшельник, именем Иларион, живший в селе Троекурове, когда Александр Гренков пришел к нему, желая испросить у него совета и благословения на дальнейшее свое жительство, сказал ему: "Иди в Оптину, ты там нужен".

Осенью 1839 г. он пришел в Оптину, в скит старца Леонида. Незадолго до своей смерти Леонид сказал Макарию: "Я передаю его тебе, потому что он очень близок к нам". Так Амвросий оказался под руководством старца Макария. Имея соответствующую подготовку, Амвросий помогал ему при переводе патристических книг — сперва в приготовлении и обработке Жития и писаний Паисия Величковского, после и при других работах. Уже во время своей келейной работы он очень тяжело заболел; как следствие этого — он остался на всю жизнь слабым и болезненным. Болезнь оказала большое влияние на его жизнь и его взгляды. Через нее он получил особенное познание. "Хорошо для монаха быть больным, — не раз говорил он позже. — При выздоровлениях он не должен по-настоящему выздоравливать, но только немного лучше себя чувствовать".

По причине своей слабости он не мог совершать литургию и оставался вдали от монастырского богослужения; большую часть времени он проводил полулежа в своей келии, причем вставание и совершение поклонов были ему также очень трудны.

После смерти старца Макария отец Амвросий наследовал от него руководство работой по переводу патристической литературы. Но в этой деятельности он не находил большого удовлетворения. Души людей казались ему важнее книг. Перед его глазами всегда стояла его жизнь со старцем Леонидом, так что его старчество во многом походило на старчество Леонида, но его келья видела большую и более пеструю толпу посетителей.

Заслугой старца Макария является то, что Оптина привлекла внимание русских ученых. Именно в 60-х годах мы замечаем некоторое колебание в развитии духовной культуры страны. Большинство представителей интеллигенции уклонились к материалистическим взглядам, стараясь одновременно мышление и душу образованных православных слоев отвлечь от церковности. Значение вновь возникшего старчества заключалось в том, что оно стало оплотом против этих попыток и, как противоположное течение, до сих пор еще по-настоящему не признано. Старец Амвросий продолжил работу старца Макария, укрепил церковные взгляды и придал религиозным умозрениям новое направление. Основные представители русской философии уяснили, что "главной задачей русского религиозно-философского творчества является построение православного христианского мировоззрения, вытекающего из богатого содержания христианских догматов, из их применения к жизни". При этом мы не должны забывать, что эти основания ведут нас ко времени русских славянофилов и к их представителю в религиозной философии — Ивану Киреевскому. Оттуда путь идет к Владимиру Соловьеву, который объединил отдельные высказывания славянофилов в одну систему, к Достоевскому и другим, еще ныне живущим, религиозным мыслителям.

В старчестве ученые познакомились не только с некоторыми значительными представителями христианской веры, но даже больше — с единством веры и знания и с путем к ним.

Поэтому не надо удивляться тому, что Достоевский, когда он вместе с Владимиром Соловьевым посетил старца Амвросия (1878 г.), нашел вместе с ответом на свои личные вопросы также ответ на то, какими должны быть общие задачи христиан в миру. После этой беседы он написал "Братьев Карамазовых" и смог искусно описать незабываемый образ старца Зосимы. "Как, однако, вы удивитесь, — пишет Достоевский своим читателям о старце, — если я скажу, что по молитвам этих смиренных, в одиночестве и тишину погруженных старцев произойдет спасение России".

Также и другой великий представитель русской литературы, Лев Толстой, идет в Оптину для того, чтобы там свои критические замечания по отношению к русскому благочестию увидеть потрясенными и в них чистосердечно раскаяться: "Да, отец Амвросий — совершенно святой человек. Я с ним беседовал, и тогда стало так легко и радостно на моей душе. Когда ты с таким человеком общаешься, ты чувствуешь близость Бога". Три раза посещал Толстой келью Амвросия, в последний раз — вместе с семьей. Когда в 1910 г. он в четвертый раз прибыл в Оптину, то старец Иосиф, ученик Амвросия, хотел, как говорит предание, постричь его в монахи, чтобы его мятущуюся душу привести к покою. Но Толстой умер недалеко от Оптиной.

Также и многие другие представители русской интеллигенции находили у смиренного старца совет и благословение, а также освобождение от того, что отягощало их совесть.

Жизнь старца Амвросия — это целая цепь дел любви и сердечности. Обращаясь с людьми, он часто обнаруживал удивительное знание души, их обстоятельств и их будущего. Уже после нескольких минут душа посетителя лежала перед ним, как открытая книга. Однажды пришел к нему священник, который имел очень небольшой и бедный приход и был в сомнениях относительно своего одинокого и бедного жития. Как только он переступил порог кельи старца, тот закричал ему: "Иди, иди назад, отец! Он один, а вас двое". Священник не понял и спросил старца, что это значит. Старец Амвросий ответил: "Бес, который тебя искушает, один, но ты имеешь еще одного Помощника — Бога. Иди домой и не бойся, и не сомневайся, и заметь, что это очень большой грех — оставить свой приход. Совершай каждый день Божественную литургию, и все будет хорошо". Успокоенным и обрадованным вернулся священник в свою деревню и делал так, как сказал ему старец. Прошло несколько лет, и община стала гораздо больше и активнее. Позже, после смерти Амвросия, священник стал сам подобен старцу и был хорошо известен.

Епископ Калужский Макарий посетил старца Амвросия, когда еще был молодым священником и не принимал монашества. Старец долго беседовал с ним. На прощание старец подарил ему книгу о монашеской жизни. Впоследствии епископ рассказывал: "Я подумал: зачем мне дали книгу о монашестве, когда я не монах? Старец тоже сказал: "Ах, зачем я даю вам эту книгу? Вам нужно нечто другое". Но потом он посмотрел на меня внимательно и сказал: "Нет, все так должно быть". Через несколько лет умерла моя жена, и я поступил в монастырь. Теперь я уже епископ, но храню эту книгу как благословение старца, предсказавшего мне мою жизнь".

В Оптиной произошло еще следующее. Там жил молодой иеромонах Палладий. Он совершил воскресную литургию и пошел, совершенно здоровый, в свою келью. Внезапно приходит к нему келейник старца и говорит, что отец Амвросий велел ему постричься в схиму и начать читать канон на исход души. Удивленный иеромонах ответил, что он еще совершенно здоров. Через несколько дней старец опять послал келейника с тем же повелением. И так три раза. На четвертый раз иеромонах испытал удар, сделался парализованным и умер после прочтения отходной.

Известный русский писатель и философ Константин Леонтьев, оставив свою дипломатическую карьеру, поселился в домике, который он построил в Оптиной пустыни. Пятнадцать лет жил он там, постоянно общаясь со стар-

цем Амвросием. Осенью 1891 г. Леонтьев захотел поехать в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы там постричься. Он пришел к старцу Амвросию, чтобы с ним проститься и испросить благословения на свою будущую монашескую жизнь. Старец, благословляя его, сказал: "Ну, мы скоро увидимся". Леонтьев не придавал этим словам особенного значения. Но когда он три месяца спустя получил сообщение, что старец Амвросий умер, то почувствовал, что и его смерть приблизилась. Действительно, через месяц он заболел воспалением легких и вскоре умер.

У одной монахини заболело горло; врач определил туберкулез горла и головы и объяснил, что нет надежды на спасение. Монахиня приуныла и пришла к старцу. Но старец послал ее к близлежащему колодцу и велел принести ему воды. Монахиня исполнила это. Старец извлек из-под своей подушки три яйца, смешал белок с водою и дал монахине попить, после чего приказал ей вернуться в монастырь и вымыться этой водою. Она все точно исполнила. После омовения она глубоко заснула и проспала день и ночь. Наутро она почувствовала себя гораздо лучше и вскоре стала совсем здоровой. Врач не мог поверить, что больная выздоровела.

Современники много рассказывали о подобных исцелениях и предсказаниях. Много душ, считавших себя уже на краю могилы, старец Амвросий спас через свою любовь и возвратил на правильный путь. Он учил людей отличать истинное от ложного. Целый год бесконечные толпы паломников приходили в Оптину, часами ожидая старца Амвросия.

У старца Амвросия мы находим черты, родственные преподобному Серафиму Саровскому. Оба старца посвящали себя с особой любовью заботе о женских душах. Оба основали недалеко от себя женский монастырь, и оба духовно покровительствовали их насельницам. Это совершенно особая глава в истории русского старчества.

В деревне Шамордино, отстоящей в пятнадцати километрах от Оптиной, старец Амвросий с помощью своих почитателей основал женский монастырь, и так появилась в конце 70-х годов XIX столетия обитель Шамордино, посвященная Казанской иконе Божией Матери. Старец сам руководил строительством монастырской церкви, а также приспособлением уже существующих строений. Неумоимо проводил он многие часы в обозрении работ и в соответствующих беседах. Казалось, что все слабости старости, все телесные недуги от него ушли. 1 октября 1881 г. церковь наконец была освящена. Выбор монахинь делал сам старец с большой заботой. Год от года все укреплялась религиозная община нового монастыря, ставшего любимым детищем старца. Каждое лето старец Амвросий приезжал в Шамордино на много недель и брал на себя воспитание и руководство своих духовных дочерей. Из-за этого в оптинских монахах и посетителях возникло неудовольствие, так как они часто оставались без общения со старцем. Епархиальный архиерей распорядился, чтобы старец вернулся в Оптину. Он делал так, как было приказано, но на следующее лето повторял то же самое. Летом 1891 г. старец Амвросий опять отправился в Шамордино. Целую зиму перед этим он чувствовал себя очень слабо, но в летние месяцы ему стало несколько лучше, а затем слабость возобновилась. Игумения и монахини Шамордино видели, что старец со дня на день слабеет, и были очень этим обеспокоены. Снова пришло распоряжение епископа, чтобы старец вернулся в Оптину. Но затем пришло письмо, что епархиальный архиерей в ближайшие недели сам придет в Шамордино. Старец совсем лишился сил. Это были первые дни осени; он простудился и должен был оставаться в кровати. Когда монахини спросили его, как надо принять епископа, старец ответил: "Мы споем ему: "Со святыми упокой души раб Твоих".

10 октября 1891 г. был последний день его жизни. Окруженный своими духовными дочерьми, он почил. Епископ по дороге услышал известие о смерти старца и решил сам его отпеть. Был вечер; гроб стоял посредине церкви, построенной старцем Амвросием, монахини пели панихиду, и в ту

минуту, когда они начали петь "Со святыми упокой", епископ вошел в церковь. Так исполнилось последнее предсказание старца.

Оптина должна была стать местом успокоения старца Амвросия. Это была очень впечатляющая картина, когда его гроб через луга и леса был на руках переносим, сопровождаемый тысячами народа с горящими свечами и пением монахов и монахинь. Поздно вечером прибыл покойный обратно в свою обитель. Его старчество, продолжавшееся 31 год, пришло к концу, но дух его жил в Оптиной и в Шамордино и далее.

Его ученики продолжали его благословенную работу. Еще 30 лет продолжалось духовное руководство, до тех пор пока ворота Оптиной пустыни закрылись для аскетической жизни и колокола этого последнего и важнейшего центра русского старчества замолкли.

Со смертью старца Амвросия закончился большой по времени период русского старчества. Кроме старца Амвросия, действовали также и другие современные ему старцы в различных обителях. Однако Амвросий занимает первое место между ними. Он оставил многих учеников, которые продолжали его работу. Прежде всего надо назвать старца Иосифа, который воспринял духовное руководство сынов и дочерей старца Амвросия. Двадцать лет он действовал в Оптиной как старец, стяжал любовь и внимание всех паломников и умер в мае 1911 г. Он был похоронен рядом с могилой своего учителя.

Вторым был монах Нектарий. В молодые годы он пришел в Оптину и находился несколько десятилетий под духовным руководством старца Амвросия. Он имел большую склонность к одиночеству и молчанию и проводил большую часть времени в делании духовной молитвы. Но после смерти старца Иосифа начал и он заниматься старчеством. В своем отношении к посетителям он во многом напоминал старца Леонида. Он умер в 1928 г. Еще и теперь можно встретить людей, которые лично с ним встречались и его помнят.

Последним учеником старца Амвросия был монах Анатолий. Много лет видел он келейную жизнь старца Амвросия, затем продолжительное время как старец находился в центре духовной жизни Оптиной. Его любили и уважали. Он жил в келье своего учителя, но последние годы провел не в скиту, а в монастыре. Своим внешним видом и обращением с людьми с сердечностью и вниманием, своей продолжительной добродушной улыбкой он имел много общего с преподобным Серафимом. Тридцать лет он руководил во времена войн и беспорядков и умер в 1921 или 1922 г., когда неистовствующий мир сей разрушил тишину и одиночество оптинского скита. Ученики рассеялись повсюду — далеко от стен их духовной родины. Они пошли в леса севера и Сибири и начали по-новому аскетическую жизнь своих пращуров.

Снова стена, подобная стене девственных лесов, отделяет беспокойный внешний мир от людей, которые развивают в себе образцы христианских добродетелей, следуя духу их скромных вождей — русских старцев. Скрытым остается их христианское делание, и дары любви созревают незримо, пока не наступит время, в которое вновь пробудившиеся души осмелятся оставить ужасные, ошибочные пути своей жизни...

ПЯТАЯ КНИГА

СВЯТОЙ

Преподобный Серафим Саровский

К концу XVIII столетия в непроходимых лесах Саровской обители появился новый отшельник, живущий в небольшой хижине. Ему было около 40 лет. Он был высокого роста и сильного телосложения. Несмотря на то что до этого он провел многие годы в строгом аскетизме, его лицо было свежим.

Прекрасные, синие, пронизательные глаза располагались под густыми бровями. Длинные светлые волосы достигали плеч, и большая широкая борода обрамляла его лицо. Весь его облик свидетельствовал о том, что он был внутренне и внешне сильным человеком. Хижина находилась в густом еловом лесу, поблизости от холма на берегу маленькой речки Саровки. Хижина была построена из простых, но крепких бревен, состояла из единственной комнаты и освещалась двумя маленькими окошечками. В ней не было ничего, кроме печки. Более двух часов требовалось отшельнику для того, чтобы по узкой тропинке в густом лесу дойти до монастыря. Зимой, когда бури нагромождали массу снега, сообщение с монастырем прекращалось. Тогда хижина погружалась в бесконечное зимнее молчание...

Медленно и постепенно в отшельнике созревала сила, которая вела его в христианском аскетизме ступень за ступенью, все выше и выше. Как второй Симеон Столпник, провел он три года, более тысячи дней и ночей, в молитве, коленопреклоненно, на большом камне. С простертыми кверху руками произносил он сердцем и устами все время: "Господи, помилуй меня, грешника!"

Это был иеромонах отец Серафим, новый Божий подвижник, "собеседник Ангелов", "сила Церкви и радость верующих", как прославляет его Церковь. И до сих пор остается отец Серафим совершеннейшим ликом в ряду русских святых и прекраснейшим жемчугом на богато украшенной одежде Восточной Церкви.

Преподобный отец Серафим родился 19 июля 1759 г. в Курске. Его мирское имя было Прохор. С младенческих лет он находился под защитой Божиего Провидения. В семилетнем возрасте он упал с высокой колокольни, но остался невредим. Спустя три года он тяжело заболел. Тогда во сне явилась ему Божия Матерь и обещала выздоровление.

Он не любил, подобно другим мальчикам его возраста, участвовать в различных играх; больше искал одиночества, усердно читая Священное Писание и Жития святых. Особенно его привлекало богослужение. Как сын купца, он должен был начать заниматься делом, но очень противился этому. Позже, когда он стал уже старцем, в своих беседах с учениками он часто приводил различные примеры из купеческой жизни для того, чтобы сделать более понятными трудные места в Священном Писании. В глубине души стремился он в совершенно иной мир.

Восемнадцать лет, противившись навсегда со своей матерью, он предпринял паломничество в Киев, куда ежегодно устремлялись тысячи верующих, чтобы посетить знаменитый Печерский монастырь. Здесь жил в узкой пещере старец Досифей, обладавший даром прозорливости. На коленях испросил у него Прохор благословения на монашество. "Иди, дитя мое, — сказал старец, — в Саровскую обитель и оставайся там. Это место послужит твоему спасению. Там с Божией помощью окончишь ты свой земной путь. Старайся только всегда иметь память о Боге и непрестанно повторяй молитву: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного". Держись крепко этого упражнения и будь добр: когда ты идешь или когда ты сидишь, во время работы, а также в церкви, на всяком месте да живет эта молитва в твоих устах и в твоём сердце. В этой молитве ты найдешь покой, через нее получишь ты чистоту тела и души. И Святой Дух, Источник всякой святости, будет почитать на тебе и приведет к святости твою жизнь!" Поклонившись еще раз святыням Киево-Печерского монастыря, Прохор направился в Саров. В Саровской обители монахи жили в строгой аскетической дисциплине. Здесь были и старец Назарий, и старец Иосиф и другие.

Когда прошли первые восемь лет послушания под руководством старца Иосифа, Прохор был пострижен в монахи и вскоре посвящен в иеродиакона. Игумен Пахомий, знавший его пламенеющую веру, дал ему при пострижении имя Серафим. Вскоре после пострижения его постигла тяжелая болезнь — водянка, и он лежал в безнадежном состоянии. Игумен хотел послать за

врачом, но больной повернулся к нему и сказал: "Я поручил себя другому Врачу души и тела — Господу и Его Пресвятой Матери. Если благословите, то исцелите меня, бедного, Святым Причастием". После этого он исповедался и причастился Святых Христовых Таин. Много лет спустя, незадолго до своей смерти, рассказывал преподобный Серафим одному монаху, какое видение он получил после этого Причастия. Пресвятая Дева Мария явилась ему в небесном свете; слева и справа от Нее стояли апостолы Петр и Иоанн. Божия Мать повернулась к апостолу Иоанну и сказала: "Сей есть от рода нашего". При этом Она положила Свою десницу на голову страдальца, и тотчас из раны в его правом боку начала вытекать вода, переполнявшая его тело. Шрам от раны остался на всю его жизнь.

После своего исцеления преподобный Серафим проводил долгие ночи в горячей молитве Божией Матери, Которую он очень почитал.

Как иеродиакон, преподобный Серафим почти каждый день участвовал в совершении Божественной службы. Оставшееся время он проводил в келье, стоя читая Священное Писание и святых отцов.

В это время он имел еще одно видение. За ранней литургией Великого Четверга, которую, как обычно, совершал игумен Пахомий, преподобный Серафим, как диакон, вошел в царские врата и возгласил: "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!" При этом он должен был, по уставу, навести ораарем на присутствующих. Но преподобный Серафим не смог поднять своей руки; выражение лица его изменилось, он остался стоять, не будучи в состоянии произнести ни слова. Все поняли, что он имел видение. Два других иеродиакона взяли его под руки и ввели в алтарь.

Три часа отец Серафим был не в состоянии что-либо сказать. Когда речь вернулась к нему, он смиренно сообщил игумену: "Когда я, убогий, произносил слова: "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны" и хотел поднять ораарь, внезапно озарил меня луч света, подобный солнечному. В этом свете увидел я нашего Господа Иисуса Христа в человеческом образе, во свете и славе, окруженного Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, подобно тому как пчелы окружают свою матку. Господь пошел по воздуху от западных церковных дверей с поднятыми руками и благословил духовенство и народ. После этого Он вошел в Свою икону, висящую по правую сторону царских врат, и преобразился в ней. Я, земля и пепел, сподобился видеть Господа Иисуса Христа и получил от Него еще особенное благословение, и мое сердце преисполнилось умиления и любовью к Богу!"

Епархиальный епископ Феофил, сам требовательный монах, зная о смиренном житии молодого монаха и заботясь о пользе церковной, посвятил его 2 сентября 1793 г. во иеромонаха. В благодати священства преподобный Серафим продолжал прежнее аскетическое житие. После смерти престарелого игумена Пахомия преподобный Серафим решил перейти к отшельничеству, вне монастыря. В холодное зимнее утро в конце 1794 г. преподобный Серафим оставил обитель и пошел трудным путем через высокие снега лесом к одной маленькой хижине. Он ничего с собой не взял, кроме Евангелия и священных сосудов для литургии.

Одиночество продолжалось недолго, ибо преподобного Серафима стали посещать люди: одни — из любопытства, другие — по своим внутренним нуждам. Были между ними и женщины. Для преподобного Серафима эти посещения были очень нежелательны, так как они отвлекали его от пути к его цели. Тогда он стал со всею силою молиться, чтобы тишина одиночества могла опять восстановиться. Он вскоре увидел знамение того, что его молитва услышана: стволы елей склонились, чтобы его защитить. На первый день Рождества он направился в монастырь, принял Святое Причастие, а к вечеру опять отправился назад. Когда он увидел, что стволы елей глубоко склонились и загородили проход по тропинке, он понял, что Господь благословляет его вновь начатое житие, и благодарил Его коленопреклоненно за этот новый знак Его благодати. На следующее утро, во второй день Рождества,

когда церковь прославляет Пресвятую Богородицу, отец Серафим снова пришел в монастырь. По окончании Херувимской песни преподобный Серафим смиренно приблизился к служащему игумену и сказал:

— Отец игумен, дай благословение, чтобы в хижину, где я живу, не могли больше приходить женщины. Игумен ответил строго:

— В какое время приходишь ты ко мне с таким вопросом, отец Серафим!

— Именно сейчас дай мне благословение, отче, — просил отец Серафим настойчиво, но смиренно.

— Как могу я из монастыря наблюдать, приходят к тебе женщины или нет?

— Произнеси благословение, отец игумен, и ни одна не осмелится приблизиться к моей хижине!

Игумен взял икону Пресвятой Богородицы, благословил ею отца Серафима и сказал:

— Я даю тебе благословение, чтобы ни одна женщина не приблизилась к твоему холму, ты сам, однако, бодрствуй!

Отец Серафим приложился к иконе, а потом опять причастился Святых Таин.

Этим было положено начало настоящему отшельничеству. Отшельник был одет несколько необычно: вместо черной монашеской одежды — белая; на ногах лапти и старая шапочка на голове. На груди носил он крест — благословение матери, а на спине мешок с камнями и Евангелием. На груди, под рубахою, он носил, кроме того, несколько железных крестов, которые вместе весили около 20 фунтов, а на спине такие же кресты весом около 8 фунтов. Он был препоясан железным поясом. Зимой рубил он дрова в лесу для своей печки, но топил ее так, что келья едва нагревалась. Летом разводил огород, от плодов которого питался...

"О, одинокое житие! Убежище учености, школа небесного и Божественного понимания, где Бог есть единственный предмет изучения. Пустыня — рай умиления, где благоухающие цветы любви в огненном свете пылают и вскоре становятся бестянными и белоснежными. От этих цветов возникают радость и покой. Запрятанные в глубине души, они недоступны никаким ветрам. Так воскуряется фимиам умерщвления не только плоти, но и воли в кадиле непрестанной молитвы, которая, сладостно пылая, горит непрестанно, зажженная от огня Божественной любви!"

Этими словами святого Василия Великого прославлял Серафим свое одиночество. При всех своих делах он молился, пел псалмы и тропари, которые знал наизусть. Особенно любил он гимн, прославляющий Пресвятую Богородицу. Ежедневно он прочитывал несколько глав из Евангелия и Посланий, а также аскетические писания святых отцов, просиявших в отшельничестве. Но основным занятием его аскетизма оставалась молитва. Его утреннее и вечернее правило было очень длинным и объединяло в себе смирение, покаяние перед Господом и прославление Его великолепия. Он всегда читал покаянную молитву Ефрема Сирина "Господи и Владыко..."

На первой неделе Великого поста преподобный Серафим не принимал никакой пищи; только по воскресеньям принимал он Святое Причастие и ел просфоры. Два года своего отшельничества он питался только одним растением (снитка), летом — свежим, зимою — сушеным и в воде сваренным.

Иногда он рассказывал другим старцам о бесовских искушениях, которые посещали его среди ночи, когда он молился. Ему казалось, что стены его хижины исчезали и дикие звери с рычанием нападали на него. Один монах спросил его: "Батюшка, отец Серафим, видел ли ты когда-нибудь злых духов?" — "Они гнусны, — ответил старец, посмеиваясь. — Как грешнику невозможно перенести свет Ангелов, так очень страшно увидеть злых духов".

Однажды Бог дал старцу Серафиму случай показать все свое человеколюбие. Осенним днем 1801 г. он рубил дрова в лесу. К нему подошли трое мужчин в крестьянской одежде и начали дерзко требовать от него денег.

Они думали, что он много получает от верующих. Ответ Серафима, что у него ничего нет, только разозлил разбойников. Один из них стал наносить ему удары палкой по голове и по телу. У старца полилась кровь изо рта и ушей, и он упал. Несмотря на то что он сам имел колун в руках и был достаточно сильным человеком, чтобы защититься от разбойников, он, однако, не оказал им сопротивления. Мужики обыскали его хижину и, не найдя ничего, удалились. До глубокой ночи лежал старец без сознания на земле. Рано утром он появился в монастыре, весь покрытый кровью. Он отказался от предложения игумена послать за врачами. Слабость от потери крови заставила его лечь и заснуть. Во сне он увидел видение: с правой стороны подошла к нему Божия Матерь, увенчанная короной, справа и слева от Нее стояли апостолы Петр и Иоанн, так же как в первом видении. Небесная Царица повернулась к присутствующим и сказала: "Что вы беспокоитесь?" А потом обратилась к апостолам, сказав: "Сей есть от рода нашего!" И в это мгновение больной пробудился.

Игумен просил его показаться врачам, но преподобный Серафим повторил, что хочет себя отдать в руки Божии и Пресвятой Богородицы. Четыре часа старец лежал в изнеможении, но с тихой радостью в сердце. После этого он поднялся, вкусил немного хлеба и погрузился в молитву. Еще около двух недель он оставался в монастырской келье, после чего почувствовал себя здоровым. Но избиение не прошло бесследно: он остался навсегда сторбленным и мог ходить, только опираясь на посох.

Через пять месяцев старец вернулся в свою отшельническую келлию. Прощаясь с игуменом, он просил, чтобы преступников не преследовали, причем сослался на евангельские слова: "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне" (Мф. 10, 28).

Через год игумен монастыря умер. Братия избрали преподобного Серафима новым игуменом. Но преподобный Серафим отклонил это избрание и одновременно наложил на себя новый аскетический подвиг — молчание. "Больше всего украшает человека молчание"; об этом говорил и святой Амвросий Медиоланский, что "он видел очень многих, спасающихся через молчание, и ни одного — через болтовню".

Три года жил старец в совершенном молчании. Он ни с кем не говорил, даже с монахом, приносившим ему хлеб. Даже свое лицо он скрывал под платком, когда кто-нибудь к нему приближался.

"Когда мы останемся в молчании, — объяснял он, — наш враг, сатана, не может приблизиться к молчащему. Но молчание должно быть и в сердце, и в разуме. От него возвращаются в сердце различные дары Святого Духа: кротость и смиление. Это последнее действует в человеческом сердце подобно "водам Силоама, текущим тихо" (Ис. 3, 6). Пребывание в келлии в молчании, упражнении в молитве и чтении Священного Писания день и ночь делает человека богобоязненным. Келлия монаха, как говорят отцы, подобна Вавилонской печи, в которой три юноши увидели Сына Божия. Молчание приближает Бога к человеку и делает его подобным земному Ангелу. Ты должен только тихо, бдительно и молча пребывать в своей келье и всеми силами устремляться к Господу, и Господь готов из человека, какой ты есть, сделать Ангела".

Молчание, однако, было только ступенью к еще более высокому аскетизму. Вечером 8 мая 1810 года Серафим снова появился в обители и стоял за вечерним богослужением; после этого он молча пошел в свою келлию. На другой день — это был день Святителю Николаю Чудотворца — старец пришел к ранней литургии, причастился Святых Христовых Таин и получил благословение игумена. После этого он вернулся в свою келлию и там затворился. Так начал Серафим новое аскетическое упражнение — затворничество.

Годами жил в нетопленной келлии, освещаемой только слабым, но по-

стоянным светом от иконы Пресвятой Богородицы. Сперва он спал только в сидячем положении на деревянном полене. Позже — в им же сделанном гробе, который постоянно должен был напоминать ему о смерти. Тело его, как и прежде, было отягощено веригами; для того чтобы больше себя утомить, он перетаскивал дрова с одной стороны кельи на другую. Стоя или на коленях молился он тихо умом в сердце; часто читал он громко Священное Писание: каждый день по евангелисту, апостольское Послание и Деяния святых апостолов. Ночи он проводил в глубочайшей отрешенности от мира, в духовной молитве, в трезвости и хранении сердца. Тогда он имел много видений, из которых мы знаем только немногие. Он сам совершал богослужения точно по уставу. По воскресным и праздничным дням он причащался Святых Христовых Таин, которые ему по благословию игумена подавались через окошечко в двери после ранней литургии. Он никого не принимал. Когда епархиальный архиерей, обозревая Саровскую обитель, пришел к его келье, двери ее остались закрытыми и для него. Только через десять лет преподобный Серафим позволил ему войти в свою келлию и принял архиерейское благословение. Еще через пять лет его келлия открылась совсем. Пятнадцать с половиной лет продолжалось его затворничество, которое закончилось 25 ноября 1825 года. Теперь началось старчество.

Внешний мир снова пришел с ним в соприкосновение; теперь старец принимал всех посетителей с равной, большой любовью и вниманием. Бедный или богатый, крестьянин или дворянин, мужчина или женщина, приходившие к нему, — все бывали приняты с одинаковой приветливостью. Принимая, отец Серафим был одет в белую одежду с епитрахилью и поручами — знаком своего священнического достоинства. Он не переставал творить непрестанную духовную молитву. Он требовал этого и от посетителей. "В этом должно заключаться все твое бодрствование, — учил он, — идя и сидя, на работе, в церкви и в особенности перед началом богослужения храни эту молитву в твоей душе и сердце. В призывании имени Божия найдешь ты покой, очищение души и тела, и Святой Дух, этот Источник всякого очищения, будет почивать на тебе и содержать в страхе Божиим и чистоте".

Часто полагал старец после беседы свою епитрахиль на голову исповедывающегося, произносил разрешительную молитву и помазывал крестообразно его лоб маслом из постоянно горящей лампы, затем давал испить святой воды, целовал его на прощание со словами: "Христос воскресе, радость моя!"

Последние восемь лет его благословенной жизни, в течение которых он действовал как старец, были одним смиренным делом любви.

Уже рано утром, после ранней обедни, на которой старец Серафим всегда причащался Животворящих Христовых Таин и набирался новых духовных сил, собирались толпы посетителей к его дверям. Многие рассказывали об этих беседах со старцем. Они говорили, что его слова в их душе производили полную перемену, что сердце и разум их, которые у них обычно находились в борьбе, объединялись и вообще вся их жизнь изменялась. Многие, которые не могли посетить его лично, посылали письма, и преподобный Серафим посылал ответы, часто даже не раскрывая конвертов. Некоторые старые монахи говорили: "Ты принимаешь слишком много людей, не делая различия".

— Как бы я ответил Господу, если бы жаждущие ушли от моей келлии неудовлетворенными? — отвечал святой.

— Некоторые сердятся на тебя, — говорили завистники.

— Я не сержусь на то, что многие получают пользу и только немногие сердятся, — отвечал старец.

Это было незадолго до конца его затворничества. Однажды в Саров пришел помещик, по имени Михаил Мантуров. В течение нескольких лет он страдал болезнью ног. Врачи не давали ему надежды на исцеление и отказывались его лечить. По совету своего родственника Мантуров решил поехать в

Саров к старцу Серафиму. Когда слуга внес его в келью, старец спросил его с большим участием: "Почему ты стараешься увидеть убогого Серафима?" Мантуров, лежа на полу, умолял его со слезами об исцелении. "Веришь ли ты в Бога?" — спросил старец. Больной ответил твердо, что верит. "Ты, радость моя, если так веришь, то веришь также и тому, что верующий все от Бога получает. Верь тому, что Господь тебя исцелит, а я, убогий Серафим, буду за тебя молиться". С этими словами старец ушел в соседнее помещение и через некоторое время вернулся назад, велел Мантурову встать и помазал его больные ноги маслом. "Через тебя Господь дал мне благодать исцелений, и я исцеляю тебя первого!" Затем старец надел на помазанные ноги исцеленного чулки из белой новой льняной ткани и приказал Мантурову идти. Мантуров попробовал и с удивлением и неопишуемой радостью заметил, что он твердо стоит и может двигаться. Исполненный благодарности и счастья, упал он перед старцем ниц и хотел поцеловать его ноги. Но старец поднял его и строго сказал: "Разве Серафим имеет власть умертвить или оживотворить, низвести во ад и опять вывести оттуда? Как ты думаешь, батюшка? Это все действия Господа, исполняющего волю тех, кто Его боится, и Он слышит их молитву. Принеси свою благодарность Всемогущему Господу Богу и Его Пречистой Матери!"

Время шло, и Мантуров не знал, как поблагодарить Бога. Полный страха, пошел он опять к старцу. "Ты, радость моя, — сказал преподобный Серафим посетителю, — мы должны Господа поблагодарить за то, что он нам вернул жизнь". Мантуров ответил: "Что вы мне прикажете?" — "Итак, радость моя, раздай все, что имеешь, Господу и прими на себя добровольную бедность!"

Помещик пришел в смущение, так как он не ожидал такого совета. Он думал еще о том, что дома у него есть молодая жена, и он не знал, как ее прокормить, если все отдаст. "Оставь все и не беспокойся о том, о чем ты сейчас думаешь, — сказал старец. — Господь не оставит тебя ни в этой, ни в будущей жизни, ты не будешь богатым, но хлеб насущный у тебя всегда будет".

По благословиению старца Мантуров продал свое поместье, дал вольную своим крестьянам и купил маленький кусок земли вблизи Сарова. Деньги, полученные от продажи, он пока сохранил у себя, чтобы потом пожертвовать женскому монастырю, основанному старцем Серафимом. По его завещанию к тому же монастырю перешел и вышеназванный участок земли.

Однажды — это было 14 сентября 1824 года — княгиня Колончакова посетила святого старца, чтобы получить его благословение. У нее был брат, который находился в походе на Кавказе. Она беспокоилась, так как давно не получала от него писем. Старец Серафим встретил ее словами: "Ты не должна грустить, в каждой семье бывает печаль!" Три месяца спустя княгиня получила официальное сообщение о том, что ее брат пал на поле брани.

Две сестры пришли в Саров. В то время как одна принесла с собою небольшой подарок, другая об этом забыла. По просьбе сестры она поделилась с ней, и, таким образом, обе пришли с подарками. Святой старец Серафим сказал забывчивой: "Когда ты мне позже снова захочешь что-то принести, то принеси от того, что сама имеешь. Ты ведь имеешь пасеку, так сделай мне свечу из воска и принеси как дар!"

В доме крестьянина Воротилова тяжело заболела его жена. Воротиллов уже бывал в Сарове и был известен старцу. Однажды вечером ее состояние очень ухудшилось. Воротиллов поспешил в Саров и достиг келлии старца около полуночи. К своему удивлению, он увидел, что старец Серафим сидит на пороге своей келлии, как будто он кого-то ожидает. "Ну, радость моя, почему пришел ты так поздно к убогому Серафиму?" Воротиллов рассказал ему, что жена его умирает, и просил помощи для больной. Старец возразил, сказав, что она должна умереть. Воротиллов заплакал и упрашивал старца, говоря, что он мог бы исцелить больную. Серафим закрыл глаза и погрузил-

ся в молитву. Через некоторое время он их снова открыл, поднял лежащего у его ног человека и сказал: "О, радость моя, Господь дарует жизнь твоей жене. Иди в мире домой!" Придя домой, Воротилов узнал, что именно в полночь его жена испытала внезапное облегчение, ее болезнь пошла к выздоровлению, и вскоре она совершенно выздоровела.

В Дивеевском женском монастыре 8 сентября 1830 года была освящена новая церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная на деньги помещика Мантурова. "После освящения, — рассказывал священник этой церкви отец Василий Садовский, — пошли мы с архимандритом Иоакимом, который совершал освящение, и с господином Мантуровым к батюшке Серафиму в Саров. Он был в своей маленькой келлии в лесу. Радостно приветствовал нас святой старец и затем сказал отцу архимандриту: "Батюшка, чем же мне вас угостить? Не думайте, что у меня ничего нет. Для вас я имею, по случаю столь праздничного дня, совершенно особенное угощение!" При этом он подвел нас к кусту смородины, которого раньше я никогда не видел, показал мне три большие спелые ягоды и сказал: "Возьми и дай это нашим гостям!" Изумленный стоял я, не понимая, что нужно делать. Наконец взял ягоды. С улыбкой сказал святой: "Они дороги, очень дороги, потому что убогий Серафим радуется тому, что может вас угостить! Но это была Небесная Царица, Которая вас угощала, мои батюшки!" "Еще никогда я не ел смородину подобной сладости, да еще в сентябре", — заключил священник Садовский свой рассказ.

Во время польского восстания 1831 г. проходило через Саровский монастырь воинское соединение. Командир его, который был очень верующим человеком, остановил своих солдат, чтобы получить благословение старца. Старец исполнил его просьбу и внезапно объявил, что никто из этих солдат не будет убит. Солдаты с командиром совершили весь польский поход, приняли участие в штурме Варшавы и все благополучно вернулись домой.

Одна женщина рассказала следующее: "Я была еще девочкой, приблизительно двенадцати лет, когда мама взяла меня посетить отца Серафима. По пути мы встретили бедного человека, который выглядел таким бедным и страдающим, что я пожалела его и дала полтинник — все, что у меня было. Когда мы вошли в келью старца, он благословил меня и сказал: "Это хорошо, Ваше Высокоблагородие, что ты бедняку полтинник дала". Моя мама была тогда очень удивлена этими словами. Значение их стало ясным потом, когда я вышла замуж за генерала".

Жена Мантурова была немкой из Эстонии. Она не могла читать по-русски и мало говорила. Она только посещала старца Серафима, которого она глубоко почитала. Он часто говорил ей:

— Матушка, ты должна прочесть Житие святой Матроны и ей следовать.

— Батюшка Серафим, я не могу читать по-церковнославянски.

— Ты должна это прочесть! Ты должна! — повторял он много раз.

"Удивительно, — рассказывала потом госпожа Мантурова, — что я, немка, которая не могла читать по-русски, легко прочитала церковнославянский текст, как только взяла книгу в свои руки".

Однажды принесли к старцу Серафиму в келью больного. Отец Серафим обернулся к нему и сказал: "Ты, радость моя, молись! И я буду за тебя молиться, но, смотри, лежи смиренно и не поворачивайся". Через некоторое время, когда нетерпение и любопытство больного все возрастало, обернулся он и увидел: святой стоит на воздухе! Большой от удивления воскликнул, а старец, закончив молитву, сказал ему: "Теперь ты будешь всем болтать, что Серафим святой и молится на воздухе! Боже тебя сохрани; никому не говори об этом до моей смерти, иначе болезнь вернется к тебе". После смерти старца Серафима исцеленный рассказал, что он видел.

Также и три монахини из Дивеева монастыря, проходя по лесу, увидели, как старец Серафим по воздуху шагает на порядочной высоте через луг, недалеко от своей хижины. Это было за год до его кончины.

В сентябре 1831 г. пришел в Саров судья Николай Мотовилов. Он очень любил отца Серафима. Три года он лежал больной с парализованными ногами и многими ранами на теле. В своих дневниках он пишет: "5 сентября 1831 года меня принесли в Саров. 7 и 8 сентября, в день Рождества Пресвятой Богородицы, удостоил меня старец дважды со мной поговорить. 9 сентября пять человек несли меня через лес в хижину старца. В это время старец беседовал со многими людьми. Меня положили под большую лиственницу, которая еще и сегодня стоит, на землю. На мою просьбу помочь мне старец Серафим ответил: "Я не врач, который может исцелить какую-либо болезнь. Обратитесь к врачу".

Я рассказал ему обстоятельно, что был уже у лучших врачей Казани, потом обращался к ученику известного гомеопата Ганзмана, но никто не мог помочь мне. Я почувствовал, что мне, грешнику, только Бог может помочь.

— Верите ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он Богочеловек, и в Его Пресвятую Матерь, что Она есть Пречистая Дева?

Я ответил: Да, я верю.

— И верите ли вы, что Господь, как Он прежде, в одно мгновение, одним-единственным словом или через прикосновение все страдания исцелял и теперь точно так же легко и в одно мгновение может исцелить того, кто Его попросит и что через Его слово и предстательством Божией Матери нам возможно в одно мгновение и через одно слово исцелиться?

Я ответил: Верю от всего сердца и всею душою, и если бы я не верил, то неужели бы я приказал нести меня к вам?

— Если вы так верите, тогда вы уже исцелены.

— Как так здоров, — сказал я, — когда вы и мои люди держат меня за руки?

— Нет, все ваше тело исцелено, и вы полностью здоровы.

И старец попросил людей, которые меня держали, отойти в сторону. Он же сам взял меня за плечи, поднял от земли, поставил на ноги и сказал:

— Ну, стойте крепко! Ступайте ногами твердо по земле... Так, так, не бойтесь, вы сейчас полностью здоровы; посмотрите, как вы хорошо стоите!

Я ответил: Да, потому что вы меня так хорошо ведете!

— Нет, теперь вы можете ходить уже без меня и будете так ходить всегда. Божия Матерь Сама просила Господа, и Он вас полностью исцелил. Идите же!

И я, чувствуя особенную силу в своих ногах, прошел несколько шагов туда и сюда. Но святой старец остановил меня и сказал:

— Достаточно на сегодня! Три года болезни очень ослабили вас. Начинайте понемножку и потихоньку улучшайте свое здоровье, которое теперь стало драгоценным даром Господа. Господь отнял от вас все дурное и очистил ваши грехи. Смотрите, какое чудо Господь над вами сотворил, и верьте всегда без сомнения в Его благодать.

Получив благословение старца, я осторожно пошел — в присутствии многих людей — к своей карете...

Потом я много раз навещал святого старца и имел с ним длинные и серьезные беседы. Последняя беседа со святым старцем происходила в ноябре 1831 г., когда я имел счастье видеть его в благодатном состоянии и слышать его слова на лесной поляне. Он открыл мне также многие тайны из будущей судьбы России".

Учение преподобного Серафима о стяжании Святого Духа

Николай Мотовилов пишет в своем дневнике³: "Это был четверг, день пасмурный. Земля была покрыта ровным слоем снега. Снежинки непрерывно падали. В это время отец Серафим начал беседу со мною. Это было в лесу, на небольшой поляне, рядом с его хижинкой, на берегу речки Саровки, у подножия холма. Он усадил меня на лежащий ствол и сам сел рядом.

"Господь открыл мне, — начал великий старец, — что вы в юности своей усердно старались узнать, в чем заключается смысл христианской жизни и что вы часто обращались с этим вопросом к духовным особам".

Я должен сказать, что в возрасте около двенадцати лет этот вопрос меня постоянно беспокоил и я действительно обращался ко многим духовным лицам с этим вопросом, но их ответы не удовлетворяли меня. Старец об этом не мог знать.

"Никто, однако, — продолжал отец Серафим, — не мог вам сказать об этом ничего определенного. Говорили только: ходи в церковь, молись Богу, живи по Божиим заповедям, твори добро — в этом заключается смысл нашего христианского жития. Другие, которым ваше любопытство не нравилось, говорили: высших себя не ищи. Но никто не ответил так, как было бы нужно. Теперь хочу я, убогий Серафим, вам объяснить, в чем заключается истинный смысл христианской жизни. Молитва, пост, бдение и другие дела сами по себе хороши, но все равно смысл нашей христианской жизни не в них лежит, хотя и они суть необходимые средства. Настоящий смысл нашей христианской жизни заключается в стяжании Святого Духа. Заметьте, батюшка, только ради Христа сделанные добрые дела подают нам дары Святого Духа. Все, что не ради Христа сделано, даже добро, не доставляет нам благодати. Поэтому сказал наш Господь Иисус Христос: "Каждый, кто не со Мною собирает, расточает". Однако добрые дела, не ради Христа сделанные, все-таки остаются добрыми.

Господь применяет все Свои Божественные средства, чтобы человек в Вечной Жизни не остался без награды. Поэтому надо уже здесь начать право веровать в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Который пришел на грешную землю нас спасти, и надо стараться о приобретении благодати Святого Духа, чтобы Он создал в наших сердцах Царство Божие и указал нам путь, на котором мы приобрели бы блаженное счастье будущей Вечной Жизни. Человек свободен делать добрые дела или нет. Создатель дает нам средства к их осуществлению. При этом если человек сделает доброе дело ради Христа, то получит от Господа не только венец в Вечной Жизни, но Господь исполнит его еще в этой земной жизни благодатью Святого Духа, как сказано: "Не мерою дает Бог Духа. Отец любит Сына и все предал в руки Его" (Ин. 3, 34—35). Это так, друг мой в Господе. Итак, в стяжании Сего Святого Духа заключается истинная цель нашей христианской жизни, а молитва, бдение, милостыня и другие ради Христа сделанные добрые дела суть только средства к стяжанию Святого Духа".

— Что значит это стяжание? — спросил я старца Серафима. — Я этого не понимаю.

— Стяжание — это в точности, как приобретение прибыли, — ответил старец, — вы понимаете, конечно, что означает приобретение денег в мирском смысле; совершенно похоже на это стяжание Святого Духа. Цель жизни обыкновенных людей — это стяжание денег; у благородных еще существует желание признания или получения орденов за гражданскую службу.

Стяжание Святого Духа — это тоже капитал, но благодатный и вечный, и его можно получить похожим способом, как временный капитал из денег и наград. Слово Божие, Господь наш Иисус Христос, Человек и Бог, сравнивает нашу жизнь с торговлей и называет деяния нашей жизни на земле торговлей, говоря всем: покупайте, пока Я приду, берегите время, ибо дни лукавы, что значит: используйте время, чтобы обменять земные ценности на небесное блаженство. Земные ценности суть добродетели, исполняемые ради Христа. Они приносят нам благодать Пресвятого Духа, без Которого никакое спасение не бывает и не может быть, ибо "Святым Духом всяка душа живится и чистою возвышается, светлеется Троическим единством священнотайне". Святой Дух проникает в наши души. И то, что Он, Вседержитель, в нас входит и в нашем духе пребывает, соделывает нашу душу и тело престолом и сосудом Бога Вседержителя.

Следовательно, каждая добродетель, которая ради Христа исполняется, дарует нам благодать Святого Духа. Но преимущественно так действует молитва, которая всегда находится в нашем распоряжении как инструмент для стяжания Святого Духа.

Например, вы хотели бы в церковь пойти, но нет никакой церкви поблизости или богослужение уже заканчивается; вы хотите бедному милостыню подать, но не встречаете бедного или сами ничего не имеете; вы хотите себя сохранить в девстве, но ваша природа этого не позволяет; вы хотите какое-либо другое доброе дело ради Христа сотворить, но вам не хватает сил или вы не находите для этого возможности. А к молитве это никак не относится. Для каждого человека и в любое время существует такая возможность: для богатых и для бедных, для высоких и для низких, для сильных и для слабых, для здоровых и для больных, для праведников и для грешников. Мощественна сила молитвы, потому что сильнее всего привлекает она Святого Духа, и как просто для каждого ее сотворить. Посредством ее мы разговариваем с Богом и Спасителем. Но мы должны молиться лишь до тех пор, пока Святой Дух на нас не снизойдет в известную Ему меру Своей небесной благодати; когда это произойдет, необходимо молитву прекратить.

— Батюшка, что же делать с другими добродетелями, которые мы стараемся исполнить во имя Христово, чтобы получить через них благодать Святого Духа? Вы говорили до сих пор только о молитве.

— "Вы можете стяжать благодать Святого Духа также и другими добродетелями, Христа ради творимыми. Действуйте, однако, теми, которые приносят вам наибольшую выгоду. Собирайте себе капитал от прироста Божией благодати, но не по четыре или по шести рублей на сто, а по сто на один духовный рубль и даже много больше.

Если вам, например, приносит больше благодати Божией молитва и бедение, то молитесь и бодрствуйте. Если пост дает вам много благодати Святого Духа, то поститесь. Если помогает милостыня, то старайтесь творить ее больше. И так рассматривайте, какая добродетель ради Христа для вас более подходяща.

Забываетесь о правильной духовной торговле добродетелями. Раздавайте дары благодати Святого Духа всем ищущим, как горящая свеча своим огнем может зажечь другие свечи, не погаснув сама. И если так происходит с земным огнем, то что скажем мы о воспламеняющей благодати Пресвятого Божиего Духа?

— Батюшка, — сказал я, — вы говорите о стяжании благодати Святого Духа как о смысле нашей христианской жизни, но где и как можем мы эту благодать увидеть? Добрые дела видимы, но может ли Святой Дух так же быть видимым? Как могу я знать: есть Он во мне или нет?

— Современные люди, — ответил старец, — почти все пребывают в смертельном холоде относительно святой веры в Господа нашего Иисуса Христа, и мы не замечаем более Его Божественных действий и нашего общения с Богом. Это зашло так далеко, что мы почти совсем удалились от христианского жития. Поэтому слова Священного Писания нам кажутся удивительными, когда Святой Дух через Моисея говорит: "Адам видел Бога, ходящего по райскому саду", или когда мы у апостола Павла читаем: "Мы пришли в Ахаию, и Дух Божий не был с нами; мы повернули в Македонию, и Дух Божий был с нами". И в других местах Священного Писания неоднократно идет речь о том, что Бог являлся людям. Некоторые говорят: "Эти места непонятны. Как это могло быть, что люди своими глазами видели Бога?"

Но здесь нет ничего непонятного. Непонятность происходит оттого, что мы очень далеко отошли от первоначального христианского мировоззрения и, по нашим собственным мудрованиям, попали в такую темноту и незнание, что нам теперь непонятно то, что древним было совершенно ясно и что им самим, в буквальном смысле слова, явление Бога было нередким.

Бога и благодать Святого Духа люди видели не во сне, и не в мираже, и не в болезненном бреду, но в действительности и истинно.

Так мы из-за собственного небрежения о том, что касается нашего спасения, виновны в том, что многие слова Священного Писания не в том смысле принимаем, как должно. И все это только потому, что мы не ищем благодати Божией, что мы пренебрегаем ею по гордости ума нашего и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердце каждого человека, который всей душой жаждет Его правды. Когда Господь наш Иисус Христос после Своего воскресения захотел завершить дело нашего спасения, то вдунул в апостолов дыхание жизни, которое Адам потерял, и таким образом вернул им благодать Пресвятого Духа. В день Пятидесятницы в бурном дыхании Он таинственно послал благодать Пресвятого Духа в виде огненных языков, которые опочили на каждом из апостолов, и исполнил их огненной силой Божественной благодати. И эта огнедохновенная благодать Пресвятого Духа подается каждому последователю Христа в Таинстве Святого Крещения, в котором, как Святая Церковь предписывает, миропомазываются важнейшие места нашего тела. Поэтому во время помазания произносятся слова: "Печать дара Духа Святаго". Благодать Святого Духа есть Свет, просвещающий человека.

Я спросил отца Серафима: "Как я могу узнать, что уже нахожусь в благодати Пресвятого Духа?"

— Это очень просто, ваше боголюбие, — ответил старец, — поэтому Господь говорит: тем, кому дан разум, все просто. Апостолы, обладавшие таким разумом, всегда видели, с ними Дух Божий или нет, старались вернуть себе Его присутствие и тогда были убеждены, что их действия святы и угодны Богу.

— Но я все-таки не понимаю: как можно увериться в том, что Святой Дух со мною? — сказал я.

Тогда отец Серафим взял меня за плечи и сказал:

— Мы оба, батюшка, находимся теперь в Святом Духе! Почему ты не смотришь на меня?

Я ответил: Я не могу на вас смотреть, отче, из ваших очей блистают молнии, ваше лицо стало светлее солнца, и мои глаза от этого света болят!

— Не бойся! — сказал отец Серафим. — Ты сам стал сейчас таким же светящимся, как я. Ты находишься в благодати Святого Духа, иначе не мог бы меня таким видеть!

И, склонив свою голову ко мне, он прошептал мне на ухо: "Благодари Бога за Его неизреченную благодать. Ты увидел, что я даже не перекрестился, только в своих мыслях молился Богу и в своем сердце сказал: "Господи, дай ему ясность и позволь ему, его же телесными очами, увидеть изливание Святого Духа, Которым Ты удостоиваешь Своих рабов, когда благоволишь являться во свете Твоей великолепной славы". И вот, батюшка, Господь и исполнил смиренную молитву убогого Серафима. Как должны мы Его благодарить за неизреченный дар нам обоим! Смотрите, батюшка, не всегда показывает Господь Бог даже великим отшельникам так видимо Свою благодать. Эта благодать Божия наполнит радостью наше обеспокоенное сердце. Однако почему ты все-таки не смотришь мне в глаза? Смотри и не бойся, Господь с нами!"

При этих словах посмотрел я на его лицо и был объят благоговейным страхом. Представьте себе: посередине, в солнце, в сиянии его полуденных лучей, лицо человека, разговаривающего со мной. Вы замечаете движения его губ и изменяющееся выражение его глаз, вы слышите его голос, вы чувствуете, что кто-то держит вас за плечи, однако вы не видите его рук, вы не видите ни его, ни себя — только исходящее сияние, расширяющееся и освещающее блеском снег на небольшом дереве, и падающие на великого старца и меня снежинки...

Невозможно описать то состояние, в котором я находился в этот момент.

— Как ты себя чувствуешь сейчас? — услышал я голос отца Серафима.

— Необыкновенно хорошо! — ответил я.

— Как хорошо? Что ты подразумеваешь под этим? Я ответил: Я чувствую такую тишину и мир на своей душе, которые никаким словом нельзя выразить!

— Это, ваше боголюбие, есть тот мир, о котором Господь говорил Своим ученикам: "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не так, как мир дает". Это — мир Божий, который, по словам апостолов, выше всякого разумения. Что ты еще чувствуешь? — спросил отец Серафим.

— Необыкновенную сладость, — ответил я.

— Это та сладость, о которой говорит Священное Писание так: "От тука дома Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я". Эта сладость проникает наше тело, через эту сладость тают наши сердца, и мы оба исполняем этой сладости так, как нельзя описать никаким словом. Что ты чувствуешь еще?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

Отец Серафим продолжал: "Когда Святой Дух снисходит на людей и всею полнотою Своего изливания благословляет их, тогда человеческая душа исполняется неизреченной радости, потому что Святой Дух вызывает радость во всем, чего Он касается.

Но как ни утешительна эта радость, она, однако, ничтожна по сравнению с той, о которой Сам Бог объявил через Своих апостолов: "Не видело того око и не слышало того уха и не приходило то на сердце человеку, что угодовал Бог любящим Его. Теперь нам дано только предчувствие той радости. И, однако, уже эта радость так сладка в нашем сердце, так любима нами, то что же можно сказать о той радости, которая приготовлена на небесах тем, кто здесь плачет? Так и ты, батюшка, достаточно плакал в своей жизни и смотри, какую радостью тебя Господь утешает. Чувствуешь ли ты еще что-либо, друг мой?"

Я ответил: "Необычайное тепло!"

— Какое такое тепло? Мы же находимся в лесу! Теперь зима, и под ногами у нас снег, и еще снег падает сверху. Какое здесь может быть тепло?

Я ответил: "Тепло, похожее на то, когда в бане брызнут водой на горячие камни и поднимается пар".

— И запах похож на банный? — спросил старец.

— Нет, — ответил я, — я не знаю ничего на земле, что похоже на это благоухание.

Тогда сказал отец Серафим с улыбкою: "Батюшка, я сам чувствую все это точно, как ты, но я спрашивал тебя так подробно, только чтобы услышать, так ли вы все чувствуете, как я. Это истинная правда, друг мой! Никакое земное благоухание не сравнится по сладости с этим, ибо нас овеивает благоухание Святого Духа! Заметьте же, ваше боголюбие, вы мне сказали, что вокруг нас так тепло, как будто мы находимся в бане. Взгляните еще раз: снег не тает ни на вас, ни на мне. Следовательно, теплота не в воздухе, но в нас самих. Это теплота Святого Духа, заставляющая нас, обращаясь к Богу, молиться так: "Теплотою Твоего Святого Духа согрей меня". Согреваемые ею, отшельники не чувствовали зимней стужи, потому что они закрывались благодатной одеждой, которую Святой Дух соткал, и были как бы одетые в шубу. Так должно быть, так как благодать Божия в нас, в нашем сердце обитает. Ибо Господь сказал: "Царство Божие внутри вас есть".

Под Царством Божиим Господь разумел благодать Святого Духа. Это Царство Божие находится в нас, и благодать Святого Духа освещает и согревает нас также и снаружи и оживляет нас, наполняя также воздух неизреченным благоуханием. Она радует наше сердце неизреченной радостью. Мы находимся в том состоянии, о котором апостол сказал: "Царство Божие не пища и питье, но правда и мир во Святом Духе". Или как написал великий Макарий Египетский: "Я сам был исполнен Святого Духа".

В этом состоянии находимся мы сейчас. Ну, мне кажется, ты больше не нуждаешься в том, чтобы спрашивать, как люди находятся в благодати Святого Духа. Вспоминайте всегда сегодняшнее откровение".

— Я не знаю, батюшка, — сказал я, — сподобит ли меня Господь всегда живо и явственно вспоминать то, как я сейчас себя чувствую.

"Я твердо верю, — ответил отец Серафим, — Бог тебе поможет всегда удерживать это воспоминание; иначе Его благодать не исполнила бы так скоро мое смиренное прошение, тем более что тебе это дано не только для тебя самого, а через тебя для целого мира и также для того, чтобы ты мог быть полезен и другим. Что касается того, что я монах, а вы мирянин, то это не имеет значения. Богу нужны только правая вера в Него и Его Единородного Сына. За это благодать Святого Духа подается свыше щедро. Господь ищет сердце, переполненное любовью к Богу и к ближнему. Этот тот престол, на котором Он любит царствовать и открывать Себя в Своей небесной славе. "Сыне, дай Мне твое сердце", — сказал Он, — и Я дам тебе все остальное, ибо в сердце человеческом находится Царство Божие. Господь слышит монаха и мирянина, простого христианина, если оба держатся правой веры и из глубины своей души любят Бога. Если они имеют веру в Бога, хотя бы с горчичное зерно, то оба смогут переставить горы.

Все возможно верующему. Вы все получите, будь то для славы Божией или для нужд ближних. Ибо Бог берет на Себя также и нужды ближних. Не имей также сомнения в том, что Господь Бог твои молитвы исполнит. И если вы в чем-нибудь нуждаетесь и даже если это нужно только для ваших собственных нужд и выгоды, Бог пошлет вам это скоро, даже если это только внешняя необходимость. Ибо Бог любит тех, кто Его любит. Во всем Он, благодать Господь, исполняет желания тех, кто Его боится, и слышит их молитвы".

В житии и делах преподобного Серафима Саровского особое значение имела его забота о Дивеевском женском монастыре.

Около конца XVIII столетия одна благочестивая женщина устроила девичью общину. Для этого она выбрала местечко Дивеево, в нескольких километрах в стороне от Саровской обители. Игумен Сарова Пахомий был там духовным отцом. Незадолго до своей смерти он сказал предстоятельнице общины: "После моей смерти отец Серафим будет вас вести и охранять".

Случилось так, как предсказал игумен. Старец Серафим по окончании своего затворничества стал снова бывать в своей лесной избушке и заботился о дивеевских сестрах.

В 1825 г. он разделил эту общину на две части: на вдов и на девиц; последних он назвал своими серафимовскими сиротами. С помощью денег господина Мантурова старец смог построить для общины церковь. Позже, в 1861 г., община была признана монастырем, и в начале XX столетия Серафимо-Дивеевский монастырь находился в состоянии расцвета, имел до 1000 монахинь и сестер, а по строгости жизни был известен на всю Россию.

Отец Серафим стал духовным отцом общины, образцом старца, который с большой любовью и вниманием постоянно имел в виду все духовные нужды сестер. Он воспитывал их в духе отречения от мира и послушания и в особенности старался привить им любовь к богослужению. Вся суть их аскетизма заключалась в служении Божией Матери, "Пречистой Госпоже". Часто говорил он сестрам: "Не я вас избрал, но Небесная Царица сама избрала вас, а мне передала".

Николай Мотовилов — "слуга Серафимов" — рассказывает в своем дневнике:

"Это было в 1825 г., в день святого Климента, папы римского, и святого Петра Александрийского (25 ноября), когда преподобный старец после многолетнего затвора снова прибрел в свою лесную избушку. Там явилась ему Божия Матерь. Пречистая Дева стояла между апостолами Петром и Иоанном. Она велела отцу Серафиму разделить Дивеевскую общину и указала

место для новой церкви. Незадолго до этого один помещик подарил старцу Серафиму кусок прилегающей земли. Деньги, которые имел господин Мантуров, он истратил на строительство церкви.

На месте явления Божией Матери находился родник, вода которого уже столетиями приносила облегчение многим больным и исцеляла их.

Духовно руководя сестрами, преподобный Серафим неоднократно проявлял свою духовную силу. Особенно замечательна история "послушания" Елены Мантуровой. Она была сестрой исцеленного помещика. Она отличалась цветущей красотой, скрытой в отдаленном уголке нашей страны. Елена Мантурова привлекла особое внимание старца и по его просьбе поступила в монастырь. В 1832 г. Мантуров опять заболел и написал святому старцу письмо, в котором просил о помощи. Отец Серафим велел ему съесть кусок свежее испеченного ржаного хлеба, отчего он выздоровел. Вскоре после этого старец позвал к себе Елену.

— Ты, моя радость, всегда была мне послушна. Теперь я хочу дать тебе еще одно послушание.

— Я всегда слушалась вас, батюшка, и готова вас и далее слушать.

— Так-так, моя радость, видишь ли, матушка, твой брат очень болен, и наступило время ему умереть. Но он мне нужен еще для нашей общины. Итак, я даю тебе задачу: умри ты, матушка, вместо твоего брата!

— Благоволите меня, батюшка, на смерть, — сказала она. После этого старец начал рассказывать ей о Вечной Жизни, но вдруг Елена сказала: "Батюшка, я боюсь смерти!"

"Ты — моя радость, мы не должны бояться смерти, для нас там только вечная радость".

Когда она собралась уходить, упала на пороге, обессиленная. Старец дал ей попить святой воды, и она снова пришла в себя. Когда она пришла домой, то тяжело заболела. Во время болезни она рассказала игумении о своем разговоре со старцем и принятом ею послушании 28 мая 1832 года Елена Мантурова умерла в возрасте 34-х лет. Одна сестра пришла к старцу и плача, сообщила ему о ее смерти. "Почему ты плачешь? — спросил святой. — Надо радоваться! Как вы мало понимаете! Вы плачете! И если бы только вы видели! Ее душа полетела, полетела, как птица, кверху. Херувим и Серафим приготовили ей место. Как девственница, она удостоилась занять место недалеко от Святой Троицы. Она верная служительница Божией Матери... Она фрейлина Царицы Небесной!"

Священник Дивеевской общины отец Василий Садовский рассказывал:

"Через три дня после праздника Успения (1830 г.) навестил я святого старца Серафима. Мы долго говорили о жизни святых, когда старец внезапно спросил: "Батюшка, имеешь ли ты чистый платочек? Дай его мне". Я протянул ему платочек. Старец взял из сосуда крошечный сухарик, который был особенно белым. "Ну, батюшка, Царица меня посетила и подарила этот сухарик для моих гостей. Иди в монастырь и дай каждому по сухарику". Я подумал, что какая-нибудь высокая персона посетила старца Серафима, но старец сказал мне: "Небесная Царица, батюшка, Небесная Царица Сама посетила убогого Серафима! Какая радость, батюшка.. "Мой верный слуга, — сказала Она, — проси от Меня всего, что ты хочешь!" Слышишь ли, батюшка, какую благодать открыла мне Царица Небесная!" Праведник просиял от умиления и продолжал: "И убогий Серафим, батюшка, попросил Божию Матерь! И он выпросил, чтобы все находящиеся в Серафим-Дивеевском монастыре спаслись... И Божия Матерь обещала убогому Серафиму эту неопишемую радость! Только троим это не было обещано. Трое должны погибнуть, так сказала Матерь Божия", — и при этом помрачилось сияющее лицо старца.

Накануне Благовещения Пресвятой Богородицы (1831 г.) в присутствии сестры Евпраксии преподобный Серафим имел последнее известное нам видение.

"Я пришла к батюшке Серафиму, — написано в дневнике монахини Евпраксии, — накануне Благовещения.

— Ах, ты, моя радость, я тебя ждал! Какая благодать Божией Матери приготовлена нам к этому празднику! Каким многозначительным будет этот день!

— Разве я, грешная, этого достойна, батюшка? — спросила я не без страха.

— Если ты недостойна, я буду просить Господа и Его Матерь, чтобы и ты эту радость увидела. Теперь будем молиться!"

Отец Серафим начал читать акафисты: Господу Иисусу Христу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю, а затем каноны Ангелу Хранителю и всем святым. Кончая, он сказал мне:

— Не бойся, благодать Божия является нам! Держись крепко меня!

Внезапно возник шум, как от сильного ветра, появился пламенеющий свет и послышалось пение. Отец Серафим упал на колени и стал восклицать, воздев руки кверху:

— О Всеблаженная, Всепречистая Матерь Божия, Ты Пречистая и Богородица!

И я увидела: два Ангела появились, шествуя впереди с ветвями. За ними — Сама наша Госпожа, затем последовали двенадцать дев и, наконец, святой Иоанн Креститель и святой Иоанн Евангелист. Исполненная страха, я упала без сознания и не знаю, о чем говорила Небесная Царица с отцом Серафимом и о чем он Ее просил... Внезапно услышала я, лежа на земле, что Богоматерь сказала отцу Серафиму: "Кто это около тебя на земле лежит?" Отец Серафим ответил: "Это та монахиня, о которой я Тебя, Владычица, просил, чтобы она присутствовала на Твоем явлении".

Пречистая удостоила меня, совсем недостойную, тем, что взяла мою правую руку... Батюшка взял мою левую, и Она повелела мне через него приблизиться к девам и спросить их имена. И я пошла вдоль ряда, сперва пришла я к Ангелам и спросила их: "Кто вы?" Они ответили: "Мы Ангелы Божии". После этого я обратилась к святому Иоанну Крестителю и святому Иоанну Евангелисту и спросила их, и они назвали свои имена. После этого я пошла к девам и спросила их имена. Святые девы были: святые великомученицы Варвара и Екатерина, святая первомученица Фекла, святая великомученица Марина, святая великомученица царица Ирина, святая Евпраксия, святая великомученица Пелагия и Дорофея, святая Макрина, святая мученица Иустина, святая великомученица Юлиания и святая мученица Анисия. Когда я всех переспросила, то подумала, что теперь должна пасть к ногам Царицы Небесной и просить Ее простить мои грехи... Но внезапно все сделалось невидимым. Батюшка потом сказал мне, что видение длилось четыре часа...

— Ах, батюшка, со страху я забыла попросить Царицу Небесную о прощении моих грехов.

— Я, убогий Серафим, молился Божией Матери за всех, которые меня любят, которые мне служат и которые вокруг меня трудятся, за каждого, кто любит мой монастырь.

Я упала ему в ноги, он тихо сказал мне:

— Иди теперь, дитя мое, в мире, в свой монастырь.

Из оставшихся поучений преподобного Серафима⁴

Бог есть огонь, который сердце и тело согревает и воспаляет. Когда мы в нашем сердце чувствуем холод, который приходит со стороны сатаны, ибо сатана сам есть холод, то мы призываем Господа. И Он приходит и согревает наши сердца через совершенную любовь не только к Нему, но и к ближнему. И перед лицом этого тепла исчезает холод, происшедший от того, кто ненавидит добро. Где Бог, там лукавый не имеет места. Спасительно и

полезно нашей душе человеческой все, что от Бога исходит и ведет, часто против нашего желания, образуя в нас смирение.

Бог открывает нам, людям, Свою любовь не только тогда, когда мы делаем добро, но и тогда, когда мы согрешаем. Как терпеливо переносит Он наши ошибки! И когда Он наказывает, то как милосердно!

Прежде всего нужно верить в Бога, "что Он есть, и ищущим Его воздает" (Евр. 11, 6). Вера есть начало нашего соединения с Богом. Кто действительно верует, тот становится краеугольным камнем храма Божия, предопределенным на небесах для творчества Бога Отца, через силу Иисуса Христа, именно — через Его страдания на Кресте, и поднятым через силу благодати Святого Духа. "Вера без дел мертва" (Иак. 2, 26). Дела веры суть: любовь, мир, терпение, милосердие, кротость, несение креста и жизнь в духе. Только такая вера оценивается как правильная. Правильная вера не может быть без добрых дел; кто правильно верит, тот должен творить добро.

Все, которые в твердой надежде на Бога живут, к Нему возводятся, и блеск вечного Света просвещает их. Истинная надежда ищет только Царства Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет. Сердце не будет иметь покоя, если оно не будет иметь такой надежды.

Кто ищет совершенной любви к Богу, проживает эту земную жизнь так, как будто ее не было. Чувствуя себя чуждым ко всему видимому, ожидает он терпеливо невидимого. Он живет в любви к Богу и оставляет все вещи, которые ему встречаются, далеко за собою.

Кто себя любит, не может Бога любить. А кто самого себя не любит из любви к Богу, только такого любит Бог. Кто действительно любит Бога, смотрит на себя как на странника и чужестранца на этой земле, так как он спешит к Богу и видит душою и духом только Его Одного. Переполненная любовью к Богу душа не боится князя мира сего, сатаны, господствующего в воздухе. Когда она, разлучаясь (умирая), оставляет тело, она летит вместе с Ангелами ввысь, как из чужой страны на родину.

Человек, который хочет пройти путь святого трезвения, должен прежде всего иметь в себе страх Божий, так как он является началом премудрости. В его уме всегда должны быть слова: "Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом" (Пс. 2, 11). Он должен свой путь проходить с величайшей осторожностью и благоговением перед тем, что свято, а не небрежно. Иначе должен он бояться, что над ним исполнятся слова: "Проклят всякий, творящий дело Господне с небрежением!" (Иер. 48, 10).

Бывает два рода страха: 1) когда ты не хочешь сделать зла, то бойся Бога и не делай его; 2) когда ты не хочешь делать добра, то бойся Бога и делай его.

Никто не может достичь страха Божия, если он не освободится от всех временных забот. Если разум совершенно без забот, тогда почивает в нем страх Божий и приводит его к любви благодати Божией. Страх Божий приобретает тот человек, который отказывается от всего, что есть в мире, все свои мысли и чувства собирает в созерцании Бога и погружается в благоухание блаженства, обещанного святым.

Невозможно совершенно отречься от мира и прийти в состояние духовного зрения, если мы остаемся в миру, потому что, пока страсти не успокоены, душа не может найти мира. Но страсти не успокоятся, пока мы окружены вещами, вызывающими страсти. Чтобы прийти к совершенному бесстрастию, нужно постоянно искать духовного и упражняться в молитве.

Совершенное отречение от всего есть крест, на котором человек со своими страстями и грехами должен простереться.

Чтобы иметь в своем сердце Свет Христов и чувствовать его, нужно от всего видимого возможно дальше уйти. Когда очистим душу во внутренней вере в Распятого через исповедь и добрые дела, нужно закрыть телесные очи, погрузить разум в сердце и непрестанно призывать Имя Господа Иисуса

Христа: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня". Тогда соответственно со своим усердием и горением духа к Возлюбленному человек находит в призывании Имени некую сладость и умиление, которые пробуждают волю к тому, чтобы искать высшего просветления.

Когда разум достаточно долго пребудет в таком упражнении и сердце обретет тишину, тогда Свет Христов своими лучами просветит храм души Божественным светом, как святой пророк Малахия сказал от Имени Господа: "Для вас, благоговееющих пред Именем Моим, взойдет Солнце правды" (Мал. 4, 2). Этот Свет есть жизнь: "В Нем была жизнь, и жизнь была свет человек" (Ин. 1, 4). Как скоро человек вечный свет увидит в себе, разум его очистится и освободится от всех земных представлений, совершенно погруженный в созерцание Несотворенного Блага, оставляет весь мир понятий, уже не хочет смотреть и на самого себя, но желает глубоко спрятаться в сердце земли, лишь бы не потерять истинного Блага — Бога.

* * *

Дела отца Серафима в течение последних восьми лет до его смерти нельзя назвать делами только одного старца. Он перешагнул границы этого мира. Он был праведником и хранителем неизреченной тайны, которая перекидывает мост от земного к потустороннему.

Для верующих он уже не был человеком, но святым, который только из любви к грешным людям остается еще в телесной жизни. И когда они увидели, что святой старец готовится к вечному блаженству, они не чувствовали печали, но радость; и верили, что вскоре получат нового заступника перед Престолом Божиим. Его смерть означала для них не расставание и не конец.

Более полувека подвизался святой для славы Божией. Ему было уже 72 года. Его земные силы начали медленно угасать. Он сам еще за год до смерти почувствовал, что силы слабеют. Только дух его пылал непрестанной любовью к Богу. Старец чаще оставался в монастыре и только иногда едва доходил до своей лесной хижинки. Но больным он помогал очень охотно и исцелял многих из них.

Много раз он объявлял о своем приближающемся конце: "Я слабею, теперь должны вы без меня жить". Оставшееся ему время он большей частью употребил для того, чтобы предстать пред Лицом Бога. Многие часы проводил он в молитве. С сияющим лицом и воздетыми руками погружался он в молитву без слов. Его глаза были устремлены к другому миру.

"Какую радость, какую сладость получает душа, разлучающаяся с телом! Ангелы встречают ее, чтобы привести пред Лице Бога... Когда я помру, приходите к моему маленькому гробу. Все, что тяготит вашу душу, или вам живется тяжело, или вы имеете что-либо вас беспокоящее — приходите ко мне и принесите ваши печали к моему маленькому гробу. Падите на землю и расскажите мне все, как живому, и я вас услышу, и тогда ваша печаль скоро пройдет! Для вас я еще живу и буду вечно жить!" — говорил святой старец.

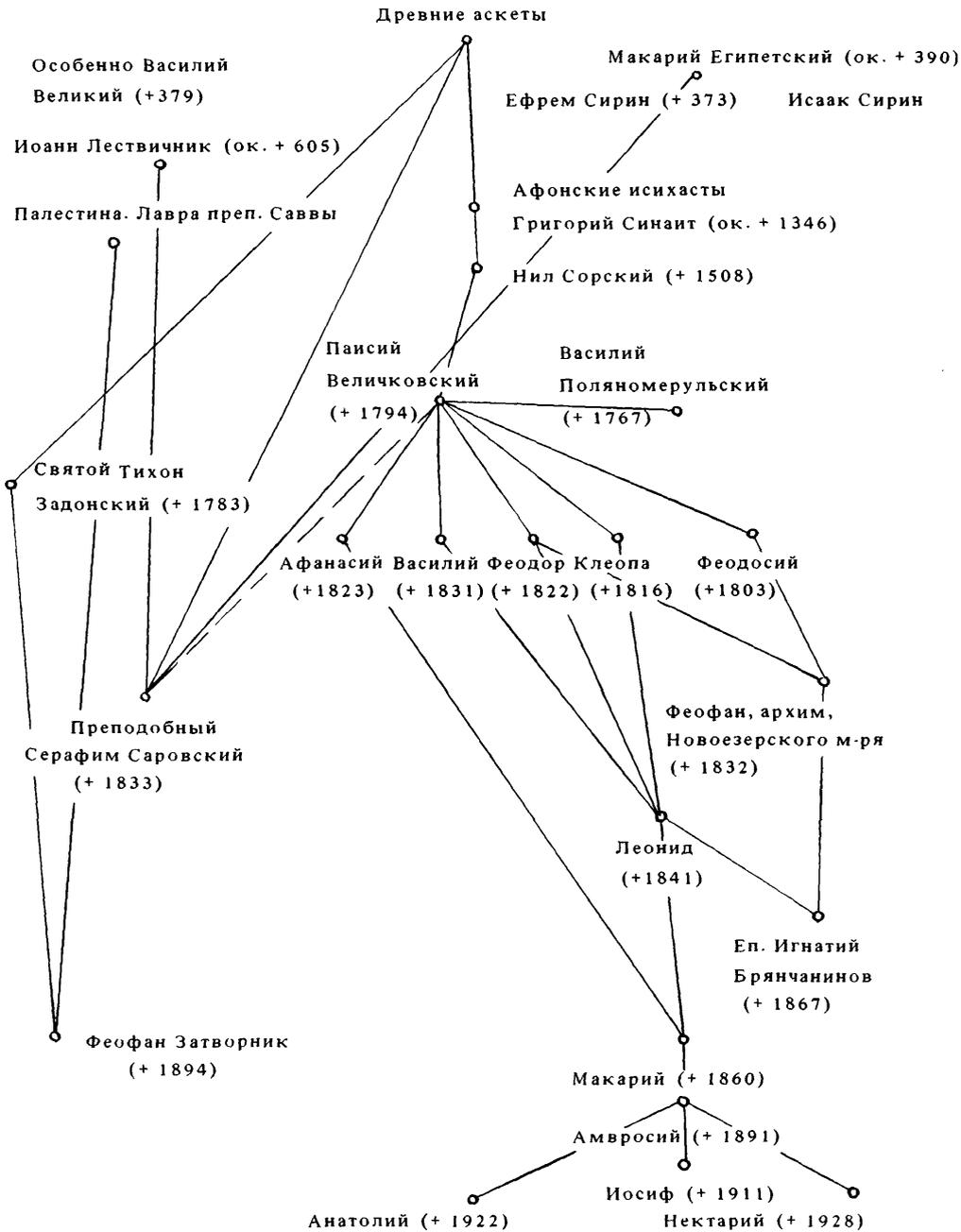
В первый день 1833 г., в воскресенье, присутствовал он последний раз за Божественной литургией. В келье он весь день пел пасхальные песнопения. Три раза он выходил к тому месту, которое предназначено было для его могилы. В ближайшее утро, незадолго до ранней литургии, нашли его в келье перед иконой Божией Матери "Умиление" лежащим с руками, скрещенными на груди, и светлым лицом. Глаза его были закрыты, как будто он был погружен в молитву. Святой Серафим вошел в Вечную Жизнь.

Вместе с Церковью мы молимся: "От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенно вождевал, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовью Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матери явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме преподобне, отче наш!"

Расположение монастырей и обителей

П е т е р б у р г	Валаамский монастырь Александрo-Свирский монастырь Кирилло-Новоезерский монастырь
В о л о г д а	Нило-Сорская обитель Кирилло-Белозерский монастырь Пельжемский монастырь
М о с к в а	Троице-Сергиева Лавра Флорищева обитель Островская обитель Санаксар-обитель Саров-обитель Оптина пустынь Белобережская обитель Площанская обитель Софрониевская обитель Вышенская обитель
К и е в	Печерская Лавра

Последовательность старцев, упомянутых в этой книге

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трубецкой Е. Религиозное мировоззрение древнерусской иконописи. Падерборн, 1927, с. 72.

² Слова русского мыслителя Ивана Киреевского. Здесь он говорит о знаменитой Иверской иконе Божией Матери, стоявшей в часовне на Красной площади. Эта часовня сейчас разрушена, а икона передана в другую церковь.

³ Игорь Смолич приводит беседу с некоторыми несущественными сокращениями. Поэтому данный перевод короче полного русского текста.

⁴ Игорь Смолич перевел изречения преподобного Серафима на немецкий язык. При повторном переводе на русский, возможно, частично утратилась простота и красота слов преподобного.
